МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Под редакцией
генерал-майора Н. Я. СУШКО
и подполковника Т. Р. КОНДРАТКОВА

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1966

355С
М54

Книга написана коллективом авторов в следующем составе: кандидат педагогических наук подполковник А. В. Барабанщиков (§ 3 и 4 главы XVI), кандидат философских наук подполковник А. В. Беспенцев (§ 2 и 3 главы IX), кандидат философских наук инженер-подполковник В. А. Бокарев (глава XIII), кандидат философских наук подполковник В. М. Бондаренко (§ 1 и 2 главы III), кандидат философских наук подполковник А. П. Дмитриев (глава XII), кандидат философских наук подполковник В. Г. Козлов (§ 3 главы III), генерал-майор С. Н. Козлов (глава IV), кандидат философских наук подполковник Т. Р. Кондратков (§ 3 и 4 главы II), кандидат философских наук полковник В. К. Коноплев (глава X), кандидат философских наук полковник С. И. Крупнов (глава VI), доктор философских наук полковник А. С. Миловидов (§ 1 и 2 главы XVI), кандидат философских наук полковник М. В. Попов (глава V), кандидат философских наук капитан 2 ранга В. М. Пузик (§ 2 главы I, глава VIII), кандидат философских наук полковник Е. Ф. Сулимов (§ 1 и 2 главы XV), кандидат философских наук генерал-майор Н. Я. Сушко (§ 1 главы I, § 1 и 2 главы II, глава XIV), кандидат философских наук подполковник А. А. Тиморин (§ 3 главы XV), кандидат философских наук полковник С. А. Тюшкевич (§ 1 и 2 главы III), доктор философских наук полковник Г. А. Федоров (глава VII, § 1 главы IX), кандидат философских наук полковник Е. А. Хоменко (глава VIII), кандидат философских наук подполковник М. И. Ясюков (глава XI).

1-12-1-2
4-66

ПРЕДИСЛОВИЕ

XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза уделил большое внимание укреплению обороноспособности нашей Родины. Отметив, что соотношение сил на мировой арене продолжает меняться в пользу социализма, рабочего и национально-освободительного движения, съезд вместе с тем указал на усиление империалистической агрессии, активизацию международной реакции во главе с монополистическими кругами США, на возрастание военной опасности. Это диктует необходимость повышения боевой мощи и боевой готовности Советских Вооруженных Сил.

Успешное решение задач, поставленных партией перед воинами Советской Армии и Военно-Морского Флота, требует дальнейшего развития военной теории и практики, глубокого осмысливания и правильной оценки всего нового, что возникло и продолжает возникать в ходе современной революции в военном деле.

Коренные изменения материально-технической основы и организационной структуры армии и флота, возникновение новых способов и форм вооруженной борьбы, ломка многих понятий военной теории, сложившихся в прошлом, выдвинули перед нашими военными кадрами целый ряд сложных и важных проблем.

Правильно решить возникшие проблемы, глубоко проникнуть в суть новых явлений, сделать необходимые теоретические и практические выводы можно, только руководствуясь подлинно научной, марксистско-ленинской методологией.

Марксистско-ленинская методология — это учение о всеобщем методе познания, это применение научной теории, законов, категорий и принципов диалектического и исторического материализма к процессу познания и практики. Правильное применение марксистско-ленинской методологии предохраняет от догматизма, позволяет всесторонне учитывать сложную взаимосвязь явлений, их противоречивость, изменчивость, раскрывать объективную диалектику развития всех сторон жизни общества, в том числе и военного дела.

В предлагаемой вниманию читателей книге, подготовленной кафедрой марксистско-ленинской философии Военно-политической академии имени В. И. Ленина, делается попытка в популярной форме осветить некоторые методологические проблемы военной теории и практики, возникшие в ходе современной революции в военном деле. Что это за проблемы?

Прежде всего, это проблемы, относящиеся к выяснению сущности, особенностей, источников и последствий ракетно-ядерной войны, которую могут развязать империалисты. Здесь первостепенное значение имеет анализ категории «война». Категории военной теории — это узловые, опорные пункты познания процессов войны. В них закрепляются результаты исследования этого сложного явления. В то же время они служат средством дальнейшего, более глубокого изучения войны, ее закономерностей.

Диалектико-материалистическая методология отвергает как несостоятельное одностороннее определение войны, сведение ее только к вооруженному насилию, к вооруженной борьбе. Она решительно выступает против попыток современных буржуазных идеологов извратить марксистско-ленинское учение о войне, замаскировать подлинные источники вооруженных конфликтов в современную эпоху, оправдать авантюристическую политику империалистических кругов, пытающихся толкнуть человечество на путь ядерной катастрофы.

С позиций марксистско-ленинской методологии в книге раскрываются источники, сущность, содержание, основные этапы и особенности современной революции в военном деле, оказавшей глубокое воздействие на всю военную теорию и практику, на содержание и проблематику военной доктрины и военной науки.

Одной из важнейших задач, стоящих ныне перед нашими военными кадрами, является повышение научного уровня руководства войсками. Правильно решить эту задачу можно только на основе познания закономерностей развития военного дела, строгого соблюдения их требований, постижения сущности сложных процессов вооруженной борьбы.

В книге рассматривается широкий круг вопросов, связанных с проблемой научного руководства войсками, и прежде всего вопрос о принципах военного искусства и особенностях их проявления в ракетно-ядерной войне. Принципы военного искусства представляют собой основополагающие, руководящие идеи, важнейшие рекомендации о способах и формах боевых действий войск в целях достижения победы. Это не произвольные конструкции человеческого ума, а отражение объективных условий вооруженной борьбы, действия ее законов.

В отличие от законов вооруженной борьбы, существующих в самих явлениях и процессах вооруженной борьбы, независимо от воли и сознания людей, принципы военного искусства существуют лишь в сфере сознания. Содержание их изменяется с изменением условий боевых действий войск и законов вооруженной борьбы. Это обязывает наши военные кадры настойчиво изучать законы вооруженной борьбы и принципы военного искусства, умело использовать их в своей практической деятельности.

В связи с революцией в военном деле исключительное значение приобрел вопрос о средствах и способах вооруженной борьбы. В книге показывается противоречивый характер развития этих средств и способов. Средства вооруженной борьбы, как известно, развиваются и совершенствуются гораздо быстрее, чем ее способы. Это порождает противоречие, которое разрешается либо путем совершенствования старых способов и приведения их в соответствие с новыми средствами, либо путем замены старых способов борьбы новыми.

С особой остротой такого рода противоречие обнаружилось с появлением ракетно-ядерных средств. Новое оружие заставляет постоянно искать более эффективные способы его применения. Успешно решить данную проблему можно только на базе марксистско-ленинской мето-

дологии, использования всего арсенала методов военно-научного исследования.

В книге затрагивается вопрос о планомерности и целеустремленности в вооруженной борьбе. Одним из условий достижения планомерности и целеустремленности боевых действий является глубокое изучение непрерывно меняющейся обстановки и прежде всего сил и замыслов противника. Другое условие заключается в соблюдении соподчиненности тактических, оперативных и стратегических планов, соответствия целей имеющимся силам и средствам. Выполнение этих условий обеспечивает строгую планомерность и целеустремленность боевых действий войск, централизацию руководства и в то же время дает простор для разумной инициативы и творчества.

Значительное место в книге отведено рассмотрению проблем, связанных с познавательной деятельностью командира. Марксистско-ленинская методология дает возможность проникнуть в сложный мыслительный мир командира, раскрыть роль чувственного и логического компонентов познания в процессе оценки обстановки, выработки решения и организации его исполнения. Она развивает диалектическое мышление, которое должно стать неотъемлемым качеством каждого командира. Такое мышление — не природный дар, а результат упорного труда, настойчивой теоретической учебы.

С познавательной деятельностью командира неразрывно связан вопрос об истине в военной науке и практике. Цель познания сводится к тому, чтобы установить истину, то есть правильно отразить в сознании явления и процессы объективной действительности, в том числе и вооруженной борьбы. Планы боевых действий войск и решения командиров могут быть эффективными в том случае, если они будут основываться на истинном знании и трезвой оценке обстановки, свободной от субъективистских ошибок и промахов. Критерием истины является практика.

Важное значение в деятельности военных кадров имеет умение предвидеть. Без предвидения невозможно определить перспективы развития военного дела, успешно вести военное строительство, правильно организовать воспитание и обучение воинов. Марксистско-ленинская методология вооружает наши кадры способностью предви-

деть, повышает его эффективность, дает им возможность строить свою деятельность на научной основе.

Одной из коренных проблем, стоящих перед советскими военными кадрами, является повышение качества управления войсками. Это требует глубокого уяснения механизма действия объективных законов развития военного дела, проникновения в сущность реальных процессов, происходящих в военной области, трезвой и всесторонней оценки фактов, решительной борьбы против субъективизма, приукрашивания и замазывания недостатков.

Повышение эффективности управления может быть достигнуто не только за счет улучшения отбора и подготовки командиров и офицеров штабов, но и за счет широкого внедрения средств автоматизации. Автоматизация управления помогает преодолеть природные барьеры, затрудняющие переработку человеком огромного потока информации. Вместе с тем она предъявляет более высокие требования к нашим военным кадрам, к их квалификации.

Наряду с указанными проблемами в книге анализируются также основы и принципы советского военного строительства, особенности и историческое назначение нашей армии и флота в современных условиях, рассматриваются вопросы теории и практики воспитания и обучения личного состава Советских Вооруженных Сил.

Интересы дальнейшего улучшения воспитания советских воинов требуют теоретического осмысления закономерностей развития личности воина, изыскания более действенных путей и средств воздействия на его сознание, совершенствования форм и методов выработки у воинов высоких морально-политических качеств, необходимых для победы в современной войне.

Обучение советских воинов точно так же должно опираться на научную методологию, идти по пути дальнейшего совершенствования содержания обучения, программ боевой подготовки, введения новых методов и форм учебной работы и технических средств обучения.

Излагая некоторые методологические проблемы военной теории и практики, авторский коллектив учитывал возросший интерес наших кадров к этим проблемам. Он ставил своей целью оказать помощь в первую очередь офицерам, изучавшим основы марксистско-ленинской философии и продолжающим работать над расширением

теоретического кругозора, над повышением своей методологической культуры, а также слушателям высших военно-учебных заведений, интересующимся методологическими проблемами военной теории и практики.

Данный коллективный труд следует рассматривать как первую попытку решения важной задачи, стоящей перед советскими военными кадрами. Само собой разумеется, что все критические замечания и предложения читателей будут учтены при последующей разработке методологических проблем военной теории и практики.

Генерал-полковник
А. С. ЖЕЛТОВ

Глава I

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ВОЕННАЯ НАУКА

Марксистско-ленинская философия — это единая монолитная философская система, представляющая собой подлинно научное мировоззрение. Будучи одной из трех составных частей марксизма-ленинизма, диалектико-материалистическая философия выступает теоретической и методологической основой марксистско-ленинского учения в целом.

Творческий и революционный характер — важнейшая особенность марксистско-ленинской философии, отличающая ее от всех прошлых и современных философских систем. Эта особенность находит свое выражение в одном из ее коренных принципов — принципе единства теории и практики. Разрабатывая основы нового мировоззрения, К. Маркс писал: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»[1].

Классики марксизма положили начало соединению философии с революционным движением трудящихся масс. С тех пор каждый этап практической борьбы рабочего класса ставит перед марксистской философией все новые и новые задачи. Решение их требует дальнейшего развития философии, ее обогащения и совершенствования.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 4.

Связь теории и практики приобрела особое значение после победы Великой Октябрьской социалистической революции. В. И. Ленин писал, что «наступил именно тот исторический момент, когда теория превращается в практику, оживляется практикой, исправляется практикой, проверяется практикой...» [1]

Подчеркивая решающее значение практики, марксизм-ленинизм в то же время выступает против недооценки теории, против отождествления теории и практики. В. И. Ленин отмечал, что теория и практика — две вещи разные и разрешать тот или иной вопрос практически или теоретически совсем не одно и то же [2].

Огромная роль теории состоит в том, что на основе глубокого обобщения практики она освещает путь движения вперед. Ярким подтверждением этого является Программа КПСС, представляющая собой философское, экономическое и социально-политическое обоснование построения коммунистического общества в нашей стране. Конкретизируя положения Программы, XXIII съезд КПСС рассмотрел важнейшие вопросы политической, экономической, идеологической и организаторской работы партии, определил направление деятельности советского народа на ближайшие годы.

Правильное, творческое применение марксистско-ленинской философии к практике предполагает последовательную и строго выдержанную партийность, отстаивание классовой точки зрения. Образцом такого применения являются труды классиков марксизма-ленинизма, решения Коммунистической партии Советского Союза, документы международного коммунистического движения.

Марксистско-ленинская философия играет большую роль в решении коренных проблем военной теории и практики.

Однако нельзя упрощенно излагать связь философии с военным делом. Недостаточно лишь иллюстрировать те или иные принципы, законы, категории марксистско-ленинской философии примерами из военной области, не раскрывая специфики их проявления. Такое применение философии к анализу явлений военного дела чревато опасностью сведения диалектики к сумме примеров. Меж-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 202.
[2] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 41.

ду тем именно подобного рода недостатки присущи некоторым нашим военно-философским трудам.

Чтобы творчески применять марксистско-ленинскую философию к анализу военных проблем, необходимо правильно понимать соотношение марксистско-ленинской философии и советской военной науки.

Известно, что на раннем этапе развития советской военной науки троцкисты утверждали, что философия марксизма не имеет отношения к теории войны, к практическому руководству войсками. Это было открытое выступление против теоретических и методологических основ советской военной науки.

В современных условиях у нас вряд ли найдется теоретик или практик военного дела, который бы открыто отрицал огромную роль диалектического материализма в решении военных проблем. Но в наше время можно встретить ошибочные воззрения другого порядка.

Некоторые авторы требуют от философии формулирования законов военной науки и решения других специфически военных вопросов. Такую претензию нельзя считать обоснованной, так как решением этих вопросов занимается военная наука. Философия не может ни заменить, ни подменить ни одной частной науки, в том числе и военной. Требовать от философии решения несвойственных ей задач — это значит возводить философию в ранг науки наук. Ошибочность этого давно доказана марксизмом-ленинизмом. Военная наука, как и любая другая наука, сама открывает и формулирует свои законы.

С другой стороны, иногда пытаются решать специфически философские вопросы военной науки (например, о сущности ядерной войны) без философии. Но это означает не что иное, как обособление военной науки от философии. Такая крайность объективно представляет собой перепев чуждого марксизму-ленинизму позитивистского положения о том, что якобы каждая наука сама себе философия.

В действительности марксистско-ленинская философия и частные науки находятся в неразрывном единстве, и в этом залог их успешного развития. Диалектико-материалистическая философия — душа всякой науки. Она опирается на частные науки, получает в них подтверждение и конкретизацию своих принципов, законов и категорий. Одновременно философия дает конкретным наукам, в том

числе и военной науке, мировоззренческую, методологическую основу, помогает правильно решать встающие перед ними философские проблемы.

Какие же проблемы военной науки следует рассматривать как философские? По нашему мнению, к ним относятся:

— специфика действия наиболее общих законов развития природы и общества в военном деле;

— особенности проявления категорий диалектики в военной области;

— анализ природы законов и принципов военной науки как отражения объективных процессов вооруженной борьбы;

— вопрос об истине в военной науке, о роли практики и методов других наук в военном деле;

— соотношение объективных законов и сознательной деятельности людей в вооруженной борьбе;

— соотношение материальных и моральных сил, техники и человека в вооруженной борьбе;

— критика философско-методологических основ буржуазной военной науки.

Успешно решить эти проблемы можно только при глубоком знании марксистско-ленинской философии и, что не менее важно, при правильном применении ее к анализу сложных явлений военного дела. Это требование всегда имело первостепенное значение. Теперь же, при коренном изменении способов и форм вооруженной борьбы, его роль еще более возросла.

1. Диалектический материализм как всеобщий метод познания и его применение в военной теории

Диалектический материализм — наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления — является вместе с тем всеобщим методом познания и практического действия.

Понятие «метод» в широком смысле слова означает путь к достижению цели, способ или совокупность способов решения той или иной задачи. Так, существуют методы воспитания, методы обучения, методы управления или руководства. Единоначалие, например, наиболее целесообразный метод управления войсками.

В науке понятие «метод» означает способ познания объективной действительности. Методы научного познания весьма многообразны. Одни из них общи для многих наук, например, наблюдение, сравнение, эксперимент, логические методы — анализ и синтез, индукция и дедукция, движение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному. Другие присущи лишь каждой отдельной науке. Специфическими методами военной науки являются специальные тактические учения, маневры, командно-штабные учения, военные игры и другие. Методы познания изменяются с развитием науки и общественной практики.

Среди методов познания особое место занимает диалектический метод. Это всеобщий метод. Он применяется во всех науках, составляет основу всех частных методов. В нем воплощаются единство познания и революционного действия, теории и практики, объективность и партийность.

Диалектический метод — это путь к достижению истины, способ движения мысли, соответствующий наиболее общим законам развития материального мира, природе изучаемых предметов, явлений и процессов. Этот метод определяется не субъективными пожеланиями людей, а объективной реальностью. Научная ценность диалектического метода заключается в том, что он, как подчеркивал Ф. Энгельс, представляет аналог действительности [1].

Диалектический метод всегда имел громадное значение в науке. В современных условиях его роль еще более возросла. Выдвижение на первый план методологической стороны марксистско-ленинской философии — закономерный процесс. Он обусловлен рядом причин. Одной из них является дифференциация и интеграция наук, небывалые темпы их развития, превращение науки в непосредственную производительную силу общества, усиление роли общественных наук в связи с глубокими преобразованиями в социальной жизни.

Вторая причина связана с потребностями общественной практики. Вступление СССР в период строительства коммунизма, успешное строительство нового общества в странах народной демократии, огромный размах коммунистического и рабочего движения, крушение колониаль-

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 367.

ной системы империализма, глубочайший общий кризис капитализма, динамичность и противоречивость современной эпохи — все это расширило границы применения диалектического метода для решения назревших практических задач.

Третья причина повышения роли методологии определяется развитием самой марксистско-ленинской философии. Чтобы успешно справиться с новыми проблемами, выдвигаемыми развитием конкретных наук и общественно-производственной практикой, надо совершенствовать марксистско-ленинскую методологию.

Наконец, есть еще одна причина — необходимость усиления борьбы против буржуазной идеологии. Эта борьба охватывает не только область теории, но и методологии. Непримиримым врагом марксистско-ленинской философии является буржуазный позитивизм во всех его разновидностях — от воинствующего неопозитивизма, выступающего под лозунгом «Долой философию из науки», до умеренного позитивизма, противопоставляющего науки о природе наукам об обществе и недооценивающего значение последних. Эффективно бороться против империалистической идеологии, а также против догматизма и ревизионизма можно, только опираясь на марксистско-ленинскую методологию.

Причины, обусловившие возрастание роли марксистско-ленинской методологии в современных условиях, действуют и в сфере военной теории и практики. Но в этой сфере имеются и свои, специфические причины. Прежде всего — это революция в военном деле, коренные изменения в строительстве вооруженных сил, в способах и формах вооруженной борьбы, в характере войны. Эти изменения требуют ломки многих устоявшихся понятий и представлений, решения ряда новых теоретических и практических вопросов, повышения философских знаний, методологической культуры военных кадров.

Диалектико-материалистический метод включает в себя ряд принципов, обязательных для всякого научного исследования и практического действия. Первый из них — **принцип объективности.** Подчеркивая значение этого принципа для революционной теории и практики, В. И. Ленин писал: «Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного

положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,—а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами» [1].

Принцип объективности имеет огромное значение и в военном деле. Он предохраняет от субъективизма и авантюризма в стратегии, оперативном искусстве и тактике, требует органически сочетать решительный, смелый, наступательный порыв со всесторонней объективной оценкой обстановки и обеспечением войск всеми необходимыми средствами. Научное отражение действительности, глубокий анализ объективного положения вещей— краеугольный камень советской военной теории и практики.

Следующим важнейшим принципом диалектического метода является требование **всесторонности** рассмотрения, то есть исследования всей совокупности связей и отношений каждой вещи, явления, процесса, их отношения к другим вещам, явлениям, процессам. «Чтобы действительно знать предмет,— писал В. И. Ленин,— надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения» [2].

Марксизм-ленинизм требует рассматривать каждую войну в неразрывной связи с политикой, экономическими, дипломатическими, идеологическими и другими условиями, порождающими ее, с закономерностями, обусловливающими ее ход и исход. Этим требованием диалектического метода и руководствуется советская военная наука, что составляет одно из ее коренных преимуществ перед буржуазной военной наукой.

Диалектический метод обязывает, далее, рассматривать предметы и явления в процессе их **движения, изменения, развития.** Чтобы правильно отражать жизнь, наши понятия должны быть гибкими, подвижными, релятивными, взаимосвязанными. Эта гибкость понятий, как отмечал В. И. Ленин, «примененная *объективно,* т. е. отра-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 23.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.

жающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира»[1]. Отсюда следует, что нельзя, например, добиться соответствия мысли действительности, если игнорировать условия возникновения войны, основные этапы ее развития, изменения в боевой технике и оружии, в способах и формах вооруженной борьбы.

Развитие материального мира отражается не только в принципах, но и в наиболее общих законах материалистической диалектики. Одним из них является **закон взаимного перехода количественных и качественных изменений.** В этом законе находит отражение диалектическое единство количественной и качественной сторон явлений и процессов, эволюции и революции. Он показывает, как осуществляется развитие.

Ярким выражением действия закона взаимного перехода количественных и качественных изменений является современная революция в военном деле. Создание и накопление ракетно-ядерного оружия и других новейших видов боевой техники привели к скачку, к революции в военном деле, к его коренной перестройке. Руководствуясь диалектическим методом, советская военная наука вскрыла эти качественные изменения и сделала необходимые выводы для строительства вооруженных сил, обучения и воспитания воинов, разработки наиболее эффективных способов и форм вооруженной борьбы.

Другой закон диалектики — **закон единства и борьбы противоположностей** — раскрывает источник всякого развития, является сутью, ядром диалектики. Развитие предметов и явлений объективного мира происходит под воздействием глубоких внутренних причин. Присущими предметам и явлениям внутренними противоположными сторонами и тенденциями, их борьбой вызывается самодвижение, саморазвитие всего существующего в мире. Отсюда и вытекает общеметодологическое требование, сформулированное В. И. Лениным: *«Отражение* природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», *не без движения,* ***не без противоречий,*** а в веч-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 99.

пом *процессе* движения, возникновения противоречий и разрешения их»[1].

Особой противоречивостью отличаются война и военное дело. Война в целом, вооруженная борьба в частности, есть ожесточенное единоборство противоположных сил. В то же время в процессе вооруженной борьбы постоянно возникают различные по своему характеру противоречия, например, между оружием и боевой техникой, с одной стороны, и способами и формами вооруженной борьбы — с другой, между обороной и наступлением, огнем и движением и т. д. Применяя диалектический метод, военная наука вскрывает эти противоречия, определяет пути и средства их разрешения.

Третий закон диалектики — **закон отрицания отрицания** — раскрывает общее направление, объективные тенденции развития, его поступательный, восходящий характер. Диалектическое отрицание — это решительное уничтожение старого, отжившего, устранение всего, что превратилось в тормоз развития, с одновременным сохранением положительного. Благодаря этому обеспечивается преемственность в развитии, связь нового со старым. В. И. Ленин подчеркивал, что не голое, не зряшное, не скептическое отрицание характерно и существенно в диалектике, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного[2].

Методологическое значение закона отрицания отрицания для советской военной науки заключается в том, что он требует рассматривать военное дело в процессе непрерывного развития. Решающее воздействие на становление нового и отрицание старого в военной области оказывает развитие вооружения и боевой техники, которое в свою очередь происходит путем отрицания одного вида оружия другим. Этот закон предостерегает как от переоценки опыта прошлого, в том числе опыта второй мировой войны, так и от недооценки его.

Законы материалистической диалектики составляют основу целесообразной деятельности людей. Отражая объективные процессы, они дают возможность выделять из общей суммы связей и отношений наиболее важные и существенные, находить, как отмечал В. И. Ленин, «то

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 177.
[2] См. там же, стр. 207.

особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену...»[1].

Наряду с законами материалистической диалектики огромное методологическое значение имеют категории диалектического материализма — сущность и явление, содержание и форма, причина и следствие, необходимость и случайность, возможность и действительность и другие. Категории являются узловыми пунктами, ступеньками познания в любой области природы и общества, в том числе и в военном деле.

Высшая цель познания — достижение объективной истины, которая представляет собой воспроизведение действительности такой, какова она есть, без всяких искажений. Объективная истина необходима во всех сферах деятельности. Но особенно она необходима в военном деле, где ошибка может стоить жизни сотен и тысяч людей, может привести к поражению.

Наиболее общие требования диалектического материализма как всеобщего метода научного познания являются одновременно и принципами диалектического мышления. Следование диалектическому материализму как всеобщему методу познания — непременное условие успешной деятельности военных кадров. Этот метод учит гибкости и динамичности мышления, умению быстро и трезво оценивать обстановку, определять главное, основное и сообразно с этим принимать решения, добиваться их осуществления.

2. Специальные методы военной науки и их взаимосвязь с диалектическим методом

Подчеркивая исключительную важность диалектического метода, классики марксизма-ленинизма не противопоставляли его специальным методам конкретных наук. Каждая наука имеет и применяет свои методы исследования, поскольку каждый объект познания наряду с общими чертами обладает и специфическими, только ему присущими. Известно, например, что исследование ядерных реакций и космических лучей производится с помощью спектрального анализа, электронной микроско-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 205.

пии, меченых атомов и других экспериментальных методов.

Военная наука также имеет свои специальные методы исследования. Но поскольку военная наука находится как бы на стыке естественных и общественных наук, то в ней применяются некоторые методы этих наук. Так, отрасли военной науки, занимающиеся разработкой новейших образцов оружия, боевой техники, средств наблюдения и связи, широко используют методы математики, кибернетики и других наук.

Обычно всякое научное исследование осуществляется в такой последовательности: подготовка научного исследования, теоретическое исследование, практическая проверка полученных результатов. В соответствии с этим все специальные методы военной науки можно разделить на три основные группы: методы накопления эмпирического материала, методы теоретического обобщения и методы практической проверки результатов исследования.

Накопление и первичная систематизация фактических данных — подготовительный этап военно-научного исследования. Именно здесь применяются методы первой группы, прежде всего такие, как лабораторный эксперимент, полигонные испытания, опытные учения и другие, являющиеся конкретными формами военного эксперимента [1]. Не будет преувеличением сказать, что успешное развитие военной теории и практики ныне невозможно без научно поставленного военного эксперимента.

С помощью военного эксперимента испытываются новые образцы оружия и боевой техники, исследуется эффективность различных форм военной организации, новейших способов ведения вооруженной борьбы. Для целей военного экспериментирования создаются целые предприятия, учреждения и институты. Кропотливая опытно-экспериментальная работа ведется на полигонах, в специальных лабораториях и непосредственно в войсках. В ходе этой работы, играющей огромную роль в дальнейшем развитии военной практики, накапливается

---

[1] В практике научного познания понятие «эксперимент» конкретизируется в зависимости от области применения экспериментального метода исследования. Так, в естественных науках принято говорить о естественнонаучном эксперименте (физическом, химическом, биологическом). В военной науке употребляется термин «военный эксперимент». — Прим. авт.

фактический материал, необходимый для решения военно-теоретических проблем.

Научное познание, как известно, не ограничивается накоплением эмпирического материала. Этот материал систематизируется, анализируется, обобщается. На этом этапе военно-научного исследования применяются **методы второй группы:** вероятностный метод, метод статистического анализа и математического прогнозирования, методы теории массового обслуживания, линейного и нелинейного программирования. В сущности, это математические методы исследования явлений и процессов военного дела.

Всевозможными математическими расчетами люди издавна пользовались при артиллерийской стрельбе, строительстве фортификационных сооружений, определении местоположения кораблей в море. Ныне без математики невозможно не только создание новейших образцов вооружения и военной техники, но и исследование процессов вооруженной борьбы. Математические методы, облегчая анализ и обобщение фактических данных, помогают сделать глубокие теоретические выводы.

С помощью математических методов можно решать следующие задачи:

— исследовать явления и процессы вооруженной борьбы в различных масштабах (стратегическом, оперативном, тактическом), в различных видах боя с целью раскрытия их особенностей, выявления законов и закономерных тенденций;

— проверять эффективность тех или иных видов оружия в различной боевой обстановке и в различных сферах вооруженной борьбы (на суше, на море, в воздухе) и на этой основе делать предложения и рекомендации как по использованию имеющегося оружия, так и по разработке новых его образцов;

— в короткое время готовить данные, необходимые командиру для принятия боевого решения;

— определять возможные результаты планируемых боевых действий;

— оказывать помощь командованию и штабам в осуществлении наиболее эффективного управления войсками в ходе боя или операции путем быстрого проведения исследования различных элементов боевой обстановки и

производства расчетов на электронно-вычислительных машинах.

Таким образом, исследование с помощью математических методов не только обогащает военную науку, но и непосредственно служит интересам военной практики.

Полученные с помощью математических методов результаты исследования в виде статистических и динамических закономерностей, обобщений, выводов и практических рекомендаций проверяются затем **методами, составляющими третью группу.** В их число входят: командно-штабные учения, игры на картах и на местности и другие.

Необходимо заметить, что одни и те же методы могут быть использованы и для накопления материала, и для проверки полученных результатов исследования. Так, например, полигонные испытания и войсковые учения дают эмпирический материал и в то же время позволяют проверить теоретические обобщения и выводы в условиях, наиболее близких к боевым, а также принять решение о дальнейшем исследовании и об использовании полученных результатов в войсках.

Особый характер носят **методы военно-исторического исследования,** что обусловлено спецификой предмета военной истории, которая изучает войны, развитие вооруженных сил, военной техники и военного искусства в связи с политическим, экономическим и другими факторами. В военно-историческом исследовании одно из ведущих мест занимают методы общественных наук, в частности всеобщей истории, политэкономии, а также социологии.

Важную роль в военно-историческом исследовании играет метод исторического и логического анализа. Он требует от военного исследователя не ограничиваться систематизацией фактического материала и его описанием, а вскрывать закономерности процессов вооруженной борьбы. Метод исторического и логического анализа — единый метод исторического исследования. Абсолютизация одной из его сторон ведет либо к эмпиризму, либо к чистой теоретизации, к отрыву результатов исследования от действительности.

Наряду с методом исторического и логического анализа в военно-историческом исследовании применяются специальные методы изучения и оценки архивной и мемуар-

ной литературы, документальных и других источников. В частности, в интересах систематизации и проверки статистических данных используются математические методы. В последнее время для более объективного и всестороннего исследования операций, сражений и кампаний второй мировой войны широкое применение получил метод моделирования.

Специальные методы советской военной науки непрерывно развиваются и совершенствуются. Развитие теории и практики управления войсками обусловило появление сетевого метода, представляющего собой совокупность методов накопления эмпирического материала, статистической их обработки, математического анализа и программирования. Сетевой метод позволяет исследовать многообразные причинно-следственные связи и отношения в сложных системах управления и выработать оптимальные планы ведения боевых действий, теоретически обосновать меры по организации взаимодействия войск на различных этапах боя (операции).

В какой же связи находятся специальные методы военной науки с диалектическим методом?

В буржуазной военной науке методологической основой специальных методов исследования является метафизика — противоположный материалистической диалектике философский метод. Метафизика ограничивает возможности специальных методов. Это особенно характерно для той части буржуазной военной науки, которая разрабатывает общие проблемы военного дела.

В основе специальных методов советской военной науки лежит марксистский диалектический метод. Он обеспечивает правильный подход к решению всех проблем военного дела и высокую эффективность исследования. Это, однако, не означает подмены диалектическим методом специальных методов советской военной науки.

Специальные методы — это отдельные стороны, звенья всеобщего научного метода. Являясь относительно самостоятельными, специальные методы военно-научного исследования в то же время представляют собой реализацию требований всеобщего метода применительно к вооруженной борьбе и военному делу. Например, так называемый статистический метод есть конкретная форма выражения одного из принципов диалектического ме-

тода, требующего рассматривать предметы и явления в их развитии, с учетом взаимного перехода количественных и качественных изменений.

Другое общеметодологическое требование — выделять необходимое из случайного и формулировать закономерности исследуемого явления или процесса — находит свое выражение в вероятностном методе. В методах игрового, физического и математического моделирования реализуется один из приемов всеобщего метода познания — аналогия, а в экспериментальных методах и в опытных учениях — необходимость учета взаимосвязи и причинной обусловленности всех явлений.

Проявление в специальных методах советской военной науки отдельных сторон всеобщего метода не исчерпывает всех аспектов взаимосвязи военной науки и философской методологии. Специальные методы не могут исчерпать всеобщий метод, поскольку они не являются способами исследования наиболее общих законов развития общества, которым подчинена и вооруженная борьба. Каждый специальный метод советской военной науки опирается не на одну какую-то сторону диалектического метода, а на всю философскую методологию в целом. Вот почему применение специальных методов успешно тогда, когда оно основано на сознательном соблюдении принципов и требований диалектического метода.

Таким образом, специальные методы научного исследования явлений войны в целом и вооруженной борьбы в частности органически связаны с диалектическим методом, как конкретное в познании связано с общим и всеобщим. В этой системе взаимосвязи диалектическому материализму принадлежит роль всеобщего метода и методологической основы, на которой обобщаются, развиваются и совершенствуются специальные методы военно-научного исследования.

Умелое применение принципов и требований диалектического метода и совершенное владение частными методами — непременное условие успешного исследования всех проблем военного дела. Вот почему нашим военным кадрам необходимо овладевать марксистско-ленинской методологией и постоянно совершенствовать свои знания в области специальных методов военно-научного исследования.

★

Глава II

РАКЕТНО-ЯДЕРНАЯ ВОЙНА И ПОЛИТИКА

1. Ленинское определение войны

В современную эпоху, основным содержанием которой является переход от капитализма к социализму, вопрос о войне и мире приобрел громадное теоретическое и практическое значение. В Программе КПСС говорится: «Империалистический лагерь готовит самое страшное преступление против человечества — мировую термоядерную войну, которая может причинить невиданные разрушения целым странам, истребить целые народы. Проблема мира и войны стала проблемой жизни и смерти сотен миллионов людей» [1]. На исключительную важность этой проблемы указал и XXIII съезд КПСС.

Ключ к глубокому пониманию и верному решению проблемы войны и мира дает марксистская методология. Она помогает раскрыть классово-политическую сущность современной войны, ее истоки и характер, определить пути предотвращения термоядерной катастрофы, нависшей над человечеством.

Общественная жизнь, как известно, представляет собой более сложную область бытия, чем природа. Особой же сложностью отличается такое общественное явление, как война. В. И. Ленин подчеркивал, что «войны вещь архипестрая, разнообразная, сложная» [2]. При изучении

---

[1] Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат, 1961, стр. 362.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 369.

войны нужен разносторонний, диалектический подход. Этим методологическим требованием необходимо руководствоваться, анализируя сущность возможной ракетно-ядерной войны.

В нашей военно-теоретической литературе можно встретить различные точки зрения на сущность войны. Так, например, некоторые авторы отождествляют войну с вооруженной борьбой, усматривая сущность войны в вооруженном насилии.

Исходным пунктом правильного решения вопроса о сущности войны является ленинское ее определение. В работе «Крах II Интернационала» В. И. Ленин писал: «В применении к войнам, основное положение диалектики, так бесстыдно извращаемой Плехановым в угоду буржуазии, состоит в том, что *«война есть просто продолжение политики другими»* (именно насильственными) *«средствами»*. Такова формулировка Клаузевица, одного из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем. И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, *каждую* войну рассматривавших как *продолжение* политики данных заинтересованных держав—и *разных классов* внутри них—в данное время» [1].

Как видим, при определении войны В. И. Ленин ссылается на немецкого военного теоретика XIX века Клаузевица, уделившего много внимания изучению войн различных исторических эпох. Опираясь на гегелевскую диалектику, Клаузевиц пришел к выводу, что за многообразием военных конфликтов и столкновений кроется нечто общее. Этим общим является политика. Клаузевиц преодолел метафизический отрыв войны от политики, установил между ними неразрывную взаимосвязь, отразив ее в известной формуле: «Война есть продолжение политики иными средствами».

Современные идеологи буржуазии, стремясь исказить марксистско-ленинское учение о войне, утверждают, будто оно целиком заимствовано у Клаузевица. Так, западногерманский социолог Т. Арнольд в книге «Революционная война» без зазрения совести заявляет, что В. И. Ленин всего-навсего повторил положение Клаузевица о войне как продолжении политики насильственными сред-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 224.

ствами, назвав его диалектическим и добавив, что война не только политическое явление, но и высший пункт политики. Такого рода высказывания встречаются в работах и других военных писателей капиталистических стран.

Утверждения буржуазных теоретиков несостоятельны от начала до конца. В действительности В. И. Ленин не повторил положение Клаузевица, а дал подлинно научное объяснение войны как сложного и противоречивого явления. Марксистско-ленинское учение о войне коренным образом отличается от учения Клаузевица.

Необходимо отметить, что, видимо, под впечатлением внешнего, терминологического сходства формулы Клаузевица и определения В. И. Ленина и некоторые наши военные авторы считают, что В. И. Ленин сделал всего лишь «добавку» к формуле Клаузевица, подчеркнув значение насилия. Такие утверждения ошибочны. Клаузевиц, конечно, хорошо понимал, что в войне политика осуществляется насильственными средствами. Более того, Клаузевиц абсолютизировал роль насилия в достижении политических целей. Эта реакционная сторона его теории послужила одной из предпосылок возникновения фашистской доктрины «тотальной войны».

Историческая заслуга В. И. Ленина состоит совсем не в «добавке» нескольких слов к формуле Клаузевица, а в том, что вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом В. И. Ленин совершил подлинный переворот во взглядах на войну.

Клаузевиц применил гегелевскую диалектику к познанию войны. Но эта диалектика была идеалистической, и она наложила неизгладимую печать на его военную теорию. Политику, порождением и продолжением которой является война, Клаузевиц понимал идеалистически, как «разум олицетворенного государства», как «представительницу всех интересов целого общества». Он не видел глубоких экономических основ политики, ее классового содержания. Не вскрыв истинную природу политики, Клаузевиц оказался не в силах раскрыть и классово-политическую сущность войны.

В отличие от Клаузевица взгляды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина на политику и войну не только диалектические, но и материалистические. В. И. Ленин обратил особое внимание на выяснение экономических корней политики. Он показал, что политика производна

от экономики, является ее концентрированным выражением. Определяя первую мировую войну как продолжение политики империалистических государств насильственными средствами, В. И. Ленин писал: «...Надо взять всю политику всей системы европейских государств в их экономическом и политическом взаимоотношении, чтобы понять, каким образом из этой системы неуклонно и неизбежно вытекла данная война» [1].

Положение о зависимости политики от экономики В. И. Ленин развивал и отстаивал во многих своих трудах. Критикуя Плеханова за недооценку роли экономических противоречий в возникновении первой мировой войны, В. И. Ленин отмечал, что у Плеханова «нет и тени попытки прикоснуться к экономической и дипломатической истории хотя бы трех последних десятилетий, а эта история неопровержимо доказывает, что именно захват колоний, грабеж чужих земель, вытеснение и разорение более успешного конкурента были главной осью политики *обеих* воюющих ныне групп держав» [2].

Раскрыв глубинные, экономические основы политики, В. И. Ленин, далее, показал, что политика охватывает отношения между классами и нациями внутри государства (внутренняя политика), а также между различными государствами (внешняя политика). Политика воплощает в себе отношения огромных человеческих масс. Как подчеркивал В. И. Ленин, серьезная политика начинается там, где миллионы [3]. Современные войны вовлекают в свою орбиту гигантские людские массы, целые народы. И характер политики, политических отношений, оказывает решающее воздействие на поведение народных масс в войне, на ее ход и исход.

Политика не только подготавливает ту или иную войну, но и определяет ее цели. Она накладывает печать на военную доктрину, организационную структуру войск, выбор способов и форм вооруженной борьбы. В свою очередь политика учитывает требования военной теории и практики.

Для правильного понимания природы войны важное методологическое значение имеют философские категории сущности и явления. Диалектический материализм исхо-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 80.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 223.
[3] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр 16.

дит из того, что сущность — это глубокая основа явлений. Например: стоимость — основа цен; стоимость—сущность, цены — явления. Но сущность и явления непосредственно не совпадают. К. Маркс подчеркивал, что если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня [1].

Сущность представляет собой внутреннюю сторону предметов, явление — внешнюю. Поэтому явление воспринимается непосредственно через ощущения, а сущность познается только с помощью теоретического мышления. Сущность и явление неразрывно связаны между собой. Сущность является, а явление существенно. Это значит, что сущность познается только через познание явлений. Именно в результате изучения и теоретического осмысливания громадного количества явлений — многочисленных войн, порожденных эксплуататорским обществом, была вскрыта сущность войны, выраженная в ленинском ее определении: «Война есть продолжение политики насильственными средствами».

Познание процессов природы и общества не ограничивается движением от явления к сущности. Открыв сущность, познание идет в обратном направлении — от сущности к явлению. Именно таким путем можно воспроизвести в мышлении действительность во всем ее богатстве, целостности и конкретности. В движении познания от явления к сущности ведущим выступает анализ, в обратном направлении — синтез. Во втором случае совершается переход от абстрактного к конкретному. На этом этапе явления познаются через познание сущности. Так, например, при познании будущей войны мы отправляемся от сущности, вскрытой в ленинском определении войны, к конкретному явлению — ракетно-ядерной войне, которую могут развязать империалисты.

Чтобы познать все стороны войны, необходимо проследить, как ее сущность проявляется в вооруженной борьбе, а также экономической, дипломатической, идеологической и других формах борьбы. Иначе говоря, нужно раскрыть все многообразие проявлений сущности войны, выявить те специфические средства, которыми обеспечивается осуществление политики.

Сущность войны и ее многообразные проявления нель-

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 384.

зя понять в отрыве от политики классов и государств, без изучения всей системы политических отношений, приведших к войне и продолжающихся в ней. «...Главное,— писал В. И. Ленин,— что́ обыкновенно забывают в вопросе о войне, на что обращают недостаточно внимания, главное, из-за чего ведется так много споров и, пожалуй, я бы сказал, пустых, безнадежных, бесцельных споров,— это забвение основного вопроса о том, какой классовый характер война носит, из-за чего эта война разразилась, какие классы ее ведут, какие исторические и историко-экономические условия ее вызвали» [1]. Классово-политический подход к войне как общественно-историческому явлению есть главное требование диалектико-материалистической методологии.

Война есть продолжение политики. Но это не просто политика, не обычная форма политической борьбы, а особый вид политики, характеризующийся применением вооруженного насилия. Без вооруженного насилия нет войны. Именно вооруженное насилие, организованная вооруженная борьба — коренной атрибут войны, ее решающий специфический процесс, основное средство, способ достижения политических целей.

Вооруженная борьба обладает относительной самостоятельностью, ей присуща своя внутренняя логика развития. Она имеет свои объективные законы. Но из этого вовсе не следует, что можно ставить знак равенства между войной и вооруженной борьбой. Вооруженная борьба не исчерпывает всего содержания войны. Между этими понятиями нет полного совпадения. Понятие «война» шире, нежели «вооруженная борьба». Во-первых, в процессе войны вооруженная борьба тесно переплетается с экономической, дипломатической, идеологической борьбой, усилия фронта объединяются с усилиями тыла. Во-вторых, цели вооруженной борьбы, ее формы и способы, размах, темпы, продолжительность определяются политикой, а не только качеством оружия и «человеческого материала».

Отождествлять войну с вооруженной борьбой — значит игнорировать объективный критерий для выяснения классово-политической сущности войны, ее социального характера, деления войн на справедливые и несправедли-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 77.

вые, ибо таким критерием является политика, которая осуществляется в войне. Если отождествлять войну с вооруженной борьбой, то нельзя правильно уяснить, например, причины пассивности боевых действий англо-американских войск в 1941—1944 годах против сил фашистского блока, стремление США и Англии оттянуть открытие второго фронта. Вооруженная борьба без политического содержания — просто драка. Величие той вооруженной борьбы, которую вели Советская Армия и Военно-Морской Флот, состоит в том, что в ней они отстаивали самую справедливую политику — политику защиты социализма и коммунизма.

Направляемая политикой, вооруженная борьба в свою очередь оказывает огромное влияние на политические отношения и все другие стороны жизни воюющих государств. Вооруженная борьба во имя несправедливых целей резко обостряет социальные и политические противоречия внутри капиталистических государств, а также отношения между самими этими государствами. Вооруженная борьба во имя справедливых политических целей, которую вынуждены вести социалистические страны, сплачивает их народы в единый боевой лагерь, в котором все подчинено делу разгрома врага.

Таким образом, ленинский анализ сущности войны предостерегает от упрощенного, однобокого подхода к этой сложной проблеме.

Рассмотрим теперь, какое значение имеет ленинское определение для анализа сущности ракетно-ядерной войны.

2. Сущность ракетно-ядерной войны

Современная революция в военном деле и изменение соотношения сил на международной арене обострили интерес к проблеме сущности войны, заставили посмотреть на нее с позиций «ядерного века», проанализировать ее в свете глубочайших перемен в мире. Это вызвало известную ломку укоренившихся, привычных представлений и взглядов на войну.

Среди буржуазных военных теоретиков, не владеющих научной методологией, возникли разброд и шатания. Одна часть идеологов буржуазии делает вид, что не замечает качественно новых моментов во взаимоотношении

войны и политики. Другая же часть впала в противоположную крайность, объявив устаревшими прежние понятия военной теории.

Целый ряд буржуазных военных теоретиков распространяет версию о том, что ракетно-ядерное оружие сделало «устаревшим» положение о войне как продолжении политики насильственными средствами. Буржуазный военный теоретик Ф. О. Микше, например, пишет: «Война является продолжением политики иными средствами. Но относится ли это к атомной войне — никто сказать не может. Скорее, наоборот...» [1] Западногерманский милитарист И. Пеккерт заявляет, что «война для великих держав является не поддающейся учету величиной. Она приобрела абсолютное значение, а тем самым потеряла свое качество служить продолжением политики иными средствами» [2].

Эти утверждения, от кого бы они ни исходили, обусловлены смешением двух хотя и тесно связанных, но различных вопросов: вопроса о классово-политической сущности ракетно-ядерной войны, ее социальном содержании, с одной стороны, и вопроса о разумности и целесообразности использования такой войны как средства достижения политических целей — с другой. Смешение этих двух проблем методологически несостоятельно. Объективно оно ведет к маскировке классово-политической сущности ракетно-ядерной войны, которую готовят наиболее агрессивные империалистические круги, и преследует цель дезориентировать народные массы, ввести их в заблуждение.

Критикуя формулу Клаузевица и оспаривая ее применимость к ракетно-ядерной войне, идеологи империализма в то же время возрождают и распространяют клаузевицевский субъективно-идеалистический взгляд на политику. Они либо замалчивают, либо отвергают связь агрессивной политики империализма с ее материальной основой — экономикой монополистического капитала, выхолащивают классовое содержание политики. Так, западногерманский философ В. Р. Шрамм пишет: «Политика

---

1 F. O. Miksche. Der Atomkrieg findet nicht statt. Stuttgart, 1958, S. 7.

2 J. Peckert. Die grossen und die kleinen Mächte. Stuttgart, 1961, S. 47.

должна иметь в виду общество в целом и его интересы как целого, о чем говорил Клаузевиц»[1].

Идеалистически истолковывая сущность политики, буржуазные пропагандисты искусственно противопоставляют внешнюю политику внутренней. Например, в социологическом словаре, изданном в ФРГ, утверждается, что внешняя политика преобладает над внутренней. Делается это для того, чтобы доказать, будто война является продолжением только внешней политики.

Эти взгляды антинаучны. В. И. Ленин подчеркивал, что «нет более ошибочной и более вредной идеи, чем отрывание внешней от внутренней политики»[2]. В определенные периоды внешняя политика может иметь перевес над внутренней. Но, как правило, решающую роль в обществе играет внутренняя политика, определяющая и внешнюю.

Большое место в политических теориях империализма отводится оправданию силы как основы внутренней и внешней политики. В книге «Современные теории международных отношений», выпущенной в США, говорится, что международная политика, как и всякая политика,— это борьба за силу, а сила в политике сводится к вооруженному насилию, к войне. Отражением этих воззрений являются империалистические агрессивные концепции «политика с позиции силы» и «политика на грани войны», чреватые величайшей опасностью для человечества.

Марксисты-ленинцы не подменяют вопрос о сущности ракетно-ядерной войны вопросом о допустимости или недопустимости такой войны как средства достижения политических целей. Войны всегда были и останутся продолжением политики тех или иных классов или государств до тех пор, пока не исчезнут порождающие их социальные и национальные причины. Это целиком и полностью распространяется и на ракетно-ядерную войну, если ее развяжут империалисты.

Что касается вопроса об использовании войны как средства достижения политических целей, то в Программе КПСС записано, что война не может и не должна служить способом решения международных споров. XXIII съезд

---

[1] W. R. Schramm. Staatskunst und bewaffnete Macht. München, 1957, S. 34.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 335.

 Зак. 266

КПСС снова указал на необходимость «последовательно отстаивать принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем, давать решительный отпор агрессивным силам империализма, избавить человечество от новой мировой войны»[1].

Особую позицию по вопросу о сущности ракетно-ядерной войны занимают догматики и левые фразеры. Усердно повторяя марксистское положение о войне как продолжении политики насильственными средствами, они игнорируют качественные особенности термоядерного оружия и возможные катастрофические последствия его применения. Положение о взаимосвязи войны и политики догматики стремятся использовать для доказательства неизбежности и даже желательности ядерной войны как средства уничтожения капитализма и победы коммунизма в мировом масштабе.

Вопрос о сущности ракетно-ядерной войны, к сожалению, не всегда правильно излагается и в нашей литературе, особенно в периодической печати. Так, Н. Таленский в статье «Разоружение и его противники» писал: «Ракетно-ядерное оружие — это необычайно мощное средство массового поражения — придало войне крайне разрушительные формы. Ныне война угрожает гибелью сотням миллионов людей и уничтожением материальной основы существования многих государств. Поэтому она уже не может быть простым продолжением политики»[2]. Эти же взгляды Н. Таленский излагал и в другой статье[3].

В статье В. Зорина, опубликованной в журнале «Новое время», говорится: «Если прежде, в доатомную эпоху, дипломаты и военные, министры и монархи сознательно или бессознательно исходили из известного тезиса, сформулированного в прошлом веке Клаузевицем о том, что война есть продолжение политики иными средствами, то сейчас, в век мегатонных бомб и межконтинентальных ракет, такой подход чреват катастрофой»[4]. Такого рода утверждения имеются в статье Бор. Дмитриева, опубликованной в газете «Известия» 24 сентября 1963 года, и

---

[1] Материалы XXIII съезда КПСС. Политиздат, 1966, стр. 187.
[2] «Международная жизнь», 1961, № 12, стр. 19.
[3] См. «Международная жизнь», 1965, № 5.
[4] «Новое время», 1963, № 3, стр. 14.

в книге Н. Никольского «Основной вопрос современности»[1].

Правильно подчеркивая исключительную опасность ядерной войны, указанные авторы смешивают вопрос о классово-политической природе такой войны с вопросом о разумности или неразумности применения ракетно-ядерного оружия, достижимости или недостижимости той политической цели, ради которой империалистические государства могут развязать войну. Такой подход нельзя признать правильным, так как он неизбежно ведет к неверному пониманию сущности возможной ракетно-ядерной войны, ее взаимосвязи с политикой.

Каким же с точки зрения марксистско-ленинской методологии должно быть решение вопроса о соотношении ракетно-ядерной войны и политики?

Диалектический материализм считает, что подвижны, изменчивы не только явления, но и сущности. Однако в различных процессах и вещах сущности изменяются по-разному. В реальной действительности можно встретить такие вещи, предметы, процессы, сущности которых претерпевают коренные изменения.

Вместе с тем в обществе совершаются и такие процессы, в сущностях которых изменяются лишь отдельные стороны, черты, свойства. Так, при переходе капитализма в высшую и последнюю стадию — стадию империализма — некоторые свойства домонополистического капитализма превратились в свою противоположность — свободная конкуренция уступила место монополии. Однако эксплуататорская сущность капитализма осталась неизменной.

Нечто подобное наблюдается и в войне. Сущность ракетно-ядерной войны, если ее не удастся предотвратить, не изменится в своей основе. Как технический прогресс сам по себе не в состоянии изменить природу общественного строя, так и прогресс военной техники и оружия не может изменить социальную природу войны, нарушить ее связь с политикой. В. И. Ленин указывал, имея в виду политическую борьбу, что ее форма может меняться, и меняется постоянно, но сущность борьбы, ее классовое содержание прямо-таки не может измениться, пока существуют классы[2]. Это ленинское положение имеет важное

[1] См. Н. Никольский. Основной вопрос современности. Изд-во «Международные отношения», 1964.

[2] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 372.

методологическое значение и полностью применимо к анализу сущности ракетно-ядерной войны.

Новая мировая война, если империалистам удастся развязать ее, явится порождением и продолжением безумной авантюристической политики агрессивных империалистических кругов США и их партнеров по военным блокам. По своей социально-политической сущности это будет классовая война между двумя противоположными системами — социалистической и капиталистической. Борющиеся стороны будут преследовать самые решительные политические цели, и это в значительной степени определит характер вооруженной борьбы, ее способы и средства.

Но если ракетно-ядерная война останется продолжением политики, то это не значит, что в ее сущности не произойдет никаких изменений. Напротив, ракетно-ядерная война будет существенно отличаться от войн прошлого, прежде всего своим конкретным классово-политическим содержанием, целями, своей военно-технической стороной, новыми, неизвестными ранее способами и формами вооруженной борьбы, а также своими последствиями.

При анализе сущности термоядерной войны марксисты-ленинцы выступают против попыток рассматривать само ракетно-ядерное оружие изолированно от политики, как якобы чистый плод технического прогресса. Научно-технический прогресс создал лишь возможность изобретения этого оружия. Решающую роль в превращении этой возможности в действительность сыграла агрессивная политика американского империализма. Это признают сами американцы.

В книге «Прорыв к миру», написанной группой ученых и общественных деятелей США, говорится: «Начиная с 1945 года американское правительство использует лучшую часть наших национальных сил на подготовку к всеобщему истреблению людей... За одно только десятилетие Соединенные Штаты вложили огромные деньги в производство средств массового истребления — в само оружие и чрезвычайно прибыльное производство электронного оборудования, самолетов и ракет, предназначенных для доставки оружия к цели. Десятки тысяч ученых и инженеров заняты ядерными, бактериологическими и химическими исследованиями». Почти с самого начала, под-

черкивается в книге, расходы на ядерное оружие были открыто направлены на подготовку войны против Советской России.

Возникнув на базе научно-технического прогресса при активном воздействии политики, ракетно-ядерное оружие в свою очередь стало оказывать огромное влияние на политику США и их партнеров, усилив в ней элементы волюнтаризма и авантюризма. Накопление этого оружия, милитаризация империалистических государств все более обостряют международную обстановку, увеличивают опасность возникновения ракетно-ядерной войны.

В условиях социализма ракетно-ядерное оружие, созданное как средство обороны в ответ на ядерный шантаж американских империалистов, является огневым щитом, прикрывающим социалистические страны и все свободолюбивые народы от империалистической агрессии.

Таким образом, марксистско-ленинское определение войны как продолжения политики насильственными средствами полностью сохраняет свою силу и в наше время. Оно выступает теоретической и методологической основой анализа сущности и характера возможной ракетно-ядерной войны. Марксистско-ленинское определение войны имеет первостепенное значение для решения проблем военной теории и практики, для воспитания личного состава наших Вооруженных Сил. Оно служит острейшим оружием в борьбе против буржуазной идеологии.

3. Несостоятельность буржуазных взглядов на источники ядерной опасности

Вопрос об источниках войн в современную эпоху не случайно является предметом ожесточенной борьбы между коммунистической и буржуазной идеологиями. От того, как он решается, зависит размах и активность борьбы широких народных масс против мировой термоядерной войны.

В странах капитализма существует множество различных теорий о причинах войн. Под влиянием глубоких общественно-политических перемен в мире и революции в военном деле одни из этих теорий отошли на второй план, другие, претерпев значительные изменения и подвергшись модернизации, выдвинулись на первое место. Остановимся на критике методологических основ тех из

них, которые широко используются империалистической пропагандой для маскировки истоков ядерной опасности.

Превратное толкование причин войны дается в **группе биологических теорий.** Это теории, опирающиеся на натуралистическое направление буржуазной социологии, сторонники которого распространяют законы развития животного мира на человеческое общество. Они рассматривают войну не как общественно-историческое, а как биологическое явление, корни которого будто бы кроются в природе человека, его крови, инстинктах.

Одной из теорий этой группы является **социал-дарвинистская,** согласно которой войны порождаются естественным отбором и борьбой за существование, якобы свойственными людям в такой же мере, как животным и растениям. Война, пишет философ-космополит Р. Куденгове-Калерги, представляет собой определенную форму вечной борьбы за существование, проявление биологических закономерностей, естественное состояние общества. По его мнению, в каждом человеке течет кровь Каина — первого убийцы и первого воина. Ныне, заявляет Куденгове-Калерги, человечество страдает смертельной болезнью: опасностью уничтожающей атомной войны[1]. В работах других социологов-дарвинистов точно так же подчеркивается биологическая обусловленность войны и ее неискоренимость.

Классовый смысл социал-дарвинистской теории состоит в стремлении увековечить вооруженное насилие, снять с эксплуататорских классов ответственность за развязывание истребительных войн, доказать бессмысленность борьбы против новой мировой войны. Не случайно эта теория используется в своих целях милитаристами США и других стран капитала. Западногерманский журнал «Гайст унд цайт» отмечает, что в странах НАТО усиленно распространяется тезис: «Война является законом природы». Это же признает американский журнал «Тайм».

Попытки объяснить общественные явления законами природы Ф. Энгельс назвал псевдонатурализмом, недопустимым фокусом, совершенным ребячеством[2]. В. И. Ленин точно так же подчеркивал, что игра в биологические

---

[1] См. R. Coudenhove-Kalergi. Vom Evigen Krieg zum Großen Frieden. Göttingen, 1956, S. 11.

[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 622.

термины, перенесение биологических понятий на область общественных наук есть пустая фраза, схоластическое мертвое занятие. «На деле,— писал В. И. Ленин,— никакого *исследования* общественных явлений, никакого уяснения *метода* общественных наук *нельзя* дать при помощи этих понятий» [1].

Другой теорией биологической группы является **расовая теория,** представители которой усматривают источник войны в существовании вечной вражды между различными расами. Главный методологический порок этой теории — смешение расы как биологической категории с нацией — категорией социально-исторической. Как известно, расовая, националистическая теория составляла основу идеологии германского фашизма. Ныне ее поднимают на щит американские и западногерманские милитаристы. Пытаясь подновить и модернизировать старое идеологическое оружие, они, во-первых, отбрасывают грубо натуралистические положения расовой теории и атрибутами «высшей» расы и нации объявляют не физические, а психические, интеллектуальные признаки, то есть биорасизм заменяют психорасизмом; во-вторых, к «высшей» относят не одну какую-либо расу или нацию, как это делали гитлеровцы, а все нации капиталистического Запада; в-третьих, расово-националистическую идеологию выдают за идеологию «европеизма» и «атлантизма», представляющую собой современную разновидность космополитизма.

Восхваляя духовные качества людей капиталистического Запада, современные расисты отрицают такие качества у восточных народов, к которым относят и все народы социалистического лагеря. Они стремятся запугать население своих стран мнимой угрозой со стороны «человеческого океана коммунистов и цветнокожих», призывают создать общий фронт западных народов против «натиска с Востока». «Если белые не выступят единым фронтом против «цветных»,— пишет расист Т. Шуманн,— западную цивилизацию может постигнуть судьба Римской империи».

Расово-националистическая теория используется империалистической реакцией в качестве идейного прикрытия агрессивной политики, для разжигания расовых и националистических конфликтов, натравливания одних народов

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 348.

на другие. Человеконенавистнические идеи расизма и национализма пронизывают инструкции, наставления и уставы вооруженных сил агрессивного блока НАТО. Они на практике проявляются в разгуле белого шовинизма и дискриминации негров в США, в активизации западногерманских реваншистов, в разбойничьих действиях империалистов против народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Марксистско-ленинская идеология разоблачает утверждения империалистической пропаганды о расовых и национальных различиях как источнике войн. Эти утверждения основаны на метафизическом раздувании и абсолютизации национально-расовых различий между людьми. Расовые различия — по цвету кожи, волос, глаз, форме носа, губ, черепа и т. д.— внешние, несущественные, второстепенные биологические признаки, возникшие в результате длительного приспособления людей к условиям географической среды. Несмотря на внешние отличия, основные черты физико-биологической организации — строение скелета, мышц, мозга — одинаковы у представителей всех рас.

Как показывает современная антропология, представители всех рас обладают одинаковыми биологическими, психологическими и интеллектуальными возможностями. Различная историческая роль, неодинаковый вклад в мировую науку и культуру, отставание некоторых народов в экономическом развитии объясняются не расовыми различиями, а социальными причинами, характером общественного строя, многовековым колониальным гнетом. Марксисты-ленинцы отстаивают равноправие всех рас и наций, сплачивают их на борьбу за мир, демократию и социализм.

Третья теория, относящаяся к биологической группе,— **неомальтузианство.** Повторяя зады английского попа Т. Мальтуса (1766—1834), нынешние его последователи считают источником войн «чрезмерную плодовитость» людей, «катастрофический рост избыточного населения». Ядерную войну они рассматривают как средство устранения «лишних ртов». Американский неомальтузианец В. Фогт в книге «Люди! Угроза существованию» заявляет, будто «лавинообразное размножение более опасно, чем водородная бомба». Не менее цинично высказывается на этот счет французский социолог Г. Батуль. «Война,—

утверждает он в своей книге «Перенаселенность»,— является одним из способов — жестким и катастрофическим,— с помощью которого периодически восстанавливается равновесие между видами и их средой, а также равновесие соперничества между конкурирующими видами и группами». По его мнению, военные потери восстанавливаются быстро, и это «позволяет идти на риск смертоносных войн». Такого рода аргументами неомальтузианцы стремятся скрыть подлинные причины войн и оправдать агрессивную политику империализма.

Теоретическую и методологическую несостоятельность мальтузианства вскрыли еще основоположники научного коммунизма. К. Маркс установил, что каждому способу производства свойственны свои особые, имеющие исторический характер, законы народонаселения[1]. Капиталистический способ производства неизбежно порождает относительно избыточное население, обрекает массы на безработицу, голод, нищету, приводит к опустошительным войнам. И только при социализме уничтожаются источники войн и других бедствий трудящихся, создаются новые социально-экономические предпосылки для роста народонаселения, вовлечения его в общественное производство и планомерного размещения.

К биологическим теориям примыкает **геополитическая теория** войны. Как утверждают ее приверженцы, причины войн кроются в географическом факторе, в нехватке «жизненного пространства». Геополитика, служившая германским империалистам одним из средств подготовки двух мировых войн, в наше время вновь пускается в ход в США и Западной Германии для оправдания насилия в отношениях между государствами, для пересмотра границ между ними.

Американские и западногерманские геополитики стремятся реабилитировать и подновить эту теорию, набросить на нее покров научности и даже миролюбия. Но истинные цели подновленной теории те же — подвести «географический фундамент» под агрессивную политику и стратегию империализма. Масштабы территориальных притязаний современных геополитиков расширились. Политический деятель США Честер Боулс требует, например, создать

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 646.

«большую Европу от Атлантики до Урала» [1]. С такого же рода притязаниями выступает западногерманский милитарист В. Хальштейн.

Методологическая уязвимость геополитической теории заключается прежде всего в игнорировании способа производства как определяющей силы общественного развития, в фетишизации географического фактора, в превратном истолковании истоков политики и войны. Эта теория глубоко реакционна, антинаучна и агрессивна.

Все биологические теории и геополитика отражают идейно-теоретическое и методологическое бессилие защитников капитализма, их духовную нищету, классовую тенденциозность, враждебность научному, диалектико-материалистическому мировоззрению, затушевывают социальные корни войны.

Вторую группу буржуазных теорий о причинах войн образуют **психологические теории.** Они сложились на базе психологического направления буржуазной социологии, которое считает психику отдельных лиц или социальных групп главным фактором общественного развития, источником войн и других социальных бедствий. Представители этого направления рассматривают психику не как отражение условий материальной жизни общества, а как нечто самодовлеющее, неизменное, раз и навсегда данное. К психике они сводят, по существу, все формы общественного сознания — политические и правовые взгляды, философию, мораль, религию и т. д., а в самой психике на первый план выдвигают подсознательные инстинкты и влечения.

Такой подход к психике человека характерен прежде всего для сторонников **психоаналитической,** или фрейдистской, школы, которые по примеру австрийского врача и психолога З. Фрейда (1856—1939) считают психику людей источником бессознательных, иррациональных сил. В их представлении человек — это комплекс врожденных, разрушительных инстинктов, главным из которых является «инстинкт агрессивности». «В самой структуре человека,— пишет английский психолог Д. Рикман,— заключены определенного рода агрессивные импульсы, которые

---

[1] Chester Bowles. Großeuropa vom Atlantik bis zum Ural. «Aussenpolitik», Stuttgart, 1960, Hefte 10.

невозможно искоренить»[1]. Эти «агрессивные импульсы» и объявляются коренной причиной войн.

Другой теорией психологической группы является **бихевиоризм** (от английского слова: behaviour — поведение), сводящий человеческое сознание, психику к внешним реакциям организма на воздействие среды, к условным рефлексам, навыкам и привычкам. Причиной войны бихевиористы считают не врожденный «агрессивный инстинкт» психоаналитиков, а «агрессивную привычку нападать», якобы формирующуюся под воздействием внешних условий.

Реакционная роль психологической теории видна уже из того, что, опираясь на эту теорию, западногерманские милитаристы утверждают, будто единственной причиной возникновения второй мировой войны была агрессивная психика Гитлера. В книге бывшего фашистского адмирала К. Ассмана «Роковые годы Германии» бесноватый фюрер сравнивается с жадной старухой из сказки о рыбаке и рыбке (сказка помещена в качестве первой главы книги). По словам автора, жадность Гитлера толкнула его на путь войны и привела Германию к катастрофе[2]. В таком же духе высказывается западногерманский историк М. Фрейнд[3]. Взваливая всю вину за преступления фашизма на одного Гитлера, боннские идеологи пытаются обелить германский милитаризм, оправдать чудовищные злодеяния вермахта и его генерального штаба, снять с них ответственность за развязывание истребительной войны, унесшей десятки миллионов человеческих жизней и уничтожившей огромные материальные ценности.

Методологию психологического идеализма буржуазные теоретики применяют и к анализу перспектив развития человечества. Они отрицают возможность исключения войны из жизни общества, ссылаясь на «порочную» психологию людей. Научно-технический прогресс и революция в военном деле, утверждают психосоциологи, расширили возможности появления политического или военного деятеля с психологией «ядерного» Гитлера, который не побоится перешагнуть «термоядерный порог» и поставить человечество перед фактом новой мировой войны. Эти

---

[1] Tensions that Couse Wars. Urband, p. 178.

[2] См. K. Assmann. Deutsche Schicksalsjahre. Wiesbaden, 1953, 2. Aufl., S. 58.

[3] См. M. Freund. Der zweite Weltkrieg. Gütersloh, 1962, S. 6.

идеологи не хотят видеть ни реальных путей, ни общественно-политических сил, способных предотвратить ядерную катастрофу.

Психологическую теорию войны проповедуют и лидеры правой социал-демократии, давно изменившие марксизму и скатившиеся на позиции защитников капитализма. Так, например, военный эксперт социал-демократической партии Германии полковник реваншистского бундесвера Ф. Беерман пишет: «Честолюбие, алчность, хищность, национальный и религиозный фанатизм иммапентны самой сущности человека, и они останутся даже тогда, когда средства производства не будут более находиться в частных руках. И эти свойства человека, зло, таящееся в нем, являются в конце концов ближайшими причинами возникновения войн — и эти причины сохраняются»[1]. Беерман клеветнически изображает войну спутником всякого, в том числе социалистического, общества. Он злонамеренно игнорирует тот факт, что социализм уничтожает частную собственность, порождающую войны, ликвидирует эксплуататорские классы, заинтересованные в них.

Психологические теории страдают теми же методологическими пороками, что и биологические: внеисторическим и внеклассовым подходом к войне, софистической подменой главного второстепенным, социальных факторов психологическими, игнорированием качественных особенностей общественно-исторических явлений, а также крайним субъективизмом.

Искажение и мистификация причин войны доведены до предела в **клерикально-идеалистической концепции.** Философско-методологическую основу клерикальных взглядов составляет неотомизм — реакционнейшая разновидность объективного идеализма, родоначальником которой был средневековый католический теолог Фома Аквинский (1225—1274).

Истоки войны, согласно учению клерикалов, таятся в «греховной душе» человека, в нарушении людьми законов и норм, установленных богом, и война является бичом в руках разгневанного «владыки неба» для наказания атеистов. Западногерманский профессор-богослов Г. Тилике, автор работ «Атомное оружие как проблема христианской

---

[1] Цит. по книге: H. Hoffmann. Die marxistisch — leninistische Lehre vom Krieg und von den Streitkräften. Berlin, 1960, S.28.

этики» и «Теологическая этика», пишет, что человек по своей натуре «злой» и «драчливый», является «конечным источником всех бед». Причины войн, по мнению Тилике, заложены в «поджигательских потенциях, таящихся в душе человека», и термоядерная война не может быть устранена до тех пор, пока не будет «уничтожен этот человек». Такими мрачными доводами изобилуют писания многих католических и протестантских теологов.

Наиболее реакционные клерикалы, тесно связанные с руководящими кругами НАТО, вместе с военными священниками, действующими в вооруженных силах этого агрессивного блока, распространяют идею о том, что война с применением ракетно-ядерного оружия не противоречит христианской идеологии и морали, если она будет вестись в «защиту религиозных ценностей» и «христианского» Запада против «безбожного» коммунизма.

Теологическое истолкование причин войны — одно из средств оправдания империалистической агрессии. Разоблачая религиозно-клерикальную концепцию, первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии В. Гомулка говорил: «...Войны возникают не из-за «первородного греха» человека. Войны являются «первородным грехом» империализма. Они являются его синонимом. Война и империализм—это неразрывные понятия» [1].

Третью группу буржуазных теорий составляют собственно **социологические теории**, которые пытаются обнаружить причины вооруженных столкновений в социальных, общественных явлениях и процессах — в политике, национальном суверенитете, идеологии, морали и т. п. Исходной методологической основой этих теорий служат также идеалистическая философия и реакционная социалогия.

Наиболее распространенной в этой группе является **теория, усматривающая источник войн в политических отношениях, в политике.** При этом политика изолируется от экономики, от классовых и других общественных отношений, объявляется непостижимым загадочным сфинксом. Французский буржуазный социолог Р. Арон, например, отстаивает тезис о том, что война вызывается только политическими причинами и не имеет экономического основания. В книге «Перманентная война» Арон сравни-

---

[1] «Правда», 21 июля 1963 г.

вает войны с цепной реакцией при атомном распаде. Одним из звеньев этой цепи, по его мнению, были первая мировая война и Версальский договор, создавшие политические предпосылки для возникновения второй мировой войны. В результате последней возникла современная политическая ситуация, в которой, по логике автора, мир невозможен, а война неизбежна. Эту фаталистическую концепцию Арон развивает и в других своих работах.

Изображая войну продуктом чисто политических отношений, идеологи буржуазии маскируют агрессивный характер политики империализма и злобно клевещут на политику Советского Союза и других социалистических стран, обвиняя ее в стремлении к «мировому господству» и т. п. Это гнусная ложь. Факты убедительно свидетельствуют, что политика СССР и других социалистических стран является оплотом всех миролюбивых, прогрессивных, революционных сил на земле.

В капиталистическом мире широко пропагандируется ставшая модной **теория, согласно которой основным источником войн в современную эпоху является существование самостоятельных национальных государств.** По этой теории, войны будут существовать до тех пор, пока сохраняются национальный суверенитет, национальная идеология и культура. В целях предотвращения войны сторонники этой теории предлагают покончить с государственной самостоятельностью, заменить национальные институты наднациональной, космополитической структурой — мировым государством с единым правительством, министерством обороны, генеральным штабом и т. д.

Идея империалистической «интеграции» — экономического, политического и военного объединения стран капитала, как панацеи от войн, — изложена в многотомном труде английского историка и социолога А. Тойнби «Исследование истории». Автор этого труда пытается доказать, будто существует лишь единственный путь избавления человечества от ядерной катастрофы — путь «интеграции». Он даже пишет о «положительном историческом опыте» Гитлера, пытавшегося «объединить Европу» ценой истребления многих миллионов людей[1]. По мнению Тойнби, эта «интеграция» должна пройти два этапа: первый — объединение «западной цивилизации» и

---

[1] См. A. Toynbee. A. Study of History, vol. IX, p. 502.

второй — создание единого правительства, контролирующего весь мир.

Адвокатами империалистической «интеграции» и противниками национального суверенитета выступают многие американские и западногерманские политические и военные деятели, настаивающие на том, чтобы применить военную силу для ускорения процесса «объединения Запада». Американский неофашист К. Викум в книге «Тотальное государство» заявляет, что войны, порождаемые наличием множества государств, надо рассматривать как средство уничтожения этого множества и создания мирового государства. Достижение этой цели требует, по его словам, ликвидации посредством войны национальных границ и суверенитетов и порабощения побежденных наций победителями[1].

Реакционный характер теории, провозглашающей причиной войн национальный суверенитет, очевиден. Эта теория преследует цель опорочить борьбу народов за национальную свободу и независимость, затормозить национально-освободительное движение, создать вместо суверенных национальных государств глобальную антикоммунистическую империю во главе с США.

Марксисты-ленинцы выступают против империалистической «интеграции», против агрессивных военно-политических блоков и союзов, за всестороннее добровольное сближение и сотрудничество наций и народов во имя мира, демократии и социализма.

В буржуазной литературе распространяется **точка зрения, будто идеологические противоречия между двумя системами — социализмом и капитализмом — являются главным источником военной опасности в наше время.** Мировая история, заявляют приверженцы этой точки зрения, представляет собой историю идей: их рождения, расцвета, заката и гибели; идеи низвергают и основывают государства, вызывают революции и войны.

Проповедники этих взглядов, часто переплетающихся с биологическими, психологическими и другими теориями, переносят идеологические расхождения на область межгосударственных отношений, подменяют политику идеологией, рассматривают последнюю как самодовлею-

---

[1] См. C. Wickum. The Totale State. Boston, 1964, p. 73, 103.

щий фактор и как главную причину ядерной войны. В действительности идеологические противоречия не являются первичными, они производны от экономических и социально-политических противоречий. Непримиримость идеологических позиций, острая борьба между буржуазной и марксистско-ленинской идеологиями не исключают возможности мирного сосуществования капиталистических и социалистических государств.

В идеологическом арсенале милитаристов есть и **этическая теория** войны. Ее проповедники считают войну средством нравственного очищения общества от застоя и гниения. Эту теорию использовали в своих целях фашисты. В современных условиях идеологи империализма не отваживаются объявить термоядерную войну орудием нравственного прогресса. Но они клевещут на коммунизм, пропагандируют версию о том, что «западный человек» будто бы находится между двух огней: его ожидает либо физическая гибель от ракетно-ядерного оружия, либо моральная смерть в результате «капитуляции перед мировым коммунизмом». И в качестве практического вывода провозглашается лозунг: «Лучше быть мертвым, чем красным».

Одновременно с этим буржуазные идеологи пытаются отрицать моральный критерий определения характера современной войны, деления войн на справедливые и несправедливые. «Мы должны признать,— заявляет американский социолог Д. Фрэнк,— что идея «справедливой войны» — вера в то, что война морально оправдана, когда ее ведут ради благородного дела,— это опасный бред в ядерный век». Английский военный писатель С. Кинг-Холл утверждает, что с появлением ядерного оружия исчезло само понятие справедливой войны. Это глубоко ошибочная и вредная теория.

Значительное распространение в капиталистическом мире получили **взгляды, что опасность истребительных войн таится в современной технике и науке.** Идейно-теоретической основой этих взглядов служит технико-индустриальная социология, рассматривающая технику и науку как изолированные от общественных отношений явления. Носители таких воззрений заявляют, что ядерное оружие и техника превратились в «демоническую» силу, которая вышла из-под контроля политики, сделалась чудовищным фактором, угрожающим будущему

человечества. Идеологи буржуазии при этом умалчивают о том, что именно капиталистический строй придал уродливый, милитаристский характер развитию науки и техники, вызвал к жизни бешеную гонку ракетно-ядерных и обычных вооружений.

Стремясь преодолеть односторонность теорий, ищущих источник войн в каком-либо единичном явлении и процессе, некоторые буржуазные социологи придерживаются **концепции плюрализма** — множественности факторов, обусловливающих возникновение войны. «Причины войн, — пишет Л. Оппенгейм, — неисчислимы» [1]. Аналогичные взгляды разделяют английский социолог М. Гинсберг и американский специалист в области международного права К. Райт.

Плюрализм — поверхностная, эклектическая теория, произвольно сваливающая в одну кучу множество различных факторов, влияющих на возникновение войны. Хотя плюралисты называют себя противниками не только материалистов, но и идеалистов, проводниками нового, третьего направления в социологии, на деле они проповедуют идеалистические, метафизические и софистические взгляды и представления на войну и ее источники.

Все буржуазные теории происхождения войны пронизаны духом фатализма, так как изображают войну вечным, неустранимым явлением человеческого общества, его постоянным спутником, роковой неизбежностью, неумолимо свирепствующей на протяжении всей истории, во всех без исключения общественных формациях. Проповедуя фатальную неизбежность войны, буржуазные теоретики преувеличивают роль случайности в ее возникновении, как это делает, например, американский социолог А. Этциони в книге «Победа без войны», изданной в США в 1964 году.

Абсолютизация необходимости и случайности в буржуазных теориях о происхождении войны — это не теоретическое заблуждение, а пропагандистский прием, рассчитанный на то, чтобы сбить с толку народные массы, приучить их к мысли о неотвратимости мировой термоядерной войны.

Наряду с империалистическими теориями, пытающи-

---

[1] Л. Оппенгейм. Международное право. Изд-во иностранной литературы, 1949, стр. 239—240.

мися так или иначе обосновать неизбежность войны, в странах капитала распространяются различные буржуазно-пацифистские концепции. Пацифисты осуждают термоядерную войну и в то же время выступают против всяких войн, в том числе и справедливых. Ограничиваясь абстрактной проповедью мира, осуждением всякой войны, пацифизм затушевывает источники войн, их классово-политическое содержание.

Марксисты-ленинцы отвергают пацифистскую идеологию. Но они поддерживают тех, кто борется за мир, против войны. «...Нам не безразлично,— подчеркивал В. И. Ленин,— имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму, будь он хотя самый плохенький и, с точки зрения коммунизма, не выдерживающий и тени критики» [1].

Научно несостоятельных и политически ошибочных взглядов на причины войн придерживаются ревизионисты и догматики. Ревизионисты пропагандируют фальшивый тезис, будто источником войн в современную эпоху является не только империализм, но также и «непримиримость» социализма. Тем самым они маскируют подлинный источник военной опасности, коренящийся в капиталистическом строе, играют на руку врагам мира, демократии и социализма.

Догматики отождествляют войну и революцию, запутывают вопрос об источниках той и другой, считают войну эффективным средством «подталкивания» революционных процессов. Такая концепция чревата серьезными последствиями для дела мира и социализма.

Единственно правильное, научное объяснение причин войны дает творческий марксизм-ленинизм. Истоки всякой войны — в эксплуататорском способе производства, в экономическом и политическом строе, основанном на частной собственности. Война как общественное явление возникла вместе с появлением частной собственности и разделением общества на антагонистические классы. «...Частная собственность,— подчеркивал В. И. Ленин,— привела и будет приводить всегда к войне» [2].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 70.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 180.

Эксплуататорское общество с момента его возникновения до наших дней породило множество больших и малых войн, в которых погибло около четырех миллиардов человек. В современных условиях империализм является единственным источником военной опасности. Он уже обрушил на человечество две мировые войны и грозит ввергнуть его в термоядерную катастрофу.

Только с ликвидацией классово-антагонистического строя, уничтожением частной собственности и порождаемых ею социальных и национальных антагонизмов исчезнут причины войн.

4. О возможных последствиях ракетно-ядерной войны

Война всегда таила в себе большую опасность для народов. С появлением ракетно-ядерного оружия масштабы этой опасности неизмеримо возросли. Вот почему вопрос о возможных последствиях мировой термоядерной войны, которую готовят и могут развязать агрессивные империалистические круги, приобрел особую остроту.

Позиция буржуазных идеологов, политиков и стратегов по этому вопросу противоречива, двойственна. С одной стороны, они рассматривают ракетно-ядерное оружие как средство борьбы против социализма и коммунизма; с другой стороны — боятся гибельного для капитализма исхода термоядерной войны. Это обстоятельство и порождает среди деятелей и теоретиков империализма различные, противоречивые точки зрения.

Значительная часть идеологов буржуазии, тесно связанная с руководящей верхушкой агрессивных блоков, закрывает глаза на термоядерную опасность, пропагандирует культ грубой силы в отношениях между государствами, настаивает на неограниченной гонке вооружений, призывает к разжиганию военных конфликтов, развязыванию малых и больших войн.

Взгляды и устремления наиболее агрессивных империалистических кругов ярко выразил главарь американских правых Б. Голдуотер. В книге «Почему не победа?» он в противовес тем, кто считает, что термоядерная война обернется катастрофой для капиталистического строя, с наглой самоуверенностью заявляет, что нечего бояться ракетно-ядерной войны, не нужно страшиться жертв и

развалин, главное — одержать «тотальную победу» над коммунизмом [1].

Политика силы, пропитанная лютой ненавистью к коммунизму, оправдывающая термоядерную войну, обосновывается в ряде буржуазных доктрин. Одной из них является доктрина «ядерного выживания» капитализма, изложенная в книге американского милитариста Э. Теллора «Наследие Хиросимы». Спекулируя авторитетом ученого-атомника, Теллер преуменьшает катастрофические последствия ядерной войны, призывает создать мощную противоатомную защиту, перевести под землю крупные города и, отказавшись от всяких переговоров, готовиться к ядерному удару локального и глобального масштабов [2].

Идеолог американского империализма Г. Кан в своих книгах «О термоядерной войне», «Мысли о немыслимом», «Об эскалации» развивает доктрину «приемлемости» термоядерной войны, смыкающуюся с доктриной «выживания». Методологическую основу этой доктрины составляет та же недооценка опасных последствий термоядерной войны, чисто количественный подход к ней. Г. Кан утверждает, что «война ужасна, но ужасен и мир», что человечество переживет третью мировую войну с применением ракетно-ядерного оружия, ибо колоссальные разрушения и жертвы «не исключат нормальную жизнь для выживших и их потомков» [3]. По его подсчетам, если в войне будет уничтожено 80 миллионов американцев, то для восстановления экономики США потребуется 50 лет, увеличение же числа жертв до 160 миллионов удлинит сроки восстановительных работ до 100 лет. Таких же взглядов придерживается руководитель отдела исследований и техники министерства обороны США генерал Г. А. Кент, возглавляющий группу по изучению возможных последствий ядерной войны. Он считает, что в случае возникновения такой войны погибнет 70 процентов американского населения. Такова чудовищная арифметика современных каннибалов, справедливо названная прогрессивными учеными «кровожадной

---

[1] См. B. Goldwater. Why not Victory? N-I., Toronto, London, 1962, p. 152.

[2] См. E. Teller with A. Brown. The Legacy of Hiroshima. N-I., 1962, p. 286—287.

[3] H. Kahn. On termonuclear War. Princeton, 1960, p. 22, 46.

иррациональностью», «деградацией человеческого разума».

Доктрины и теории, узаконивающие ядерную войну, получили свое воплощение в стратегических концепциях американского империализма. Одной из таких концепций являлась стратегия «массированного возмездия». Она предусматривала, по существу, один вариант — глобальную термоядерную войну. В связи с утратой США монополии на атомное оружие стратегия «массированного возмездия» заменена стратегией «гибкого реагирования», которую ее основатель генерал М. Тейлор характеризует как способность «реагировать на любой возможный вызов и успешно действовать в любой ситуации»[1].

Стратегия «гибкого реагирования» рассчитана как на мировую термоядерную войну, так и на ограниченные, локальные войны с применением обычного оружия. Агрессивный характер этой стратегии особенно наглядно проявляется в преступной войне против вьетнамского народа. Американские интервенты подвергают варварским бомбардировкам мирные города и села Демократической Республики Вьетнам, применяют напалм, ядовитые газы и другие каннибальские средства истребления населения Южного Вьетнама. Вьетнамская авантюра американского империализма встречает суровое осуждение всех прогрессивных сил мира.

Тогда как одна часть идеологов империализма пытается оправдать и узаконить термоядерную войну, выступает откровенными апологетами ядерного насилия, другая часть сознает опасность термоядерной войны. Так, американский профессор Г. Киссингер прямо указывает, что термоядерная война может привести к распаду общественного строя, к «подрыву всей социальной системы». Но и эти идеологи не отвергают в принципе термоядерную войну, а хотели бы только ограничить, локализовать ее. По их мнению, ограниченные, локальные войны с применением тактического ядерного оружия — менее опасное для империалистов средство осуществления захватнических планов. Такие войны, заявляет американский профессор-международник В. Кауфман, предохранят империализм от революционных и других потрясений, являющихся неизбежным следствием больших войн.

[1] М. Тейлор. Ненадежная стратегия. Перевод с английского. Воениздат, 1961, стр. 36.

Однако надежды на локализацию войны и ограниченное применение ракетно-ядерного оружия призрачны, иллюзорны. Исторический опыт показывает, что ограниченные, локальные войны служат прелюдией к войнам мировым, ускоряют развязывание последних. Это, конечно, не означает, что любая ограниченная война неизбежно должна перерасти в мировую. Но в современной международной обстановке, при сложной системе взаимных договорных обязательств государств внутри каждого лагеря, ограниченная, локальная война, тем более с применением ядерных средств, может перерасти в мировой термоядерный конфликт.

Страх перед последствиями ядерной войны вызывает у некоторой части идеологов буржуазии настроение безысходного пессимизма и обреченности, рождает представление о фатальном закате человеческой истории, неизбежности полного крушения мировой цивилизации, конца жизни на нашей планете. Так, западногерманский философ-идеалист К. Ясперс в книге «Атомная бомба и будущее человека» пишет: «В любое мгновение может последовать взрыв, который все похоронит... Мир находится на пути к тотальному истреблению человечества»[1]. Другой западногерманский идеолог Г. Зиберс утверждает, что ядерное оружие опрокинуло все прежние понятия и представления о войне, перечеркнуло смысл стратегии, превратив ее в орудие самоубийства, исключило всякую возможность победы. Новое оружие, пишет Зиберс, сокрушит жизнь на земле, приведет к уничтожению современной человеческой цивилизации, к гибели «технической эры»[2].

Не только социологи, но и некоторые военные деятели империализма говорят о катастрофических последствиях термоядерной войны. Английский фельдмаршал А. Монтгомери, например, резко критикуя ядерную стратегию НАТО, писал, что «на деле такая стратегия приведет к большой ядерной войне, а это было бы концом западной цивилизации». В таком же духе высказывался

---

[1] K. Jaspers. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. München, 1959, S. 107, 221.

[2] См. G. Siebers. Das Ende des technischen Zeitalters München, 1963, S. 150.

американский генерал Д. Макартур, призвавший объявить мировую войну вне закона.

Но трезвые высказывания наиболее дальновидных буржуазных деятелей и теоретиков тонут в потоке милитаристской литературы, заглушаются разнузданной пропагандой ракетно-ядерной войны, истошными призывами к «ядерному походу» против социализма и коммунизма.

В корне неправильно оценивают термоядерную войну и ее последствия «левые» оппортунисты. Они абсолютизируют вооруженное насилие, недооценивают ядерную опасность. «Левые» оппортунисты заявляют, что не нужно, мол, бояться ракетно-ядерной войны, она-де не так страшна, как ее изображают, не следует считаться с огромными человеческими жертвами и материальными разрушениями, важно любой ценой победить империализм. Они готовы пожертвовать даже половиной населения нашей планеты, чтобы оставшиеся в живых построили свое «прекрасное будущее». Эти чудовищные рассуждения не имеют ничего общего с марксизмом-ленинизмом.

Верное освещение вопроса о последствиях термоядерной войны возможно только на основе марксистско-ленинской методологии, и прежде всего правильного применения философских категорий возможности и действительности.

Марксистско-ленинская диалектика учит, что, во-первых, сложность общественной жизни порождает многообразие возможностей. Во-вторых, всякая возможность зарождается и формируется не по субъективному желанию людей, а в самой объективной действительности. В-третьих, если в природе возможности превращаются в действительность без участия человека, стихийно, то в обществе за возможностями стоят люди, классы, партии, которые своей практической деятельностью отбрасывают одни возможности и ускоряют реализацию других. В-четвертых, не всякая возможность с роковой необходимостью превращается в действительность. В-пятых, трудное, как отмечал В. И. Ленин, не есть невозможное [1].

На международной арене ныне сталкиваются различные возможности. Одной из них является возможность развязывания империалистами мировой ракетно-ядерной войны. Ход истории подтверждает ленинскую характе-

---

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 24.

ристику американского империализма как хищнического, грабительского, ненавистного душителя народов, источника военных авантюр и провокаций. Именно эта сила прежде всего заинтересована в войне. Взяв на себя роль мирового жандарма, американский империализм грубо вмешивается во внутренние дела многих стран и народов Африки, Азии и Латинской Америки, попирает их суверенитет, стремится задушить силой оружия национально-освободительное движение и восстановить колониальные порядки, устраивает провокации против социалистических стран, ведет преступную войну против вьетнамского народа. Все это обостряет международную обстановку и усиливает опасность возникновения мировой войны.

Но реально существует и прямо противоположная возможность — возможность предотвращения новой мировой войны. В мире имеются гигантские силы, способные не допустить ее развязывания. Эти силы — мировая социалистическая система, мировое коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движение, миллионы борцов за мир во всех уголках земного шара. Они располагают не только моральными, но и материальными средствами обуздания империалистических агрессоров. Чем выше могущество социалистического лагеря, чем активнее развертывается революционная освободительная борьба и борьба за мир, тем труднее империалистам развязать новую мировую войну. В резолюции XXIII съезда КПСС подчеркивается, что «наша партия убеждена в правильности вывода международного коммунистического движения о возможности обуздать агрессора, предотвратить новую мировую войну»[1].

Наряду с возможностью предотвращения новой мировой войны существует возможность запрещения оружия массового поражения. За это выступает все миролюбивое человечество, представители самых различных социальных групп, политических и религиозных взглядов.

Как известно, во время второй мировой войны существовала реальная возможность использования враждующими сторонами химического оружия. И тем не менее эта возможность не была превращена в действительность. Фашистская Германия не пошла на риск применения химических средств из-за боязни ответных мер. В случае

[1] Материалы XXIII съезда КПСС, стр. 187.

войны с применением ракетно-ядерного оружия империалистическим зачинщикам не удастся отсидеться в безопасных местах, их неминуемо постигнет суровая кара и возмездие. Это обстоятельство сдерживает и не может не сдерживать воинственные устремления монополистических кругов.

Советское государство делает все от него зависящее, чтобы обуздать атомных маньяков. Оно первым официально поставило вопрос о запрещении атомного оружия. По инициативе Советского Союза XVII сессия Генеральной Ассамблеи ООН в 1962 году приняла резолюцию о запрещении испытаний ядерного оружия. В августе 1963 года в Москве был заключен договор между Советским Союзом, Соединенными Штатами Америки и Великобританией о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Этот договор затем подписали более ста государств мира.

СССР выступает за нераспространение ядерного оружия, против создания многосторонних ядерных сил НАТО, против передачи ракетно-ядерного оружия в руки западногерманских реваншистов, за создание безъядерных зон в различных районах мира, за запрещение подземных ядерных взрывов. «Осуществление этих мер, направленных против угрозы ядерной войны, — говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии, — открыло бы путь для дальнейшего продвижения к полному запрещению и уничтожению ядерного оружия»[1].

Ну а если все же возьмет верх наиболее опасная возможность и человечество окажется втянутым империалистами в термоядерную войну, каковы будут ее последствия?

Марксисты-ленинцы считают, что термоядерная война, если ее не удастся предотвратить, будет отличаться от всех прошлых войн своими последствиями. Она вызовет огромные разрушения и человеческие жертвы. Но, трезво взвешивая исключительную опасность термоядерной войны, марксисты-ленинцы в то же время выступают против пессимистического взгляда на будущее человечества.

В. И. Ленин в свое время указывал на исключительную опасность первой мировой войны, которая «привела

[1] Материалы XXIII съезда КПСС, стр. 32.

все человечество *на край пропасти*, гибели всей культуры, одичания и гибели еще миллионов людей, миллионов без числа»[1]. Но вместе с тем В. И. Ленин говорил, что, каковы бы ни были разрушения культуры, никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно[2]. Конечно, ленинские высказывания относятся к «доядерному» периоду, но они служат методологической основой правильного решения вопроса о возможных последствиях ракетно-ядерной войны.

Марксисты-ленинцы исходят из того, что **победа в мировой войне, если ее не удастся предотвратить, будет на стороне стран социалистической системы**, отстаивающих прогрессивную, восходящую тенденцию в общественном развитии, новую общественную формацию. Такой исход войны подсказывает логика истории, ее объективные законы, выражающие неодолимость нового, прогрессивного в общественном развитии.

Известно, что в итоге первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции от системы империализма отпала одна страна — Россия. Вторая мировая война закончилась полным разгромом и безоговорочной капитуляцией ударных сил империализма — фашистской Германии и милитаристской Японии — и переходом на путь социализма ряда стран Европы и Азии. В ракетно-ядерной войне, в случае ее возникновения, будет уничтожен капитализм как мировая система.

Уверенность марксистов-ленинцев в победе над империализмом зиждется на трезвом учете соотношения сил между двумя системами, на военном могуществе Советского государства и всего лагеря социализма, располагающего всеми новейшими видами оружия и боевой техники, а также экономической и морально-политической мощью, поддержкой народов всех стран. Нельзя сбрасывать со счетов и другие факторы, которые неизбежно вступят в действие с началом войны,— антиимпериалистические выступления народных масс, экономические, политические, дипломатические, юридические, идеологические и иные акции против виновников ядерной катастрофы.

В завоевании победы над агрессорами исключительная роль будет принадлежать субъективному фактору — со-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 182.
[2] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 46.

знательной деятельности народных масс, личного состава Вооруженных Сил СССР и других стран социализма, их воле, энергии, готовности превратить объективные возможности, обусловленные социалистическим строем, в факт разгрома империалистических агрессоров. Видный советский военный деятель Б. М. Шапошников писал: «...Готовясь к войне, никто не полагает завершить ее собственным поражением... Но раз эта драма неотвратима,— к ней нужно быть готовым, выступить с полным знанием своей роли, вложить в нее все свое существо, и только тогда можно рассчитывать на успех, на решительную победу...» [1]

В интересах безопасности СССР и всего социалистического содружества необходимо и впредь укреплять обороноспособность нашей страны, повышать боевую готовность Советской Армии и Военно-Морского Флота. В Резолюции XXIII съезда нашей партии говорится, что «в условиях, когда агрессивные силы империализма обостряют международную напряженность, создают очаги войны, КПСС будет и впредь повышать бдительность советского народа, крепить оборонную мощь нашей Родины, чтобы Вооруженные Силы СССР были всегда готовы надежно защитить завоевания социализма и дать сокрушительный отпор любому империалистическому агрессору» [2].

★

---

[1] Б. Шапошников. Мозг армии. Книга первая. Изд-во «Военный вестник», 1927, стр. 12.

[2] Материалы XXIII съезда КПСС, стр. 188.

Глава III

СОВРЕМЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ

О современной революции в военном деле за последние годы написано много книг, брошюр и статей как в нашей стране, так и за ее пределами. О ней пишут военачальники и писатели, государственные деятели и философы, сторонники войны и ее противники. В огромном литературном потоке можно встретить различные, подчас неверные точки зрения. Между тем правильное уяснение сущности революции в военном деле и ее особенностей имеет большое теоретическое и практическое значение.

1. Источники революции в военном деле

С точки зрения диалектического материализма всякая революция — это скачок, перерыв постепенности в развитии, коренное изменение самой основы явления или процесса. «Революция, — писал В. И. Ленин, — есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше»[1].

Именно такого рода преобразования произошли в военном деле после второй мировой войны в связи

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 222.

с появлением ракетно-ядерного оружия. Современная революция в военном деле является коренным поворотом, завершающим один период в развитии военной теории и практики и открывающим другой. Каковы же источники этой революции, ее причины и движущие силы?

Марксистско-ленинская философия учит, что, как бы ни были разнообразны исторические события, явления и процессы, все они в конечном счете имеют общую основу, общий источник — экономические условия. Следовательно, и **наиболее глубокий источник современной революции в военном деле находится в экономических условиях государств, в материальном производстве.**

В наше время с новой силой подтвердилось известное положение Ф. Энгельса о том, что «ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения» [1].

Современная революция в военном деле не случайно началась прежде всего в экономически наиболее развитых государствах — Соединенных Штатах Америки и Советском Союзе. Именно в этих странах впервые было изготовлено ядерное оружие. И только значительно позже оно появилось в Англии, Франции и КНР.

Чтобы производить современную военную технику, ядерное оружие, государство должно располагать мощным экономическим потенциалом. Экономически слабым странам не под силу решение такой задачи. Достаточно сказать, что только создание атомного оружия до первого применения его над Хиросимой обошлось Соединенным Штатам Америки в 2 миллиарда долларов. Эта сумма равна значительной части всего национального дохода некоторых развитых капиталистических государств.

Расходы на конструирование и производство ядерных боеприпасов, ракет и другой военной техники поистине колоссальны. Так, стоимость одной атомной подводной лодки, оснащенной ракетами «Поларис», составляет от 50 до 150 миллионов долларов. По мнению зарубежных специалистов, надежд на удешевление конструирования и

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 171.

производства современной военной техники нет. Наоборот, каждый новый вид оружия стоит намного дороже того, который он заменяет.

Рост расходов на производство военной техники сопровождается увеличением стоимости ее эксплуатации и содержания. Так, эксплуатация американской автоматической системы управления войсками типа «Сейдж» обходится более 300 миллионов долларов в год. Для обслуживания сложной военной техники нужно большое количество специалистов, подготовка которых требует немалых затрат. Например, в США средняя стоимость подготовки рядового летчика достигает 120 тысяч долларов, ракетного техника — 20 тысяч долларов.

Наряду с огромными финансовыми затратами производство современной военной техники требует особых видов сырья, в том числе редких металлов. Почти все химические элементы таблицы Д. И. Менделеева используются в военных целях. Особым спросом пользуются уран, титан, алюминий и некоторые другие металлы, а также нефть.

Производство современного оружия и военной техники немыслимо без высокой электровооруженности промышленности. Получение ядерного «горючего» — урана-235 и плутония, алюминия и его сплавов, редких металлов, топлива для ракет и автотранспорта — требует огромного количества электроэнергии, измеряемого миллиардами киловатт-часов.

Создание оружия массового поражения невозможно без высокого уровня развития таких отраслей тяжелой индустрии, как черная и цветная металлургия, авиа- и судостроение, машиностроение и приборостроение, новейшая радиоэлектронная промышленность.

Ведущая роль в материальном обеспечении нужд современной войны остается за машиностроением. Являясь сердцевиной всей промышленности, оно позволяет создавать механизмы и приборы, разрабатывать такие технологические процессы, которые необходимы для изготовления в массовом количестве ракетно-ядерного и обычного оружия, а также автоматических средств управления.

Таким образом, высокий уровень развития экономики, соответствующая ее структура, наличие больших финансовых, материальных и людских ресурсов — необходимые

предпосылки для производства ядерного оружия и новейшей военной техники.

Современная революция в военном деле неразрывно связана с научно-техническим прогрессом. Без выдающихся научных открытий она была бы просто невозможна.

Развитие науки оказало огромное влияние на материальное производство. Успехи естествознания уже на рубеже XIX—XX веков дали толчок новым отраслям промышленности, таким, как электротехника, электрохимия и другие, обеспечили быстрое появление новых механизмов, технологии и организации производства. В наше время наука позволила использовать новые источники энергии и новые материалы. Она, по существу, сыграла решающую роль в создании таких отраслей промышленности, как атомная энергетика, производство ракетной и электронно-вычислительной техники, выступающих ныне важным показателем экономического развития страны.

Наука непосредственно определяет развитие военной техники, и особенно ее ядра — оружия. Такие отрасли естествознания, как физика, химия и биология, а также математика, дали теоретическое решение кардинальных проблем технической стороны военного дела. Они позволили небывало повысить энерговооруженность войск, значительно увеличить их мобильность и управляемость.

На основе исследования явления радиоактивности, закономерностей строения атомного ядра, открытия цепной реакции деления ядер урана были созданы атомные боеприпасы. Развитие квантовой теории, теории относительности и математики, мощная индустриальная база науки позволили затем значительно увеличить мощность ядерных зарядов, создать термоядерное оружие огромной силы.

Ракеты различной мощности и дальности полета были созданы на основе теоретических изысканий в области математики, астронавтики, химии, в результате изобретения новых видов топлива и новых материалов, систем автоматического регулирования и других достижений научно-технического прогресса. Особое значение имели успехи радиоэлектроники и кибернетики. Без них было бы немыслимо использовать атомную энергию, автоматизировать управление военной техникой и войсками.

Необходимо особо подчеркнуть, что важной предпосылкой создания оружия массового поражения явилась высокоразвитая экспериментальная база научных исследований, широкая сеть научно-исследовательских учреждений и наличие квалифицированных научных кадров. Уже в годы второй мировой войны научно-исследовательская работа в области атомной энергии в США стала самостоятельной отраслью, на развитие которой отпускались огромные средства. К научным исследованиям по созданию атомной бомбы были привлечены выдающиеся ученые-физики Э. Ферми, Р. Оппенгеймер и другие.

Что касается Советского Союза, то известно, что наши ученые в кратчайшие сроки решили труднейшие задачи в области ядерных и термоядерных реакций, ракетостроения и в других отраслях науки и техники. Выдающуюся роль в этом сыграли такие ученые, как И. В. Курчатов, С. П. Королев и другие. Наука в социалистическом обществе верно служит не только решению задач коммунистического строительства, но и его защите от империалистических агрессоров.

Экономические условия и научно-технический прогресс — это такие источники революции в военном деле, которые активно проявляют себя лишь под воздействием политики.

Политика вторична, производна от экономики лишь по происхождению. По своей же роли она имеет известное первенство над экономикой и всеми другими сторонами общественной жизни. Политика определяет направление деятельности людей во всех областях жизни общества, и в первую очередь в области военной. Именно политика ставит на службу военному делу все достижения науки и техники. В этом смысле можно сказать, что **политика явилась решающим фактором современной революции в военном деле, ее движущей силой.**

Реакционная империалистическая политика лежала в основе усилий США по созданию атомного оружия. Взорвав в августе 1945 года две атомные бомбы над Хиросимой и Нагасаки, американские империалисты хотели показать всему миру, что являются монопольными обладателями нового чрезвычайно разрушительного оружия. После окончания второй мировой войны всю мощь этого оружия правящие круги Соединенных Штатов Америки стремились использовать для того, чтобы ока-

зать давление на Советский Союз, заставить его пойти на уступки в устройстве послевоенного мира, устрашить народы колониальных и слаборазвитых стран, а заодно припугнуть капиталистические государства и установить свое господство над миром. Лейтмотивом всей политики правящих кругов США стал антикоммунизм. Все преобразования в военном деле в США осуществляются в интересах монополистического капитала, во имя политики насилия, агрессии и войн, подчинены борьбе с коммунизмом.

Революция в военном деле в нашей стране также началась и продолжается под решающим воздействием политики. Но это принципиально иная политика, чем политика империалистов США.

После окончания второй мировой войны перед социалистическим государством встала задача не только залечить раны тяжелейшей войны, но и укрепить оборону страны. Необходимо было прежде всего создать свое ядерное оружие.

Советский народ, руководимый ленинской партией, приложил все усилия к тому, чтобы в кратчайший срок решить эту задачу. Как известно, уже в 1949 году в СССР была взорвана первая атомная бомба, а вскоре были созданы термоядерные заряды и ракеты. Советское ракетно-ядерное оружие ныне надежно служит интересам защиты не только нашей Родины и других социалистических стран, но и всех миролюбивых народов.

Таким образом, экономические условия, научно-технический прогресс и политика — наиболее глубокие источники или наиболее общие причины революции в военном деле. Наряду с ними имеются еще причины, заложенные в самой природе военного дела, прежде всего в его материально-технической основе.

Вооруженные силы, как известно, представляют собой диалектическое единство человека и военной техники. Решающая роль в вооруженной борьбе принадлежит человеку, который использует в своих целях технику и оружие. Но это отнюдь не умаляет значения техники. Количество и качество оружия, военной техники — важнейший показатель боевой мощи вооруженных сил.

Военная техника является наиболее подвижным элементом материальной основы вооруженной борьбы. Изменяясь под воздействием экономики, науки и техники,

потребностей политики и вооруженной борьбы, военная техника вызывает изменение всех других сторон военного дела. История показывает, что изменения в военном деле, в том числе и коренные, подобные революции наших дней, обычно начинаются с перемен в военной технике. Ф. Энгельс писал, что изменения в развитии военной техники неизбежно «вызывали перемены и даже перевороты в способе ведения боя...» [1].

В военной технике особое место занимает оружие. Оно представляет собой систему средств, предназначенных для непосредственного воздействия на противника. Структура оружия включает три важнейших составных элемента: средства поражения, средства доставки и средства управления.

Главную, определяющую роль играют средства поражения. По характеру и мощности используемой в средствах поражения энергии истории известны три системы боевого оружия: холодное, огнестрельное и ядерное.

Непрерывный рост мощности средств поражения обусловливает изменения и других элементов оружия. В истории всегда было так, что вслед за изменением средств поражения изменялись средства доставки и средства управления. Не является в этом отношении исключением и современная революция в военном деле. В ходе ее изменялись сначала средства поражения, затем средства доставки и, наконец, средства управления. Соответственно этому можно различать и **три основных этапа революции в военном деле.**

Первый этап современного переворота в военном деле начался с создания ядерных (атомных, а затем и термоядерных) боеприпасов. Ядерные заряды принципиально отличаются от всех других средств поражения. Исчисление мощности ядерных боеприпасов по тротиловому эквиваленту дает о них лишь приблизительное представление, поскольку поражающее действие ядерного оружия складывается из четырех основных факторов: ударной волны, светового излучения, проникающей радиации и радиоактивного заражения местности. К этим прямым поражающим факторам ядерного оружия необходимо добавить косвенные: удар осколков, полученных от разру-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 176.

шения сооружений или естественных объектов, пожары и другие.

Энергия ядерного взрыва распределяется следующим образом: свыше 60 процентов ее общего количества приходится на ударную волну, около 30 процентов — на световое излучение, около 9 процентов — на проникающую радиацию. По американским данным, среди лиц, оставшихся в живых после бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, поражения от ударной волны имели 70 процентов пострадавших, от светового излучения (ожоги) — 65 процентов, от проникающей радиации — 30 процентов.

Ядерные боеприпасы, как об этом сообщается в зарубежной печати, продолжают совершенствоваться по двум основным направлениям: во-первых, по пути создания боеприпасов все возрастающих мощностей; во-вторых, по пути уменьшения мощности, габаритов и веса ядерного заряда, с тем чтобы его можно было использовать в небольших тактических звеньях. Оба эти направления активно развиваются. Известно, что в Советском Союзе есть ядерные заряды мощностью 50 мегатонн и более. Однако наращивание мощностей ядерных боеприпасов не может продолжаться беспредельно как по экономическим, так и по собственно военным соображениям.

В США еще в 1958 году были взорваны заряды с тротиловым эквивалентом до 6 тонн. По силе взрыва эти заряды сопоставимы с крупнейшими авиабомбами конца второй мировой войны. Большой прогресс в уменьшении веса и тротилового эквивалента атомных боеприпасов считается возможным достигнуть заменой плутония калифорнием. По сведениям западногерманской печати, США надеются производить лишь один грамм калифорния в год. Кроме того, калифорний нестабилен, так как имеет небольшой период полураспада.

Появление ядерных боеприпасов и оснащение ими войск положило начало ряду существенных изменений в теории и практике военного дела. Но на этом первом этапе изменения военного дела были недостаточно глубокими: они сдерживались прежде всего неразвитостью средств доставки нового оружия к цели.

Как известно, для доставки ядерных зарядов первоначально использовалась лишь авиация. Но уже тогда было очевидно несоответствие между огромными огневыми возможностями новых средств поражения и отно-

сительно низкими тактико-техническими данными средств их доставки к цели. Уязвимость авиации от средств ПВО, необходимость иметь широкую сеть аэродромов, которую невозможно скрыть от противника, зависимость от погодных условий и т. д. — все это не позволяло в полной мере использовать новые средства поражения. Выход из противоречия был найден, когда носителем ядерного заряда стала ракета. Впервые это было сделано в нашей стране. Будучи соединенными с ядерными боеприпасами, ракеты образовали новую систему оружия — ракетно-ядерное оружие. Так начался **второй этап** современной революции в военном деле.

Известно, что ракеты давно использовались в вооруженной борьбе, но в связи с малой мощностью заряда и небольшой точностью попадания в цель не получили широкого применения. Только после создания ядерных боеприпасов, а также усовершенствования самих ракет эти два элемента составили единое целое — ракетно-ядерное оружие. В нем органически слились огромная огневая мощь ядерных боеприпасов с неограниченной дальностью и большой скоростью ракет, их неуязвимостью для средств ПВО и способностью к быстрому маневру.

Ныне имеются ракеты различного назначения: стратегические (межконтинентальные и глобальные), оперативно-тактические и тактические. Есть ракеты на жидком и твердом топливе.

Ракеты непрерывно совершенствуются. Особое внимание уделяется повышению их неуязвимости в местах пуска. Эта задача решается путем создания подземных бетонированных стартовых площадок, защищенных даже от ядерного оружия, а также путем установки ракет на подводных лодках, боевых гусеничных и колесных машинах и других средствах передвижения. Успешно развиваются также зенитные управляемые ракеты. Как отмечалось на XXIII съезде КПСС, в советских Ракетных войсках стратегического назначения построено большое количество новых подвижных установок, а также созданы принципиально новые виды ракетного вооружения.

В передовых армиях мира дальнейшее развитие ракет будет идти по пути повышения дальности полета и точности попадания в цель, сокращения времени на приведение в боевую готовность, упрощения условий экс-

плуатации и хранения, увеличения сроков годности к боевому применению. Одновременно с совершенствованием ракет решается проблема противоракетной обороны, основным средством которой являются антиракеты.

Появление ракет не означает, что все остальные средства доставки утратили свое значение. Авиация переживает сейчас период нового бурного развития. Созданы сверхзвуковые самолеты, имеющие скорость свыше 2500 километров в час, способные преодолевать на больших высотах практически любые расстояния. Качественно новым шагом в развитии авиации явилось создание самолета-ракетоносца. Не заходя в зону ПВО противника, современная ракетоносная авиация может наносить сокрушительные удары по врагу. Не следует забывать, что авиация имеет ряд преимуществ перед ракетами. Прежде всего, самолеты можно многократно использовать, что исключено для ракет. Авиации не нужна точная геодезическая привязка цели, без которой не могут обойтись ракетные войска. Экипаж самолета-ракетоносца может уточнять местонахождение цели, обнаруживать и подавлять новые цели.

В связи с созданием за рубежом маломощных и малогабаритных ядерных боеприпасов качественно иной стала роль артиллерии. Артиллерия теперь может быть не только средством огневой поддержки, но и средством доставки ядерных зарядов. В США уже имеются ядерные боеприпасы для 203- и 155-мм гаубиц, а также для 155-мм пушек. Создан ядерный боеприпас с тротиловым эквивалентом в 20 тонн для 120-мм безоткатных орудий «Деви Крокет», которые находятся на вооружении подразделений батальонного звена.

На втором этапе революции произошли самые глубокие сдвиги не только в материально-технической основе вооруженной борьбы, но и во всех сторонах военного дела.

Изменение средств поражения и средств доставки потребовало изменения и средств управления. Управлять ракетно-ядерным оружием и войсками стало невозможно без автоматических средств, основанных на применении радиоэлектроники, кибернетики, математики и других наук.

В самом деле, все более возрастающий объем данных, необходимых для принятия решения, требует много вре-

мени для их анализа. Но в ядерной войне может сложиться такая обстановка, когда командир должен будет принять решение в самые сжатые сроки, а в отдельных случаях мгновенно. Нередко будет и так, что данных об обстановке недостаточно, а решение должно быть принято непременно. Наконец, громадные расстояния, на которых развернутся боевые действия, повышают вероятность выхода из строя отдельных элементов управляющей системы, а это может привести к тяжелым последствиям. Где же выход из этих противоречий? Выход в автоматизации управления военной техникой и боевыми действиями войск.

Переход к комплексной автоматизации управления, повышение научного уровня руководства войсками и составляет содержание **третьего этапа** революции в военном деле. Подробнее об этом этапе будет сказано ниже, в связи с выяснением сущности и содержания революции в военном деле.

2. Сущность и содержание революции в военном деле

Ракетно-ядерное оружие в силу своих боевых свойств превратилось в решающий фактор вооруженной борьбы, в значительной мере определяющий ход и исход войны.

В самом деле, в течение веков все виды огнестрельного оружия оставались чисто тактическим оружием. Они постепенно вытеснили стрелу, меч и копье лишь потому, что оказались более совершенными, но выполняли те же функции, что и их предшественники.

С появлением ракетно-ядерного оружия боевая мощь войск колоссально возросла. И возросла не только в тактическом масштабе, как при переходе от холодного оружия к огнестрельному, и не только в масштабе оперативном, как это произошло при механизации и моторизации вооруженных сил, а прежде всего и главным образом в масштабе стратегическом.

Холодное и обычное огнестрельное оружие не позволяло одновременно решать конечные и промежуточные задачи войны. В течение веков стратегический результат в войне складывался постепенно из совокупности боевых

действий тактического и оперативного масштабов. Теперь стратегическая цель вооруженной борьбы может достигаться не только путем ряда последовательных наступательных операций, но главным образом путем нанесения ракетно-ядерных ударов на всю глубину территории противника.

Таким образом, **резкий, скачкообразный переход от обычного оружия к оружию массового поражения как главному средству достижения основных целей войны и составляет сущность современной революции в военном деле.**

Некоторые буржуазные военные писатели пытаются свести глубокий переворот в военном деле к одним лишь количественным изменениям. Так, французский военный теоретик Ружерон в книге «Ядерная война» утверждает, что ракетно-ядерное оружие изменяет лишь размах военных действий по фронту и глубине. На этом основании он пытается доказать, что можно количественно ограничивать объекты, намечаемые для уничтожения, делить цели на тактические и стратегические и таким образом вести ограниченные ядерные войны. Это одна из форм апологетики войны с применением оружия массового поражения.

Не выдерживают критики взгляды и тех, кто недооценивает мощь современного оружия массового поражения. Именно таких взглядов на современную войну придерживаются догматики.

Не всегда правильно истолковывалась суть современной революции в военном деле и на страницах советской военной печати. Некоторые авторы утверждали, что сущность этой революции сводится или к переоснащению Вооруженных Сил новой военной техникой, или к изменению их структуры, или к перестройке процесса обучения и воспитания войск. Все это, конечно, входит в революцию в военном деле, но не составляет ее сущность, а лишь связано с нею и зависит от нее.

Правильное понимание сущности революции в военном деле облегчает уяснение и ее содержания. Если сущность есть внутренняя основа явлений или процессов, то содержание охватывает всю совокупность составляющих его частей, элементов, сторон и взаимодействие между ними. Современную революцию в военном деле нельзя рассматривать как переворот лишь в одном из

элементов военного дела. Содержание революции включает в себя качественные сдвиги во всех областях военной теории и практики.

Прежде всего коренные изменения произошли в характере вооруженной борьбы, в способах и формах боевых действий. По-иному, чем в прошлых войнах, будут осуществляться наступление и оборона, иным будет соотношение между военными действиями тактического, оперативного и стратегического масштабов. Общевойсковой бой теперь не просто бой мотопехоты, танков, артиллерии и других родов войск, а прежде всего ядерные удары и высокоманевренные действия общевойсковых соединений, частей, подразделений, согласованные между собой по цели, месту и времени.

Одним из элементов содержания революции в военном деле является существенное изменение структуры вооруженных сил. Так, в нашей стране новое оружие вызвало к жизни не только соответствующие подразделения, части и соединения, но и целые рода войск и виды Вооруженных Сил. Возникли Ракетные войска стратегического назначения и ракетные войска, входящие в состав Сухопутных войск. Возросло значение Войск противовоздушной обороны страны. Существенно изменились и задачи традиционных видов вооруженных сил. Например, современный подводный ракетоносный флот способен выполнять стратегические задачи по поражению объектов противника как на море, так и на суше. Известно, что военно-морской флот в Соединенных Штатах Америки переводится в первый эшелон стратегических ударных сил. Уже сейчас на его долю приходится более одной трети всех стратегических средств США.

Революция вторглась и в область военной теории. Военная наука вынуждена была глубже проникнуть в закономерности вооруженной борьбы, проанализировать и обобщить те качественные сдвиги, которые произошли в военном строительстве. Она широко стала использовать новые методы исследования (моделирование и другие) и новые технические средства (электронные вычислительные машины и другие). Выводы военной науки о характере ракетно-ядерной войны, способах ее ведения, о факторах, влияющих на ход и исход войны, послужили важной предпосылкой разработки современной военной доктрины.

С точки зрения методологии чрезвычайно важным элементом содержания революции в военном деле является изменение соотношения человека и военной техники. Это особенно очевидно на современном этапе. Ныне человек передает технике не только функции, связанные с затратой физических усилий в вооруженной борьбе, но и определенную часть своих функций по управлению ею. В этом нет ничего необычного. Как писал В. И. Ленин, «прогресс техники в том и выражается, что человеческий труд все более и более отступает на задний план перед трудом машин» [1].

Изменение соотношения человека и военной техники не означает, что человек вытесняется из вооруженной борьбы. Оно свидетельствует о том, что в связи с возникновением автоматической и автоматизированной техники меняется характер воинского труда, который по форме все более приближается к труду индустриальному. Новые средства вооруженной борьбы требуют формирования у человека новых навыков, всестороннего развития его способностей.

Изменения в характере воинского труда наглядно проявляются в резком увеличении количества военнослужащих, занятых обслуживанием автоматических и автоматизированных систем. По специфике основных обязанностей этих военнослужащих можно разделить на две большие группы: а) наладчики, ремонтники, специалисты, осуществляющие технический уход за машинами и приборами, и б) операторы, непосредственно работающие на машинах и приборах. Разумеется, это деление условно, но оно помогает ярче представить наиболее существенные тенденции в изменении характера воинского труда, которые еще полностью не проявились и получат свое завершение в будущем.

Развитие военной техники ведет к изменению форм непосредственного участия человека в вооруженной борьбе, когда большая часть военнослужащих не соприкасается с противником, имея дело лишь со сложной аппаратурой и приборами.

Резко повышается ответственность каждого воина за выполнение задачи всем подразделением, частью, кораблем. В связи с этим возрастает роль военной психологии

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 78.

вообще и инженерной психологии в частности, которая становится необходимым элементом воспитания и обучения воинов.

Ракетно-ядерное оружие и новейшая боевая техника предъявили новые, повышенные требования к морально-боевым качествам воинов. Победу в ядерной войне может одержать лишь армия, состоящая из политически сознательных, обладающих высокой общеобразовательной и специальной подготовкой, физически закаленных и выносливых воинов. Это признается ныне всеми военными специалистами, в том числе и буржуазными. Однако возможности практического решения этой задачи в империалистических и социалистических странах далеко не одинаковы. Социалистическое государство имеет несравненно более благоприятные возможности для воспитания воинов с высокими морально-боевыми качествами.

Конкретным выражением изменения соотношения человека и военной техники является переворот в управлении войсками, переход к комплексной автоматизации. Этот переворот есть объективная необходимость, обусловленная появлением ракетно-ядерного оружия. Внедрение в вооруженные силы автоматических и автоматизированных средств управления, особенно так называемых больших систем, знаменовало собой, как уже отмечалось, наступление **третьего этапа** современной революции в военном деле.

Управление войсками в бою складывается из двух отличающихся, но взаимосвязанных процессов: первый — управление боевой техникой, второй — управление людьми (подразделениями, частями, соединениями).

По своему содержанию и методу решения возникающих проблем управление боевой техникой не отличается или почти не отличается от процессов управления любым техническим устройством. Здесь возможности автоматизации чрезвычайно велики. Чем выше относительная однотипность боевых задач, оружия и вытекающих из этого тактических, оперативных и стратегических приемов его использования, чем выше степень централизации, тем больше возможности автоматизации управления боевыми средствами в масштабах целого рода и даже вида вооруженных сил. Наиболее полно этим требованиям в нашей армии отвечают Ракетные войска стратегического назначения и Войска противовоздушной обороны страны. И не

случайно именно в этих видах Вооруженных Сил достигнута высокая степень автоматизации управления.

Значительно сложнее обстоит дело с автоматизацией управления боевыми действиями подразделений, частей и соединений сухопутных войск, военно-морского флота и военно-воздушных сил. Здесь приходится управлять не только боевой техникой, но прежде всего действиями больших масс людей. Военная мысль настойчиво изыскивает возможности комплексной автоматизации и в этой области. В США уже созданы большие автоматизированные системы управления.

В военной печати, как советской, так и зарубежной, можно встретить утверждения о том, что современная революция в военном деле завершена. С такой точкой зрения согласиться нельзя. Революция в военном деле продолжается. Если первые два ее этапа в основных чертах пройдены, то третий этап, связанный с комплексной автоматизацией управления боевыми действиями войск и повышением научного уровня руководства ими, еще продолжает развиваться.

Комплексная автоматизация управления войсками, являясь необходимым и закономерным этапом развития военного дела, в свою очередь становится важнейшей предпосылкой дальнейшего совершенствования всех видов боевого оружия. Во-первых, она позволяет значительно полнее и эффективнее использовать боевые возможности существующих видов оружия. Во-вторых, без совершенных автоматических средств управления нельзя практически использовать открываемые наукой и техникой возможности создания принципиально новых видов оружия.

Западная, и в первую очередь американская, военная печать открыто признает, что проблема военно-технического превосходства сейчас тесно связана с темпами освоения космоса для военных нужд. Она прямо указывает основные области использования космоса в военных целях: создание навигационных спутников и спутников связи, использование космических аппаратов для ведения разведки, для обнаружения и уничтожения космических аппаратов противника, наконец, для транспортировки ядерных боеприпасов.

Известно, что США уже давно используют искусственные спутники Земли для ведения разведки, опреде-

ления координат местонахождения подводных лодок, для радио- и телевизионной связи на больших расстояниях. Для этих целей использовались искусственные спутники типа «Самос», «Вега», «Мидас», «Нимбус», «Эхо», «Синком» и другие. Американские официальные органы прямо указывали, что космонавты во время полетов спутников типа «Джеминай» проводили работы, направленные на изучение возможностей ведения человеком разведки из космоса. В США особые надежды возлагают на космическую лабораторию с экипажем из двух человек, проект которой разрабатывается.

Перспективы использования искусственных спутников Земли иностранные специалисты в значительной мере ставят в зависимость от повышения их маневренности в космосе. В частности, разрабатывается проект создания воздушно-космического самолета, или космолета. Хотя его орбита, как пишет зарубежная печать, будет относительно невысокой, но близкая к космической скорость и способность совершать маневры, недоступные пока спутникам, сделают космолет весьма эффективным.

Одно из направлений развития военной техники связывают с использованием достижений квантовой радиоэлектроники. Считают, что лазерная техника открывает принципиально новые возможности развития оружия. На основе ее зарубежные специалисты рассчитывают создать лучевое оружие, наносящее непосредственное поражение живой силе и технике противника лучом высокой плотности. В этом оружии как бы сливаются воедино средства поражения и средства доставки.

Квантовые приборы, как предполагают, могут быть с успехом использованы всеми видами вооруженных сил. Особенно широкие перспективы открываются перед ними в космосе, прежде всего для борьбы с ракетами противника. Хотя такие работы не вышли еще за рамки научно-исследовательских, им уделяется много внимания. Так, в американской печати сообщалось, что в основу системы «Дифендер», находящейся в стадии разработки, положено «лучевое оружие». В 1964 году конгресс США продолжал финансирование работ по этому проекту.

Создание оружия на лазерах требует не только совершенствования квантовых приборов, но и автоматических устройств управления высокого класса точности. Только

на путях дальнейшего развития средств автоматизации считают возможным обеспечить наведение и удержание узкого луча оптического квантового генератора в заданном направлении.

Возникновение принципиально новой боевой техники можно рассматривать как отрицание техники старой, традиционной. Однако это отрицание не абсолютное, а диалектическое. То, что ракеты с ядерными боеголовками в наши дни стали основой огневой мощи вооруженных сил, не означает, что обычное оружие потеряло свое значение. Без артиллерии, танков, самолетов и других обычных средств невозможно решить все задачи вооруженной борьбы. В отдельных же видах боя при определенных условиях традиционные виды оружия могут сыграть решающую роль. Не случайно буржуазный военный специалист Парсон (младший) заметил: «Нам надо следить за тем, чтобы, занимаясь сверхзвуковыми ядерными ракетами, военный руководитель не проглядел смертельной угрозы со стороны какого-нибудь... вражеского пехотинца, вооруженного дозвуковым, неуправляемым и неядерным штыком» [1].

Содержание революции в военном деле включает в себя мероприятия, направленные на поддержание постоянной боевой готовности войск, а также новые способы и приемы обучения и воспитания личного состава армии и флота.

Рассмотрев источники, сущность и содержание современной революции в военном деле, выясним теперь, в чем же состоят ее особенности и отличительные черты.

3. Особенности революции в военном деле

Выше уже отмечалось, что современная революция не идет ни в какое сравнение ни с одним из коренных переворотов в военном деле, совершившихся в прошлом. Каковы же особенности этой революции?

Прежде всего, невиданная **глубина и широта преобразований.** Современная революция в военном деле представляет собой диалектическое единство множества скач-

---

[1] Parson N. Missiles and the Revolution in Warfare. Cambridge. Harvard University Press. 1962, p. 141.

ков. Вместе с появлением оружия массового поражения качественные изменения претерпела вся военная техника от личного оружия и средств защиты отдельного бойца до самых мощных систем вооружения.

Важное место среди этих преобразований занимают скачки: от автоматического оружия к автоматизированным системам оружия; от боевой машины, управляемой экипажем, к беспилотным средствам; от винтомоторного самолета с пулеметно-пушечным вооружением к сверхзвуковому реактивному самолету с ракетным вооружением; от бомбардировочной к ракетоносной авиации; от двигателя внутреннего сгорания к ядерному двигателю; от моторизации войск к их механизации и т. д. Обычное оружие, претерпев серьезные изменения, органически сливается с принципиально новыми видами военной техники.

Нынешняя революция затронула все содержание военного искусства, от тактики подразделений до боевых действий стратегического масштаба. Наиболее существенным здесь является скачок от континентального характера боевых действий к межконтинентальному. Качественные изменения происходят в управлении боевыми действиями, в методах руководства войсками, в боевом обеспечении войск. Иное содержание приобрела оборона тыла. Коренным образом изменились военные доктрины и военная наука.

Существенно преобразована организация войск во всех армиях мира. Осуществлен переход от пехотных, стрелковых частей и соединений к мотострелковым и механизированным. Иными стали роль и соотношение родов войск и видов вооруженных сил. Качественные изменения претерпевают методы и формы обучения и воспитания воинов.

О глубине преобразований в ходе нынешней революции в военном деле ярко свидетельствует тот факт, что возникают новые закономерности вооруженной борьбы. К числу таких закономерностей относится, например, перенесение центра тяжести вооруженной борьбы с фронта в глубину территории воюющих сторон. Новой закономерностью следует считать зависимость хода и исхода войны от степени боевой готовности армии еще до начала боевых действий. Если в недалеком прошлом с началом войны можно было отмобилизовать армию и затем на-

править ее на фронт, то в условиях применения средств массового поражения такая возможность почти исключается. Это признают и военные теоретики империализма, прямо указывающие на необходимость полной готовности армии к войне еще в мирное время. «Традиционная военная политика отмобилизования сил и средств после начала войны,— пишет военный теоретик США Смит,— так же устарела, как устарел конный транспорт...» [1]

В состоянии максимальной боевой готовности в современных условиях может находиться только регулярная кадровая армия. В этой связи надо признать несостоятельными идеи о возможности возрождения в настоящее время территориально-милиционной системы строительства Советских Вооруженных Сил.

Другой особенностью современной революции в военном деле являются **высокие темпы преобразований**. Известно, что в прошлом переход от одного типа оружия к другому совершался в течение многих десятков и даже сотен лет. Ныне переоснащение армий и флотов новой техникой и оружием осуществляется в очень короткие сроки. Кроме того, ряд образцов техники и оружия морально настолько быстро стареет, что заменяется еще до пуска их в серийное производство.

Высокими темпами изменяется и организационная структура войск. Так, за последние десять лет (1956—1965) в США были проведены четыре большие реорганизации частей и соединений, не считая мелких. Американское военное командование не прекращает поисков новых организационных форм с целью повышения маневренности, ударной и огневой мощи войск, совершенствования системы управления и боевого обеспечения.

О высоких темпах современных революционных преобразований в военном деле свидетельствует периодическое, через сравнительно короткие промежутки времени, обновление воинских уставов, наставлений и других документов, регламентирующих жизнь и боевую деятельность войск.

Высокие темпы преобразований в военном деле предъявляют большие требования к нашим командным кадрам.

---

[1] Д. О. Смит. Военная доктрина США. Изд-во иностранной литературы, 1956, стр. 147.

Ныне застой военной мысли чреват тяжелыми последствиями. Теперь офицеру необходимо не только в совершенстве знать новую технику, но и постоянно искать наиболее эффективные способы ее применения, уметь видеть новое, передовое и внедрять его в практику обучения и воспитания.

В прошлом изменения в военном деле начинались, как правило, стихийно и с низших звеньев тактики, постепенно достигая высот стратегии и закрепляясь в военных доктринах. Нынешние преобразования в военном деле **начались в сфере стратегии и затем распространились на область оперативного искусства и тактики.**

Тот факт, что современная революция в военном деле началась сверху, обусловлен тем, что ракетно-ядерное оружие в силу своей колоссальной поражающей мощи дало возможность сразу решать стратегические задачи, стало главным средством ведения войны. Вполне естественно, что оно затронуло прежде всего непосредственно связанную с политикой область стратегии.

Еще одна важная особенность современной революции в военном деле состоит в том, что **эта революция происходит в условиях мирного времени.** В истории еще не было примеров, чтобы коренные преобразования во всех областях военного дела совершились в мирный период, без испытания и проверки всего нового в войне. Тот факт, что новое оружие, новые способы борьбы и новые формы организации войск разрабатываются и внедряются еще до начала войны, неизмеримо повышает значение военной теории в обеспечении обороноспособности страны.

Раньше, когда развитие военного дела совершалось медленно, а изменения не были такими глубокими, военная теория строилась в основном на обобщении опыта войн. Теперь, разрабатывая способы вооруженной борьбы, нельзя довольствоваться только опытом прошлых войн, ибо новейшее оружие и боевая техника в них не применялись в массовом количестве. Теперь военно-научная мысль должна опираться главным образом на опыт учений и маневров, максимально приближенных к условиям боевой обстановки, на теоретическое изучение тенденций в развитии социально-политических условий и материально-технической базы войны.

Рассматривая эту особенность современной революции в военном деле, следует отметить, что американская военщина, попирая всякие нормы международного права и элементарные понятия гуманности, стремится восполнить ограниченность военной практики мирного времени использованием опыта современных малых войн, развязываемых империалистами для подавления освободительного движения народов и укрепления своего политического и экономического господства. Это особенно отчетливо видно на примере агрессивной войны американского империализма против вьетнамского народа. Американское военное командование с циничной откровенностью рассматривает Вьетнам как полигон для испытаний новейшего вооружения, новых приемов и способов боевых действий.

Ведя борьбу против агрессивных устремлений американского империализма, необходимо внимательно и непрерывно изучать все его новейшие средства и приемы борьбы.

Наконец, одна из особенностей современной революции в военном деле состоит в том, что, **будучи порождением экономики и политики, она сама оказывает на них огромное воздействие.** Ни один военно-технический переворот прошлого не накладывал такую неизгладимую печать на всю жизнь общества, и прежде всего на экономику.

В самом деле, ныне чрезвычайно углубилась и расширилась взаимосвязь преобразований в военной области с развитием производительных сил. Как никогда, возрос удельный вес военной продукции в общем объеме промышленного производства. В США в настоящее время военные заказы составляют 21 процент производства электропромышленности, 38 — радиоаппаратуры, 61 — судостроения и 94 процента производства авиационной промышленности. Две трети американских ученых заняты в военной сфере, а расходы на научные исследования в военных целях с 1940 по 1963 год возросли в 330 раз.

Вооруженные силы еще в мирное время требуют от экономики огромных материальных ресурсов. Особенно сложным делом является поддержание на высоком уровне боевой мощи армии, авиации и флота. Непрерывная замена устаревшего вооружения новым, а нового — новейшим сопряжена с громадными затратами, ибо неиз-

бежно влечет за собой перестройку отраслей производства, требует нового оборудования и материалов. Достаточно сказать, что только в 1960 году в вооруженных силах США, дислоцирующихся в Японии, было снято с вооружения устаревшей военной техники и снаряжения на сумму, равную четверти годового национального дохода Японии.

Ход и исход ядерной войны в огромной степени будет зависеть от запасов материально-технических средств, созданных в мирное время.

Таковы, на наш взгляд, основные особенности современной революции в военном деле, в большей или меньшей степени присущие всем странам, в которых эта революция происходит. Но есть еще **особенности, обусловленные социально-политическим строем государств.**

Коренные преобразования военного дела в Соединенных Штатах Америки служат классовым интересам монополистической буржуазии, подготовке агрессивной ядерной войны с целью уничтожения социализма и завоевания мирового господства. В ядерном оружии американские империалисты видят главное средство достижения своих политических целей. С его помощью они рассчитывают расправиться с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Министр обороны США Макнамара в январе 1966 года прямо заявил, что планы Пентагона, которые уже реализуются, предусматривают «более значительную мощь, чем необходимо для создания гарантированного потенциала уничтожения как Советского Союза, так и коммунистического Китая»[1].

Осуществление американским империализмом коренных преобразований в военном деле, расширение в связи с этим военного производства в известной мере служит одним из средств преодоления кризисных явлений в экономике и открывает монополистам дополнительный рынок, источник обогащения. С другой стороны, реализация военных планов американского империализма неизбежно влечет за собой ограбление народных масс путем увеличения бремени прямых и косвенных налогов, ухудшение материального положения трудящихся, сокращение ассигнований на образование, науку, здравоохранение и жилищное строительство.

---

[1] «Известия», 25 января 1966 г.

В 1965 году монополии США получили 45 миллиардов долларов чистой прибыли, или в четыре раза больше, чем в среднем за год в период второй мировой войны, а 32 миллиона американцев, по признанию самого правительства США, живут в бедности.

Известно, что в настоящее время сумма налогов в США в 2 раза выше, чем в период второй мировой войны, и в 40 раз больше суммы налогов довоенного времени.

Гонка вооружений поглощает огромную часть национального дохода. Военные расходы США за 20 послевоенных лет превысили в 48 раз их военные расходы за два десятилетия перед второй мировой войной. Сейчас более трех четвертей всех расходов по федеральному бюджету США прямо или косвенно идут на военные цели.

В работе «Анти-Дюринг» Ф. Энгельс обращал внимание на то, что новое оружие влияет не только на состояние военного дела, но и на политику государства. Он указывал, что совершенствование и массовое распространение огнестрельного оружия «повлияло революционизирующим образом не только на само ведение войны, но и на политические отношения господства и порабощения»[1]. Современная действительность подтверждает правоту этих слов.

В Соединенных Штатах Америки экономическая жизнь, направление развития хозяйства, внутриполитические вопросы все больше и больше определяются зловещим военно-промышленным комплексом. Рост влияния монополий и военщины ведет к резкому усилению реакции, подавлению остатков буржуазно-демократических свобод, к военно-бюрократическим методам управления.

Революция в военном деле оказала особенно глубокое влияние на внешнюю политику американского империализма, значительно усилив ее агрессивный характер. Коренные преобразования военного дела в США служат средством подчинения американскому диктату других государств. Соединенные Штаты Америки, говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии, «хотели бы подчинить своему господству многие независимые го-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 171.

сударства, поставить плотину на пути социального прогресса человечества»[1].

Революция в военном деле в США имеет откровенно реакционный и антигуманный характер, так как, по существу, является важнейшим звеном подготовки самого страшного преступления против человечества — мировой термоядерной войны.

В противоположность миру капитализма в СССР нет антагонистических классов и социальных групп, заинтересованных в войне. Революция в военном деле навязана нам внешними причинами и осуществляется во имя обеспечения защиты завоеваний социализма от империалистической агрессии.

Социалистическая экономика позволяет нашему государству осуществить коренные преобразования военного дела более экономично, с меньшими затратами материальных, людских, финансовых, научных и сырьевых ресурсов, с меньшим ущербом для развития производительных сил.

Другая особенность современной революции в военном деле в СССР состоит в том, что она является базой для коренных преобразований военного дела в братских социалистических странах. Рост оборонной мощи СССР преследует интересы укрепления безопасности всего социалистического лагеря.

Успехи нашей страны в области создания мощной военной техники облегчают и ускоряют повышение уровня технической оснащенности армий социалистических стран.

«...Вооруженные силы народной Польши,— писал Министр национальной обороны ПНР М. Спыхальский,— опираясь на коренной перелом в вооружении Советской Армии и ее помощь, также оснащаются самой современной боевой техникой»[2]. «Без советской помощи,— отмечал Министр национальной обороны Чехословацкой Социалистической Республики генерал армии Б. Ломский, — наша армия не могла бы быть вооружена самой современной боевой техникой, не могла бы вести подготовку и воспитание войск в духе требований современного боя»[3].

---

[1] Материалы XXIII съезда КПСС, стр. 11.
[2] «Красная звезда», 15 ноября 1961 г.
[3] «Красная звезда», 9 мая 1965 г.

Специфической особенностью революционных преобразований в военном деле в нашей стране является их прогрессивный характер как с точки зрения целей, так и с точки зрения способов их осуществления. В условиях социализма революция в военном деле служит целям защиты самого передового общественного строя, помощи народам, вставшим на путь строительства новой жизни, предотвращения экспорта контрреволюции, укрепления мира.

Если бы не могущество Советского Союза, империалисты уже навязали бы человечеству новую мировую войну. Революционные завоевания нашего народа и других народов оказались бы под угрозой, если бы их прямо или косвенно не прикрывала огромная военная мощь стран социалистического содружества, и в первую очередь Советского Союза.

Опираясь на могущество своих Вооруженных Сил, Советское государство решительно ведет борьбу за мир, за социальный прогресс. Военно-технические достижения СССР, советское ядерное оружие являются важным фактором мира. «Рост оборонного могущества Советского Союза,— говорится в Директивах XXIII съезда партии по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы,— необходимое условие защиты мира и безопасности народов» [1].

Рассмотрение источников, сущности, содержания и особенностей современной революции в военном деле показывает, что она представляет собой скачок от машинного периода войны — войны моторов — к ракетно-ядерной войне, войне научно-технического типа.

---

[1] Материалы XXIII съезда КПСС, стр. 233.

Глава IV

ВОЕННАЯ ДОКТРИНА И ВОЕННАЯ НАУКА

1. Основные положения советской военной доктрины

Понятие «военная доктрина» имеет большое методологическое значение для военной теории и практики. Вот почему необходимо хотя бы кратко остановиться на основных положениях советской военной доктрины, ее отличии от военных доктрин империализма.

Под военной доктриной Советского государства понимается система научно обоснованных взглядов на характер и особенности будущей войны, способы ее ведения, пути военного строительства, в соответствии с которыми осуществляется подготовка страны и Вооруженных Сил к отражению империалистической агрессии.

Военная доктрина разрабатывается политическим и военным руководством государства. Она отражает социально-экономические, политические, исторические, географические и иные особенности страны, характер ее внутренней и внешней политики. Военная доктрина имеет классовую природу.

Военная доктрина — не догма, не вечная, неизменная категория. Она изменяется с развитием государства и его вооруженных сил. Содержание доктрины, переставшее отвечать политическим целям и материально-техническим возможностям государства, обновляется или заменяется новым. Разумеется, при этом сохраняется преемственность основных положений доктрины, удерживается все ценное, положительное.

Вопрос о характере советской военной доктрины широко обсуждался в нашей армии еще в 1921—1922 годах. В итоге обсуждения на базе диалектико-материалистической методологии, ленинских принципов государственного и военного строительства была сформулирована доктрина, основные положения которой нашли свое воплощение в советских воинских уставах, наставлениях и других документах.

Великая Отечественная война явилась суровой проверкой советской военной доктрины. Война показала, что основные ее положения были правильными. Преодолев трудности начального периода войны, Советские Вооруженные Силы изменили ход вооруженной борьбы в свою пользу, разгромили сильного и коварного врага, одержали всемирно-историческую победу.

После второй мировой войны на международной арене произошли коренные изменения, сложилась мировая социалистическая система. Мощь социализма выросла не только в политическом и экономическом, но и в военном отношении. Советский Союз ныне располагает ракетно-ядерным оружием и другой новейшей военной техникой. Все это заставило пересмотреть многие положения нашей военной доктрины. Современная военная доктрина нашего государства определяет средства и способы надежной защиты Советской Родины и всего социалистического лагеря от империалистической агрессии, принципы строительства, боевой и политической подготовки Вооруженных Сил в условиях изменений, происшедших в результате революции в военном деле.

Военная доктрина всякого государства имеет две стороны: социально-политическую и военно-техническую. Обе стороны тесно связаны между собой, влияют друг на друга, при этом главной, ведущей является первая.

Социально-политическая сторона нашей военной доктрины определяет характер военных задач Советского государства, главное направление строительства Советских Вооруженных Сил. Ее основу заложил В. И. Ленин. Опираясь на ленинский анализ хищнической природы империализма, на ленинскую идею защиты социалистического Отечества, наша военная доктрина осуждает захватнические, несправедливые, реакционные войны и одобряет войны справедливые, освободительные, революционные.

Советская военная доктрина считает, что новая мировая война, если ее развяжут империалисты, будет представлять собой по своему социальному, классовому характеру вооруженное столкновение двух противоположных общественных систем — капитализма и социализма. Со стороны империалистических государств это будет несправедливая, захватническая, преступная война. Со стороны социалистического лагеря война будет справедливой, освободительной. Эта война неизбежно примет межконтинентальный размах, втянет в свою орбиту большинство стран и народов земного шара. Война будет носить исключительно ожесточенный, разрушительный и истребительный характер.

По составу сил противоборствующих сторон мировая война будет коалиционной. Такие коалиции фактически уже существуют. Для ведения войны против стран социализма империалисты сколотили НАТО, СЕАТО, СЕНТО и другие агрессивные группировки. В ответ на это социалистические страны вынуждены были принять меры для объединения своих оборонных усилий на случай агрессии. Они создали Организацию Варшавского Договора, являющуюся надежным щитом завоеваний социализма.

Страны социалистического лагеря борются за мир, против империалистической агрессии, укрепляют свою оборонную мощь. В этой борьбе каждая социалистическая страна вносит свой вклад в общее дело обеспечения безопасности социалистического лагеря. Решающая роль принадлежит Советскому Союзу. Располагая огромной экономической и военной мощью, ракетно-ядерным оружием, СССР является могучим заслоном на пути империалистической агрессии. Известно, что не один раз в самые критические моменты, когда воинственные круги империализма ставили мир на грань войны, Советский Союз использовал свой международный авторитет, свое могущество, чтобы остановить руку агрессора, занесенную над малой или большой страной, далекой или близкой от него.

Придавая особое значение подготовке страны и Вооруженных Сил к мировой войне, которую готовят монополистические круги, наша военная доктрина считается с возможностью развязывания империалистическими агрессорами и ограниченных, локальных войн.

Советская военная доктрина учитывает, что современные войны ведутся народами. Ход и исход современной войны зависит в конечном счете от отношения к ней народных масс. Победа в такой войне достигается гигантским напряжением усилий фронта и тыла, вооруженных сил и всего народа.

Военно-техническая сторона нашей доктрины сосредоточивает свое внимание на особенностях ракетно-ядерной войны, способах ее ведения. Наша доктрина считает, что решающую роль в такой войне будут играть Ракетные войска стратегического назначения. Они будут наносить ядерные удары по наиболее важным целям и объектам противника на его территории. Массированные ядерные удары могут в значительной мере предопределить весь ход и исход войны. Одновременно с ракетно-ядерными ударами или вслед за ними будут развивать свои действия на суше, на море и в воздухе другие виды Вооруженных Сил и рода войск.

Следовательно, наша военная доктрина исходит из того, что успех в современной войне достигается не каким-либо одним средством или видом Вооруженных Сил, а объединенными усилиями всех видов Вооруженных Сил и родов войск при решающей роли Ракетных войск стратегического назначения.

Учитывая, что ракетно-ядерное оружие обладает огромной мощью, в считанные дни и даже часы может стереть с лица земли целые страны, наша доктрина рассматривает ядерную войну как скоротечную. В то же время она допускает, что при определенных условиях война может принять затяжной характер.

Что касается способов развязывания войны империалистами, то советская военная доктрина считает наиболее вероятным внезапное нападение агрессора без объявления войны. Именно на это делают основную ставку империалисты. Не исключено, что война может начаться и путем постепенного перерастания ограниченного конфликта в мировой. Но как бы ни началась война, первые ракетно-ядерные удары могут оказаться решающими. Отсюда вытекает и главная задача Советских Вооруженных Сил — быть в постоянной боевой готовности.

Наша военная доктрина учит, что в ядерной войне иными, чем в прошлых войнах, будут способы боевых действий. Ракетно-ядерное оружие изменило соотношение

тактических, оперативных и стратегических актов вооруженной борьбы. Если в прошлом стратегический результат складывался из суммы тактических и оперативных успехов, а стратегия только с помощью оперативного искусства и тактики могла реализовать свои замыслы, то теперь стратегия может непосредственно достигать своих целей. Роль оперативного искусства и тактики изменилась. В ходе операции (боя) войска будут в основном завершать окончательный разгром врага, достигнутый ударами ракетно-ядерных средств стратегического назначения.

Советская военная доктрина всегда считала наступление основным средством полного разгрома противника и завоевания победы, а оборону рассматривала как вынужденную форму борьбы, применяемую тогда, когда наступление невозможно или невыгодно. В условиях ядерной войны роль активных наступательных действий еще больше возрастает. Сфера применения обороны сужается. К ней, видимо, будут прибегать только в исключительных случаях, да и то лишь в тактическом или ограниченном оперативном масштабе.

В ядерной войне границы между фронтом и тылом все более стираются. Боевые действия могут развернуться одновременно на фронте и в глубоком тылу. По объектам тыла могут быть нанесены ракетно-ядерные удары. В тылу могут быть высажены воздушные десанты. Все это предъявляет особые требования к гражданской обороне, призванной обеспечить защиту населения от ракетно-ядерных ударов врага, ликвидировать последствия ядерного нападения, способствовать бесперебойной работе предприятий, органов управления и снабжения.

Придавая огромное значение ракетно-ядерному оружию и новейшей боевой технике, советская военная доктрина не допускает их абсолютизации. Она рассматривает человека и технику в диалектической взаимосвязи, первое место в завоевании победы отводит человеку. Могущество наших Вооруженных Сил — в первоклассной боевой технике и в замечательных воинах, беззаветно преданных своему народу, социалистической Родине, делу коммунизма.

Советская военная доктрина — это доктрина социалистического государства. Она коренным образом отличается от военных доктрин империалистических держав.

Философско-методологическую основу нашей военной доктрины составляет диалектический и исторический материализм вообще, марксистско-ленинское учение о войне и армии в частности. Методологической основой буржуазных военных доктрин является идеализм и метафизика.

Советская военная доктрина выполняет в высшей степени прогрессивную роль. Она служит делу защиты самого передового общественного строя — социализма и коммунизма. Военные доктрины капиталистических государств носят крайне реакционный характер, служат интересам империалистических агрессоров, защите эксплуататорского строя.

Наша военная доктрина пронизана духом гуманизма. Она отвергает человеконенавистнические средства и способы вооруженной борьбы. Империалистические военные доктрины, напротив, оправдывают любые средства и способы достижения агрессивных целей. Яркое тому подтверждение — доктрина «гибкого реагирования» американского империализма, насаждающая вероломство и разбой в международных отношениях. Ее каннибальский облик особенно наглядно проявляется в действиях американских войск и их пособников во Вьетнаме. Попирая элементарные нормы международного права, американская военщина использует самые жестокие, бесчеловечные средства, ни в чем не уступая гитлеровцам.

Советская военная доктрина трезво и объективно оценивает вероятного противника, рассматривает факторы вооруженной борьбы в их взаимосвязи. Военные доктрины буржуазных государств часто страдают авантюризмом, абсолютизацией одного какого-либо вида вооруженных сил или рода войск, какой-либо одной формы борьбы.

Наша военная доктрина придает деятельности военных кадров целеустремленный характер, обеспечивает единство взглядов и практических усилий по дальнейшему повышению военной мощи Советского государства и его Вооруженных Сил.

2. Взаимосвязь военной доктрины и военной науки

Выяснение взаимосвязи военной доктрины и военной науки представляет собой теоретико-методологическую проблему, которая имеет большое научное и практическое

значение. Неправильное понимание такой взаимосвязи может отрицательно сказаться на развитии военного дела.

Советская военная наука раскрывает закономерности вооруженной борьбы и всего военного дела. На основе познания этих закономерностей она дает рекомендации по вопросам военного строительства, выработки наиболее совершенных способов ведения войны.

Советская военная доктрина и советская военная наука имеют единый материальный фундамент — социалистический способ производства, единую социально-политическую базу — советский общественный и государственный строй, одну и ту же философско-методологическую основу — диалектический и исторический материализм, общие задачи и цели — обеспечение обороноспособности Советской страны и всего социалистического лагеря, повышение постоянной боевой готовности Вооруженных Сил СССР и других стран социализма.

Общее между военной доктриной и военной наукой имеет место и в буржуазных государствах. Однако между военными доктринами и военными науками различных социальных систем существуют коренные, принципиальные различия, обусловленные диаметрально противоположными экономикой и политикой, мировоззренческими и методологическими основами.

Взаимосвязь между военной доктриной и военной наукой проявляется в их тесном взаимодействии. Военная доктрина формируется с помощью военной науки, базируется на ее выводах. Не случайно М. В. Фрунзе указывал в свое время на необходимость привести советскую военную доктрину в соответствие с основными положениями военной науки[1]. Чем больше военная доктрина опирается на выводы, сделанные военной наукой, тем лучше она отвечает требованиям действительности. И наоборот, чем меньше военная доктрина сообразуется с выводами военной науки, тем больше в ней элементов субъективизма, отхода от реальных условий. Такая доктрина не отражает подлинных тенденций в развитии военного дела.

Известно, что накануне первой мировой войны доктрины империалистических государств, вопреки военной

[1] См. М. В. Фрунзе. Избр. произв. Т. II. Воениздат, 1957, стр. 13.

науке и опыту предыдущих войн, недооценивали мощь огнестрельного оружия и тем самым серьезно отставали от реальной действительности. Провозгласив наступление главным способом боевых действий, они не сумели обеспечить подготовку необходимых средств и способов наступления.

Игнорирование доктриной выводов военной науки может привести к крайне отрицательным последствиям, поставить государство в тяжелое положение. В таком положении оказалась, например, Франция во второй мировой войне. Ее военная доктрина страдала односторонностью, пассивностью, оборончеством, не учитывала характер и особенности надвигавшейся войны.

Это было следствием прежде всего предательской политики правящих кругов французской буржуазии, которые пренебрегли национальными интересами своей страны и вместе с империалистами США, Англии и других стран занимались «умиротворением» фашистского агрессора, поощряли его и подталкивали к войне против Советского Союза. В результате французское государство, обладавшее достаточными экономическими и военными возможностями, оказалось не подготовленным к отражению гитлеровской агрессии и быстро потерпело поражение.

Как свидетельствует исторический опыт, к столь же гибельным последствиям приводит переоценка военными доктринами империалистических государств экономических и военных возможностей страны, толкающая политических и военных деятелей на авантюризм. По такому пути уже дважды направляли империалистическую Германию политика и военная доктрина ее правящих классов, и оба раза они приводили страну к катастрофе. Ныне по этому опасному пути идут западногерманские реваншисты. Поощряемые американскими империалистами, они пренебрегают уроками истории, закрывают глаза на реальное соотношение сил в мире, рвутся к ядерному оружию, создают в Европе опасный очаг войны.

В отличие от военных доктрин империалистических государств советская военная доктрина создавалась и развивается на прочной научной основе. Находясь в полном согласии с передовой военной наукой, наша доктрина уже в первые годы Советской власти сделала на базе обобщения прошлого боевого опыта необходимые выводы, раскрыла объективные факторы, от которых зависел

успех вооруженной борьбы. В частности, она верно определила роль новой для того времени техники — авиации и танков.

Однако в тот период советская военная доктрина не могла направлять развитие наших Вооруженных Сил в полном соответствии с научными выводами, так как реальные экономические и военные возможности государства не позволяли этого сделать. Она вынуждена была рекомендовать, например, смешанную кадрово-территориальную систему строительства армии, несмотря на то что достигнутому к тому времени уровню развития военного дела больше соответствовала кадровая армия. По мере создания материально-технической базы обороны страны наша военная доктрина ориентировала на всестороннее использование достижений науки и техники в интересах подготовки страны и Вооруженных Сил к отпору империалистической агрессии.

Таким образом, военная наука оказывает активное влияние на военную доктрину. В свою очередь доктрина не остается пассивной по отношению к военной науке и оказывает на нее воздействие. Будучи сформулированной и принятой, доктрина ставит перед военной наукой определенные задачи, облеченные в форму государственных требований, сосредоточивает ее усилия на теоретическом решении и обосновании главных проблем военного строительства, на претворении в жизнь коренных доктринальных положений и принципов.

Выводы военной науки используются в практике военного строительства не непосредственно, а опосредствованно, через военную доктрину. Одни и те же объективные факторы, вскрытые и обобщенные военной наукой, по-разному оцениваются военными доктринами различных государств, даже и однотипных по своему социальному строю. Так, накануне второй мировой войны национальные военные доктрины Германии, Франции, Англии, исходившие из одних и тех же объективных предпосылок, расходились в ряде коренных положений.

Военная наука изучает гораздо более широкий круг проблем, чем нужно для осуществления практических задач строительства вооруженных сил государства в данный период. Она рассматривает все вероятные средства и условия ведения вооруженной борьбы, в том числе и такие, которые не типичны для данной страны и не пол-

не совпадают с ее возможностями. Но выводы военной науки используются доктриной, исходя из реальных условий и возможностей страны.

Никакая современная военная наука не может игнорировать происходящую революцию в военном деле, появление ракетно-ядерного оружия и его определяющее влияние на способы и формы вооруженной борьбы. Однако для государств, которые не располагают собственным ракетно-ядерным оружием, военная доктрина вынуждена указывать пути военного строительства, отличные от тех, которыми могут идти страны, обладающие всеми современными средствами вооруженной борьбы. И разработкой этих путей занимается военная наука.

Военная наука, далее, изучает развитие военного дела во многих странах, оценивает состояние вооруженных сил и военных возможностей государств и коалиций, условия ведения вооруженной борьбы на различных театрах военных действий. Доктрина же учитывает лишь те факторы, которые оказывают влияние на строительство вооруженных сил в своей стране. Иными словами, из всего многообразия явлений и тенденций, изучаемых военной наукой, из всех ее обобщений и рекомендаций военная доктрина принимает только те, которые соответствуют политическому курсу государства, его военно-экономическим возможностям.

Как видим, у военной доктрины и военной науки много общего. Они взаимно влияют друг на друга. Но между ними имеются и различия.

Военная доктрина более стабильна по сравнению с военной наукой. Доктрина связана более или менее долгосрочными заданиями, которые по ее требованиям реализуются в промышленности, в структуре вооруженных сил, в накоплении различных резервов. Отказ от сложившихся доктринальных взглядов вызывает серьезную ломку во всем военном строительстве. Военная наука более динамична, подвижна, чем доктрина. Более того, подлинная военная наука всегда опережает доктрину в своих выводах и рекомендациях. Только консервативная военная наука, отстающая от развития военного дела, может оказаться позади военной доктрины.

Различие между военной доктриной и военной наукой состоит, далее, в том, что доктрина как единая система взглядов и установок свободна от частных воззрений и

оценок. В государстве не может быть двух военных доктрин. В военной же науке могут иметь место различные и даже противоречащие одна другой точки зрения, различные представления, гипотезы. Внутри доктрины можно, разумеется, выделить ее стратегические, оперативные и тактические установки, которые не претендуют и не могут претендовать на автономию, так как являются выражением одной и той же идеи в соответствующем масштабе.

Если основу доктрины составляет представление о войне, ведущейся преимущественно ракетно-ядерными средствами, то и в оперативном искусстве главным средством поражения рассматривается ядерное оружие. Оперативное искусство должно постоянно считаться с решающим значением для ведения операций стратегических ядерных ударов, а для боев, ведущихся в системе операций, — оперативных ядерных средств. Поэтому в рамках единой доктрины и единой стратегии, определяемой доктриной, не может существовать каких-либо независимых и отличных от общей концепции взглядов на ведение вооруженной борьбы на суше, на море или в воздухе. Все военные действия, в какой бы сфере они ни велись, осуществляются на основе единых, взаимно увязанных и соподчиненных установок общей доктрины.

Следует оговориться, что монолитность присуща только доктрине социалистического государства, проводящего политику в интересах народа. Доктрина же любого капиталистического государства испытывает на себе постоянное влияние различных групп и личностей из господствующего класса. Известно, например, какую борьбу ведет министерство обороны США с подчиненными ему министерством авиации по поводу ассигнования средств на проекты новых самолетов, а также с министерством морского флота относительно кораблей с атомными силовыми установками. За этой борьбой стоят могущественные группы монополий, заинтересованные в получении правительственных заказов на производство тех или иных видов военной продукции. Вследствие этого доктрина США подвержена сильному влиянию тех или иных монополистических групп, что еще более усиливает ее агрессивный характер.

Между военной доктриной и военной наукой существует различие, выражающееся в степени их связи с

прошлым. Военная наука тщательно изучает опыт прошлого, извлекая из него все, что имеет значение для настоящего и будущего. Доктрина же целиком обращена в будущее. Для нее важно предвидеть, с каким реальным противником придется иметь дело, какие могут возникнуть обстоятельства вооруженной борьбы по конкретным целям и задачам, средствам и силам, способам и формам. Опираясь на возможности государства, его экономическую мощь, уровень развития промышленности, научный потенциал, ресурсы, в том числе людские, доктрина указывает, какие средства надо развивать для наиболее надежного и полного разгрома противника.

Решая эту задачу, советская военная доктрина (как и советская военная наука) руководствуется известными указаниями В. И. Ленина о том, что недопустимо недооценивать противника, так же как и переоценивать его, что нельзя пренебрегать теми средствами или способами действий, которые есть или могут быть у неприятеля. Это не значит, конечно, что надо бездумно копировать все, что есть у вероятного противника. Главное — обеспечить превосходство над вероятным противником, гарантирующее уверенный и полный его разгром в случае войны.

Советская военная доктрина и военная наука, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, призваны выявлять новое в военном деле, вести его разработку в соответствии с потребностями практики, освещать путь практике, обогащать теорию достижениями практики. Такова первейшая методологическая проблема советской военной доктрины и военной науки.

Отстаивание и разработка доктриной и военной наукой нового не может не сопровождаться решительной борьбой с устаревшими воззрениями, ломкой сложившихся представлений, не соответствующих действительности. Поэтому второй методологической проблемой советской военной доктрины и военной науки, неразрывно связанной с первой, является борьба с догматизмом, преодоление косности и рутины в военном деле, решительное искоренение субъективизма и волюнтаризма.

Наконец, третьей методологической проблемой советской военной доктрины и военной науки является борьба с крайностями, со всякого рода преувеличениями, против необоснованных домыслов и прожектерства, отрыва от действительности.

Во все времена военная доктрина и военная наука строились на сочетании обобщенного опыта прошлого и теоретического прогнозирования будущего. По мере развития общества, совершенствования техники, проникновения науки во все области человеческой деятельности уменьшалось значение прошлого опыта и возрастал удельный вес научного прогнозирования. Это особенно характерно для современной эпохи в связи с появлением ракетно-ядерного оружия и других новейших средств вооруженной борьбы.

Войны прошлого необходимо изучать для отыскания присущих им общих черт, выявления закономерностей вооруженной борьбы. Очевидно, что более отдаленный опыт надо изучать в обобщенном виде, а более близкий — конкретнее. Особенно важно продолжать всестороннее изучение Великой Отечественной войны, ибо многое из опыта этой войны не утратило своего значения. Однако нельзя не считаться с теми качественными изменениями, которые произошли в сфере военного дела.

Наша военная доктрина и военная наука рассматривают развитие военной техники, военного дела, того или иного вида Вооруженных Сил, рода войск конкретно-исторически, выделяя главное звено на данном этапе, учитывая необходимость предоставлять простор для нового, передового, перспективного. Никогда военная техника не развивалась столь быстро и скачкообразно, как сейчас. Это предъявляет повышенные требования к творчеству в военном деле. Остановиться в военном деле — значит неминуемо отстать и быть битым. Вот почему важно не быть рабом старого, видеть новизну обстановки и иметь смелость и способность к подлинному творчеству.

Коммунистическая партия учит военные кадры видеть перспективы развития военного дела, смело ломать устаревшие представления о способах ведения военных действий и принципах строительства Вооруженных Сил. Партия призывает офицерские кадры, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, постоянно и глубоко изучать проблемы военной теории и практики в свете требований современной войны.

★

★

Глава V

ЗАКОНЫ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ И ПРИНЦИПЫ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

1. Объективность законов вооруженной борьбы

Война как общественно-историческое явление изучается различными науками: историей, политической экономией, психологией, военно-техническими науками. Каждая из этих наук имеет своим объектом не войну в целом, а какую-то ее часть, определенную сторону. Это и понятно, ибо война — сложное общественное явление.

Объектом познания военной науки является вооруженная борьба. Изучая эту борьбу, военная наука, разумеется, не игнорирует связей вооруженного насилия с экономикой, политикой, дипломатией и идеологией. Но она занимается этими связями лишь в той мере, в какой необходимо для лучшего познания процессов вооруженной борьбы.

Следует различать объект и предмет науки. Если объектом какой-либо науки служит определенная область действительности, то ее предмет — это то, что она в данном объекте изучает. В задачу науки входит не простое описание многообразных явлений, а выяснение причинно-следственных связей, существенных отношений, закономерностей изучаемых процессов. «Теоретическое познание, — писал В. И. Ленин, — должно дать объект в его

необходимости, в его всесторонних отношениях, в его противоречивом движении...»[1]. Исследуя массу явлений, наука производит обобщения, отсеивает все поверхностное, случайное, привходящее и выясняет законы, которым подчиняются эти явления. Предметом науки, таким образом, являются законы той области объективного мира, которую данная наука исследует. Предметом военной науки являются законы вооруженной борьбы.

Что же такое закон с точки зрения марксистско-ленинской философии?

В. И. Ленин в «Философских тетрадях» писал: «Закон есть *отношение*... Отношение *сущностей* или между сущностями»[2]. Из этого ленинского положения следует, что, во-первых, недопустимо трактовать законы идеалистически, представлять их в виде оторванных от явлений природы или общества произвольных конструкций человеческого разума. Законы имеют объективный характер, они существуют и действуют в самих явлениях независимо от воли и сознания людей. Во-вторых, нельзя смешивать законы с самими явлениями природы или общественной жизни, какими бы значительными последние ни были. Законы неотделимы от предметов, явлений, процессов действительности и в то же время не тождественны им. Законы представляют собой не факты, явления, события, а связи, отношения между ними. В-третьих, не всякое отношение, связь в процессах объективного мира есть закон. Связей и отношений в природе и общественной жизни имеется бесконечное множество. Закон есть существенное отношение.

Законы природы и общества действуют с силой объективной необходимости. Это означает, что при наличии определенных условий их действие неизбежно, неотвратимо, независимо от воли и желания людей влечет за собой строго определенный результат. Законы обладают свойствами всеобщности в той области объективного мира, в которой они действуют. Законы имеют исторический характер: они изменяют содержание и формы своего проявления в соответствии с изменением конкретно-исторических условий. Законы развития определенных процессов природы, общества и мышления возникают или пре-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 193.
[2] Там же, стр. 138.

кращают свое действие вместе с возникновением или исчезновением самих этих процессов.

Диалектический материализм учит, что в сложных явлениях природы и общественной жизни имеется множество существенных связей и отношений, множество закономерностей. А война — одно из сложнейших явлений в жизни общества. Это и дает нам основание говорить о существовании целой системы законов войны. В этой системе можно выделить несколько групп законов.

Одну группу составляют законы, выражающие зависимость общего хода и исхода войны от соотношения экономических, морально-политических и военных возможностей воюющих сторон. Это наиболее общие законы войны. В той или иной мере они являются одновременно и законами вооруженной борьбы, потому что не только определяют ход и исход войны в целом, но и оказывают опосредствованное влияние на развитие военных действий стратегического, оперативного и тактического масштабов[1].

К другой группе относятся законы, выражающие связь между характером, способами и формами вооруженной борьбы, с одной стороны, и экономикой, уровнем развития производительных сил, политикой воюющих стран — с другой. Это в равной мере как законы войны в целом, так и законы вооруженной борьбы.

Наконец, имеются такие существенные связи и отношения, которые действуют лишь на полях сражений. Это и есть, собственно, законы вооруженной борьбы. Но они относятся также и к законам войны, так как вооруженная борьба составляет специфику войны, является ее важнейшим признаком.

Для выяснения соотношения законов и принципов нет необходимости подробно останавливаться на законах войны в целом, а также рассматривать возможно большее количество законов вооруженной борьбы. Достаточно обратиться лишь к некоторым из них, прежде всего к тем, которые определяют общий характер, формы и способы боевых действий войск и лежат преимущественно в основе принципов военного искусства.

История войн свидетельствует, что вооруженная борьба в различные исторические эпохи велась по-разно-

---

[1] Подробнее об этих законах см. книгу: П. И. Трофименков. Об основных законах хода и исхода современной войны. Воениздат, 1962. — Прим. авт.

му. Это зависело от многих причин и обстоятельств. Громадную роль в изменении способов вооруженной борьбы играло оружие.

В древности, в эпоху средневековья и вплоть до XVIII столетия армии были оснащены главным образом холодным оружием. Причем метательное оружие — луки, копья, дротики, арбалеты имели вспомогательное значение. Щиты и доспехи были довольно надежным средством защиты воина от поражения на расстоянии. Сражения хотя и начинались с применения метательного оружия, но в дальнейшем принимали характер рукопашной схватки. Это обусловливалось боевыми свойствами холодного оружия, которым можно было нанести решительное поражение противнику только в ближнем, рукопашном бою. Рукопашный бой на протяжении веков был наиболее характерным явлением вооруженной борьбы.

Изобретение огнестрельного оружия, его усовершенствование и массовое распространение произвели подлинную революцию в военном деле, вызвали новые способы и формы вооруженной борьбы. Появилась возможность поражать противника на значительном расстоянии. Рукопашный бой стал эпизодическим явлением и потерял свое прежнее значение. Решающую роль приобрел огневой бой, который и превратился в одну из новых закономерностей вооруженной борьбы.

В процессе развития огнестрельного оружия происходило интенсивное соревнование между наступательными и оборонительными средствами. Временами преимущество получало то первое, то второе. Соответственно этому изменялись и способы вооруженной борьбы. Совершенствование средств нападения порождало маневренные способы борьбы. Изобретение нового оборонительного вооружения вело к преобладанию позиционных форм боевых действий войск.

Известно, что первая мировая война на завершающем этапе приобрела позиционный характер. Одна из причин этого — оснащение войск пулеметами. Конечно, массированным применением артиллерии можно было прорвать оборону противника, но расширить прорыв и развить успех было трудно. Конница для этого уже не годилась, а других родов войск, способных к маневренным действиям в глубине обороны противника, еще не существовало.

В конце первой мировой войны появились танки и авиация. Бурное развитие этих родов войск в период между первой и второй мировыми войнами, наряду с другими причинами, привело к тому, что вторая мировая война приобрела ярко выраженный маневренный характер.

Изобретение ракетно-ядерного оружия и дальнейшее совершенствование обычного вооружения вызвали революцию в военном деле. Не подлежит сомнению, что в ядерной войне получат широкое распространение принципиально новые формы и способы вооруженной борьбы, возникнут новые закономерности, предвидение которых составляет задачу советской военной науки.

Следует иметь в виду, что на ход вооруженной борьбы оказывают влияние и другие обстоятельства. Большую роль играют характер политических противоречий, разрешаемых в войне, социально-экономические и географические особенности театра военных действий. Но все это не опровергает того бесспорного факта, что способы и формы вооруженной борьбы в решающей степени зависят от свойств вооружения.

Между свойствами оружия, боевой техники и способами, формами вооруженной борьбы имеется самая тесная связь, существенное отношение. Изменение оружия с неотвратимостью, нередко вопреки воле и желаниям людей, вызывает изменения в способах и формах боевых действий войск. В этом выражается действие одного из важнейших законов вооруженной борьбы.

Люди давно, в первое время еще стихийно, замечали проявление этого закона и опирались на него. В последующем, будучи отраженным в сознании военачальников и сформулированным в виде определенного положения, он стал достоянием военной теории — законом военной науки. Основное содержание этого закона состоит в том, что способы и формы вооруженной борьбы определяются прежде всего свойствами оружия и боевой техники.

Способы боевых действий, несомненно, играют значительную роль в ходе сражения. Но все же не они являются первопричиной победы или поражения в бою. На ход вооруженной борьбы оказывает влияние ряд объективных законов и факторов.

Следует заметить, что не существует какого-либо «закона победы», который всецело определял бы исход боя

или операции. Но это не исключает и того, что среди различного рода связей и отношений в вооруженной борьбе существуют такие, которые непосредственно влияют на развитие всякого сражения.

Опыт войн различных исторических эпох неопровержимо доказывает, что глубокой основой течения боя и его конечного результата всегда является соотношение материальных и моральных сил войск противоборствующих сторон. Материальные и моральные силы войск, конечно, различаются между собой. Материальные силы — это оружие, боевая техника, боеприпасы и т. д. Моральные силы войск — это политико-моральное состояние личного состава, морально-боевые качества солдат и офицеров.

В бою происходит соизмерение как материальных, так и духовных сил. Поэтому нельзя недооценивать ни первые, ни вторые. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал величайшее значение как вооружения армии, так и высокого морального духа ее воинов для достижения победы над врагом. Он указывал, что самая лучшая армия будет немедленно истреблена противником, если она не будет в достаточной степени вооружена, оснащена, обучена. В то же время В. И. Ленин обращал внимание на то, что для победы в войне громадное значение имеет высокий моральный дух воинов. Моральное превосходство войск создает реальные предпосылки для достижения победы именно потому, что оно обеспечивает более эффективное использование оружия и боевой техники. Убеждение в правоте своего дела порождает мужество, стойкость, инициативу солдат и офицеров. Моральное превосходство через действия воинов превращается в превосходство материальное, в превосходство в боевой мощи.

Если потенциальную силу, которой обладает то или иное подразделение, часть, соединение, объединение, определить понятием «боевая мощь войск», то можно сказать, что в вооруженной борьбе имеется простая и вместе с тем чрезвычайно существенная **зависимость развития боя, операции от соотношения боевой мощи войск противоборствующих сторон.** Проявляется эта зависимость в том, что ход боя складывается в соответствии с соотношением сил тех войск, которые принимают в нем непосредственное участие. Эту закономерность нетрудно выявить в каждом бою, в любой операции. Продемонстрируем ее лишь на одном примере периода Великой Отечественной войны.

5 июля 1943 года в 5 часов 30 минут немецко-фашистские войска перешли в наступление на правом крыле Центрального фронта против наших 13-й и 70-й армий. Основной удар наносился в направлении на Малоархангельск. Благодаря значительному превосходству в силах противнику удалось вклиниться в нашу оборону. Советские воины оказали упорное сопротивление. Они уничтожили огромное количество живой силы и техники врага. В результате этого соотношение сил уравновесилось, наступление противника сначала замедлилось и наконец приостановилось. Затем контрударами наших войск первоначальное положение было восстановлено.

Гитлеровцы произвели перегруппировку и силами до пяти пехотных и трех танковых дивизий при поддержке авиации в 7 часов 30 минут начали наступление на ольховатском направлении. Перевес в боевой мощи войск снова стал на стороне противника. Под давлением превосходящих сил, отбивая ожесточенные атаки вражеских танков, части 81-й и 15-й стрелковых дивизий 13-й армии стали медленно отходить. Одновременно противник нанес сильный удар по 132-й и 280-й стрелковым дивизиям на правом фланге 70-й армии. При сложившемся соотношении сил ход сражения снова принял невыгодное для наших войск развитие. Тогда командующий фронтом перебросил на ольховатское направление свыше 200 истребителей и около 150 бомбардировщиков, 2 истребительные противотанковые, гаубичную и минометную бригады, а из второго эшелона 13-й армии выдвинулась 74-я стрелковая дивизия. В результате соотношение сил резко изменилось в нашу пользу. Сразу же изменился в нашу пользу и ход вооруженной борьбы.

Вот эта простая зависимость развития боя, операции от соотношения сил противоборствующих сторон и есть один из законов вооруженной борьбы. Существо его заключается в том, что всякий бой или операция в каждый отдельный момент своего развития складывается в пользу той из противоборствующих сторон, войска которой обладают большей боевой мощью по сравнению с противником.

Действие этого закона лежит в основе множества явлений вооруженной борьбы. Перегруппировки войск, их сосредоточение или рассредоточение, внезапность начала боевых действий, массированное применение того или ино-

го вида оружия в значительной мере объясняются стремлением командиров обеспечить превосходство боевой мощи своих войск над войсками противника. Само же это стремление представляет собой стихийное или осознанное отражение и признание рассмотренного выше закона вооруженной борьбы.

Закон этот объективен. От военачальников, конечно, зависит перегруппировка войск, они могут проявить мастерство в искусном противопоставлении врагу подавляющего перевеса сил там, где он не ожидает. Не исключена и такая возможность, когда при общем соотношении сил в пользу противника командир, маневрируя своими войсками и противопоставляя врагу на отдельных участках превосходящую боевую мощь своих сил, может добиться победы в бою. Но все это уже касается использования действия данного закона в ходе вооруженной борьбы. Само же течение боя определяется соотношением сил сражающихся войск.

Данный закон сохранит свое значение и в войне с применением ракетно-ядерного оружия. Ведь ракеты с ядерными боеголовками чрезвычайно повышают боевую мощь войск, а маневр траекториями ракет дает возможность во многих случаях противопоставить врагу превосходящую боевую мощь своих войск без их предварительной перегруппировки. Разумеется, при этом нельзя забывать и о возросшей роли морального фактора в эффективном использовании новейшей военной техники.

В вооруженной борьбе ни один закон не действует изолированно от других законов. Правда, нередко действие какого-либо одного закона приобретает преобладающее влияние. В этой связи заслуживает специального рассмотрения вопрос об основном законе войны, который является также и основным законом вооруженной борьбы.

Понятие основного закона несколько отличается от обычной категории закона. Классики марксизма-ленинизма употребляли это понятие. К. Маркс, например, считал производство прибавочной стоимости посредством эксплуатации рабочих «абсолютным законом» капиталистического способа производства. Как видим, здесь в качестве абсолютного, основополагающего по отношению к другим понимается такой закон, который самым непосредственным образом связан с сущностью буржуазной общественно-экономической формации.

В. И. Ленин в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» сформулировал основной закон социальной революции: «...Революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса»[1]. Этот кризис выражается в том, что не только «низы» не хотят старого, но и «верхи» не в состоянии управлять по-старому, прежними методами. Общенациональный кризис создает реальную возможность социальной революции, главным вопросом которой является вопрос о власти, о переходе ее из рук одного класса в руки другого.

Следуя методологии классиков марксизма-ленинизма, можно сказать, что основной закон — это такой закон, который ближе других стоит к сущности того или иного явления природы и общества, выражает ее прямо и непосредственно. Основной закон есть наиболее глубинное отношение в самой сущности или между ее противоположными сторонами. Поэтому другие законы данного процесса в той или иной мере подчинены основному закону, выступают по отношению к нему в качестве производных. Отсюда, разумеется, не следует, что каждое явление природы и общественной жизни непременно имеет свой основной закон. Но большие, сложные, обладающие известной самостоятельностью области природы и общества подчинены таким законам, которые играют роль основных.

Методологически правильно предположить существование и основного закона войны, выражающего связи и отношения таких сторон, которые образуют сущность войны. Этими сторонами являются ее политическое содержание и вооруженное насилие.

Действительно, история войн неоспоримо доказывает, что между политическим содержанием и вооруженным насилием в любой войне имеется глубокая существенная связь. Эта связь такого порядка, что первичным и определяющим выступает политическое содержание войны как совокупность политических интересов каждой из борющихся сторон. Производным и подчиненным политическому содержанию орудием политики в условиях войны является вооруженное насилие, вооруженная борьба как совокупность боевых действий войск противоборствующих

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 70.

сторон. Эта существенная взаимосвязь политического содержания и вооруженного насилия и есть основной закон войны. Суть его выражается в том, что политическое содержание войны оказывает решающее влияние на общий характер вооруженной борьбы, на применение различных видов вооружения, на способы и формы боевых действий войск. Иными словами, **политическое содержание войны определяет характер вооруженного насилия в ней.**

Вся военная история подтверждает наличие и действие этого закона. Минувшие войны имели различное политическое содержание, и в соответствии с этим по-разному складывался характер вооруженной борьбы. В тех войнах, которые возникали из-за несущественных, второстепенных политических противоречий, вооруженная борьба обычно велась вяло, без крупных сражений. Примером таких войн могут служить многие династические междоусобные войны эпохи средневековья.

В войнах же, которые велись во имя крайних политических целей, вооруженная борьба приобретала исключительно ожесточенный характер. К таким войнам относятся в первую очередь гражданские войны, войны между государствами с различным общественно-политическим строем, а также войны между эксплуататорскими государствами, вызванные непримиримыми противоречиями.

Отмечая зависимость характера вооруженной борьбы от остроты политических противоречий, разрешаемых в войне, В. И. Ленин писал: «Война кажется тем «военнее», чем она глубже политическая; — тем «политичнее», чем она *менее* глубоко политическая» [1].

Отношение между политическим содержанием и вооруженным насилием в войне лежит в основе всех других связей и отношений как войны в целом, так и вооруженной борьбы. Поэтому основной закон войны пронизывает действие всех других законов. Так, видимо, будет и в условиях новой мировой войны, если ее развяжут империалисты.

Еще до начала военных действий политике принадлежит решающая роль в деле использования ракетно-ядерного оружия. Примет ли война характер неограниченной термоядерной, или она охватит лишь некоторые районы с применением оружия ограниченной мощности — это в

---

[1] Ленинский сборник XII, стр. 397.

значительной мере будет предопределяться расстановкой классовых и политических сил на международной арене. Если в будущей войне ракетно-ядерное оружие будет применяться неограниченно, то закон зависимости хода вооруженной борьбы от соотношения боевой мощи войск противоборствующих сторон и закон зависимости способов и форм боевых действий войск от свойств вооружения проявят свое действие главным образом в том, что выдвинутся формы и способы вооруженной борьбы, непосредственно связанные с использованием ядерного оружия. Применение обычных средств вооружения будет целиком подчинено, особенно в начальный период войны, использованию результатов ядерных ударов.

В том случае, если использование ядерного оружия будет ограничено (по количеству и мощности ядерных ударов, а также определенными районами земного шара), то действие указанных законов вооруженной борьбы примет несколько иное направление. Большую роль будут играть обычные рода войск и виды вооруженных сил и соответствующие способы и формы вооруженной борьбы.

Таким образом, содержание и характер действия других законов вооруженной борьбы могут быть правильно поняты и достоверно изучены лишь при том условии, если их исследование и практическое использование будут опираться на основной закон войны. Но основной закон не умаляет роли других законов войны. Более того, в отдельных боях и операциях, в силу тех или иных обстоятельств, действие какого-либо закона может приобрести решающее значение, несмотря на то что оно развивается на фоне основного закона войны.

Объективные законы вооруженной борьбы в той или иной мере всегда находили свое отражение в сознании людей. Различные моменты, стороны их действия, проявления познавались военачальниками и отображались в военной науке в виде представлений о причинной обусловленности и определенной закономерности хода и исхода боевых действий.

Представители буржуазной военной науки в известной степени исследуют действие законов вооруженной борьбы, а офицеры и генералы капиталистических армий во время войны стихийно или в какой-то мере осознанно опираются на эти законы, используют их. Но теоретическое решение проблемы закономерности процессов вооруженной

борьбы буржуазная военная наука не может дать в силу классовой ограниченности и порочности методологической основы. Буржуазная военная наука страдает эмпиризмом и дальше разработки системы принципов и правил военного искусства не идет. Лишь отдельные буржуазные военные теоретики высказывали догадки о наличии объективных законов вооруженной борьбы.

В советской военной науке, напротив, проблема закономерности процессов вооруженной борьбы в принципе решена. Наша военная наука продолжает дальнейшее исследование объективных законов вооруженной борьбы. В последние годы на страницах военной печати активно обсуждается их конкретное содержание.

Законы военной науки представляют собой более или менее точное отражение законов вооруженной борьбы. Чем точнее и полнее это отражение, тем выше роль науки в решении практических задач. Конечно, различие между объективными законами вооруженной борьбы и законами военной науки, как между отражаемым и отраженным, всегда сохранится. «Порядок, цель, закон, — писал В. И. Ленин, — суть не более, как слова, которыми человек переводит дела природы на *свой* язык, чтобы понять их; эти слова не лишены смысла, не лишены объективного содержания... но тем не менее необходимо отличать оригинал от перевода» [1].

Ни одна формулировка закона военной науки не может отразить все содержание объективного закона вооруженной борьбы, от его глубокой сущности до различных форм проявления. В законе военной науки отражена его сущность. Но отсюда вовсе не следует, что познание законов вооруженной борьбы можно свести лишь к определению их сущности, к их формулировке. Задача военной науки состоит в том, чтобы выяснить содержание законов вооруженной борьбы, характер их действия, формы проявления в конкретно-исторических условиях той или иной войны, определить возможные пути и способы наиболее эффективного использования законов в практической деятельности командиров и военачальников.

Под познанием законов вооруженной борьбы следует понимать изучение военных действий как закономерно обусловленного процесса борьбы вооруженных сил воюю-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 158.

ющих сторон. Результаты этого познания находят свое выражение не только в формулировании законов военной науки, но и в определении закономерностей и факторов войны, в разработке принципов военного искусства.

2. Принципы военного искусства и их соотношение с законами вооруженной борьбы

Как категория закона имеет огромное методологическое значение для познания законов вооруженной борьбы, так и понятие принципа играет роль отправного момента в выяснении природы принципов военного искусства[1].

Термин «принцип» (от лат. — principium) означает первоначальный, исходный пункт познания каких-либо процессов природы и вместе с тем основополагающее правило деятельности людей. В настоящее время категория принципа употребляется чаще всего применительно к общественной жизни, к осознанной деятельности людей. Под принципами подразумеваются самые основные и потому имеющие решающее значение идеи, которыми люди руководствуются.

В истолковании происхождения и сущности принципов всегда боролись две противоположные точки зрения — материалистическая и идеалистическая. Идеалисты рассматривают принципы либо как априорные (независимые от опыта) формы человеческого разума и соответствующей им деятельности людей, либо как идеи, имеющие сверхъестественное, божественное происхождение. И в том и в другом случае отвергается объективная материальная основа принципов.

Материалисты, наоборот, считают, что принципы, будучи идеями, тем не менее имеют объективное основание, представляют собой результат отображения в сознании людей тех реальных условий, в которых они живут и действуют. Ф. Энгельс писал: «...Принципы — не исходный пункт исследования, а его заключительный результат; эти принципы не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа

---

[1] В нашей литературе иногда принципы военного искусства именуются принципами военной науки. Это допустимо, поскольку теория военного искусства является составной частью военной науки. Но термин «принципы военного искусства» точнее выражает их специфику. — Прим. авт.

и человечество сообразуются с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории»[1].

С точки зрения диалектического материализма **принципы военного искусства — это основополагающие руководящие идеи, важнейшие рекомендации о способах и формах боевых действий войск в целях достижения победы над врагом.** Это не произвольные конструкции ума военных теоретиков, а преобразованное в их сознании отображение объективных условий и возможностей вооруженной борьбы, действия ее законов.

Как же возникли принципы военного искусства?

Еще в глубокой древности люди замечали, что в разных войнах нередко складывалась сходная обстановка и если в этой обстановке военачальник принимал решение, которое в прошлых войнах приводило к успеху, то и он одерживал победу. И наоборот, если в типичной боевой обстановке повторялись такие решения и действия, которые когда-то уже приводили к неудачам, то войска терпели поражение. Боевая практика много раз подтверждала неотвратимость подобных результатов. На этой основе у военачальников стихийно складывались представления о зависимости их решений и боевых действий войск от внешних по отношению к ним условий вооруженной борьбы, о возможности и необходимости следовать положительным примерам своих предшественников. Эти взгляды были первым, еще весьма смутным признанием объективной обусловленности процессов вооруженной борьбы. Они порождали убеждение в возможности выведения некоторых общих правил, рекомендаций относительно способов и форм боевых действий войск.

В 371 году до нашей эры фиванский полководец Эпаминонд в битве при Левктрах впервые осуществил неравномерное распределение войск по фронту и в глубину в целях сосредоточения сил на главном направлении. Так родился знаменитый «принцип Эпаминонда», сохраняющий свое значение и до сих пор.

В эпоху наполеоновских войн, например, возникли такие принципы военного искусства, как «Держать свои силы сосредоточенно», «На одном театре военных действий иметь лишь одну армию», «Действовать на внутренних

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 34.

коммуникационных линиях». В австро-прусской войне 1866 года были применены новые способы и формы вооруженной борьбы и был сформулирован новый принцип военного искусства: «Идти врозь, драться вместе».

Вырабатывая правила и нормы боевой деятельности войск, известные теперь как принципы военного искусства, военачальники прошлого исходили из самых непосредственных потребностей практики. Они не занимались глубоким научным исследованием военных действий и фактически прошли мимо объективных законов вооруженной борьбы.

Однако в последующем усложнение боевой практики войск вызвало потребность познания обстоятельств, порождающих принципы военного искусства. Надо было выяснить природу этих принципов, решить вопрос о том, имеют ли они объективное основание, и если имеют, то в чем оно состоит. Шаг за шагом военная теория подходила к идее о том, что объективной основой принципов военного искусства является действие определенных законов вооруженной борьбы. Советская военная наука признает эту идею истинной и последовательно изучает диалектику взаимоотношения принципов и законов.

В самом деле, при первом же рассмотрении сущности уже упоминавшихся принципов эпохи наполеоновских войн и австро-прусской войны оказывается, что эти принципы имеют своей объективной основой действие закона зависимости хода и исхода боя, сражения, операции от соотношения боевой мощи вооруженных сил противоборствующих сторон. Как видим, здесь из действия одного закона вооруженной борьбы вытекает несколько принципов военного искусства.

Некоторые принципы, наоборот, имеют своей объективной основой действие ряда законов вооруженной борьбы. Таков, например, принцип взаимодействия. По своему содержанию он представляет весьма общую рекомендацию всем командирам и штабам организовывать и осуществлять согласованные по месту, времени и цели действия подразделений, частей, соединений, различных родов войск и видов вооруженных сил. Такая широкая рекомендация может быть дана, лишь исходя из совокупного действия нескольких законов вооруженной борьбы: закона зависимости хода и исхода сражений от соотношения боевой мощи вооруженных сил воюющих сторон, закона за-

висимости характера вооруженной борьбы, способов ее ведения от свойств оружия и боевой техники, законов боевых действий различных родов войск и видов вооруженных сил. Взаимодействие этих законов и составляет объективную основу данного принципа.

Иногда из действия какого-либо закона вооруженной борьбы непосредственно выводится конкретный принцип военного искусства. В таком случае объективное содержание принципа и его формулировка наиболее близки к сущности этого закона.

История военного искусства знает немало примеров того, как, располагая небольшим преимуществом, равными или даже меньшими силами, полководцы одерживали блестящие победы. И достигали они этого тем, что сосредоточивали превосходящие силы не на всем фронте борьбы, а лишь на узком его участке, на направлении главного удара. Они исходили из того реального факта, что боевая мощь любого подразделения, части, соединения, объединения существенным образом зависит от целостности боевого порядка или оперативного построения войск.

Боевой порядок, оперативное построение войск — это форма организации подразделения, части, соединения для ведения вооруженной борьбы. Разрушение этой формы, нарушение ее целостности сразу сказывается на боевой мощи войск: стройный боевой организм превращается в неорганизованную массу людей. Чтобы нарушить боевой порядок или оперативное построение противника, оказывается, не обязательно обладать превосходством сил везде, достаточно создать подавляющий перевес в каком-либо одном месте, на решающем направлении.

Многовековая практика вооруженной борьбы тысячами сражений подтвердила наличие данного существенного отношения в вооруженной борьбе. Этот закон и представляет собой объективную основу принципа неравномерного распределения войск по фронту и в глубину для сосредоточения превосходящих сил на направлении главного удара.

Сущность закона зависимости хода и исхода боя, сражения, операции от сосредоточения усилий на решающем направлении и объективное содержание принципа сосредоточения войск на направлении главного удара весьма близки. В логической форме, то есть в формули-

ровках, закон и принцип представляются почти тождественными. Это одна из причин того, что нередко данный закон и соответствующий ему принцип неправомерно отождествляются. Более того, иногда по аналогии с этим частным случаем принципы военного искусства вообще смешивают с объективными законами вооруженной борьбы, что уже является грубой ошибкой со всеми вытекающими из нее последствиями.

Между законами вооруженной борьбы и принципами военного искусства имеется различие. Если законы представляют собой важнейшие связи и отношения, существующие независимо от воли и сознания людей, в самих явлениях, процессах вооруженной борьбы, то принципы — это идеи, всегда остающиеся в сфере сознания. Сущность принципов не меняется от того, что ими руководствуются командиры, управляя боевыми действиями войск, принимая решения, отдавая приказы и распоряжения. Не становятся принципы материальными и тогда, когда в соответствии с решением военачальника войска осуществляют рассредоточение или сосредоточение, занимают оборону или переходят в наступление, передвигаются в походном построении или развертываются в боевые порядки. Это объективные в своей основе процессы вооруженной борьбы, а не «материализованные» принципы военного искусства.

На войне люди исходят в своей деятельности из принципов военного искусства. Но никогда принципы не покидают сферу их сознания. Принципы военного искусства, овладевшие умами солдат, офицеров и генералов, становятся материальной силой лишь в том смысле, что они выступают в роли движущих факторов вооруженной борьбы.

Законы военной науки — это понятия, отражающие действительность, существенные связи и отношения в явлениях вооруженной борьбы. Принципы военного искусства — это идеи, представляющие собой более высокую, чем понятия, ступень отражения окружающего мира в сознании человека. В. И. Ленин отмечал, что идея по сравнению с понятием является высшей ступенью, ибо она выражает единство понятия и реальности [1].

---

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 151.

Если законы военной науки лишь констатируют наличие существенных связей в явлениях вооруженной борьбы, то принципы военного искусства содержат не только отражение объективного действия законов вооруженной борьбы, но и результат активной творческой деятельности человеческого разума, вывод, как следует поступать, чтобы добиться успеха. Поэтому усвоение важнейших принципов, а также многочисленных частных правил боевых действий войск, изложенных в уставах и наставлениях, имеет громадное практическое значение.

Многие буржуазные военные теоретики игнорируют диалектическую взаимосвязь между законами вооруженной борьбы и принципами военного искусства, не видят зависимости принципов от исторического развития условий ведения войны и потому считают принципы военного искусства вечными и неизменными. Принципы военного искусства они выводят из сферы чистого разума, рассматривают их как продукт творческого гения полководцев.

Официальные военные доктрины крупнейших капиталистических держав также фактически придерживаются концепции неизменности принципов военного искусства. Американская военная доктрина, например, признает неизменными следующие девять принципов военного искусства: цели и задачи, наступление, массирование, экономия сил, маневр, единство командования, боевое обеспечение войск, внезапность, планы.

Даже оснащение вооруженных сил ракетно-ядерным оружием, по мнению некоторых буржуазных теоретиков, нисколько не влияет на принципы военного искусства. Так, английский военный теоретик И. Хеймонт пишет: «На протяжении всей истории оружие и способы его использования претерпевали изменения, однако основные принципы ведения войны оставались прежними. Даже появление ядерного оружия, радио- и радиотехнических средств не повлияло на проверенные временем принципы войны, а лишь изменило сравнительное значение каждого из них» [1].

Подобные взгляды свидетельствуют об ограниченности буржуазных военных теоретиков, метафизичности их подхода к принципам военного искусства. Но в последние

---

[1] Ирвинг Хеймонт. Тактическая разведка в современной войне. Перевод с английского. Воениздат, 1963, стр. 12.

годы в буржуазной военной печати все чаще и настойчивее стали раздаваться голоса о несостоятельности предвзятых мнений относительно вечности и неизменности принципов военного искусства, о необходимости иного подхода к этому вопросу.

Об ограниченности буржуазной военной науки говорит и то, что законы вооруженной борьбы и принципы военного искусства ею не всегда различаются. Проблема различия и взаимосвязи законов вооруженной борьбы и принципов военного искусства в буржуазной военной науке по-настоящему не поставлена.

Советская военная наука считает, что принципы военного искусства изменяются с изменением условий боевых действий войск и проявления законов вооруженной борьбы. Понять эти принципы, уловить в их содержании старое и новое можно только в том случае, если рассматривать принципы в неразрывной связи с породившими их условиями и законами вооруженной борьбы.

В самом деле, история войн свидетельствует, что по мере развития и обострения классовой борьбы, перерастающей нередко в вооруженные восстания и гражданские войны, по мере расширения и усложнения политических отношений между государствами, в процессе совершенствования оружия и боевой техники изменялись объективные условия и законы вооруженной борьбы. На основе этого изменялось и объективное содержание принципов военного искусства.

Особый интерес представляет вопрос о том, сохранятся ли общепризнанные принципы военного искусства в войне с применением ракетно-ядерного оружия.

Как уже отмечалось, в ядерной войне останется в силе действие ряда законов вооруженной борьбы. Вместе с тем проявление этих законов будет иметь большие особенности. Это и вызовет к жизни новые принципы военного искусства или существенно изменит содержание прежних.

Сохранит, например, свое действие закон зависимости хода и исхода боев и операций от соотношения боевой мощи войск противоборствующих сторон. Действие этого закона во взаимосвязи с другими законами вооруженной борьбы выразится, в частности, в том, что ход и исход сражений будет решаться прежде всего ударами ядерного оружия. Но раз ядерные удары будут иметь решающее значение для исхода всякого боя или операции, то каждая

из воюющих сторон для достижения победы должна прежде всего разведывать и уничтожать средства ядерного нападения врага. Из этого вытекает новый принцип военного искусства — принцип уничтожения в первую очередь ядерных средств противника.

Поскольку ядерное оружие будет играть огромную роль в вооруженной борьбе, то каждая воюющая сторона будет стремиться упредить другую в его применении. Следовательно, можно говорить и о таком новом принципе, как принцип упреждения в нанесении ядерных ударов по врагу в ходе войны.

Далее. В ядерной войне возникнет противоречие между потребностью сосредоточения войск на решающем направлении и опасностью уничтожения сосредоточенных сил ядерными ударами противника. Выходом из этого противоречия, вероятно, будет нечто вроде «рассредоточенного сосредоточения», то есть действия на широком фронте компактными подвижными боевыми единицами. Следует сказать, что сосредоточение войск будет вызываться действием закона соотношения боевой мощи вооруженных сил противоборствующих сторон, а их рассредоточение — законом зависимости форм и способов вооруженной борьбы от свойств оружия и боевой техники. Результатом подобного рода переплетения в проявлении законов вооруженной борьбы, надо полагать, явится существенное изменение классического принципа сосредоточения, вытеснение его новым принципом рассредоточенного сосредоточения.

Или взять, например, принцип взаимодействия. В войнах различных исторических эпох взаимодействовали различные рода и виды войск: пехота и конница, сухопутные и военно-морские силы, пехота и артиллерия, танки и авиация. Соответственно этому принцип взаимодействия менял свое конкретное содержание. Но особенно серьезные изменения в его содержании произойдут в ядерной войне. В такой войне главный смысл этого принципа будет состоять в том, чтобы добиться организации и осуществления взаимодействия всех родов войск и видов вооруженных сил в интересах наиболее эффективного использования ядерного оружия.

Частный вариант принципа взаимодействия — принцип нанесения одновременных согласованных ударов по врагу в ядерной войне станет своеобразным возрождени-

ем на новой объективной основе правила: «Идти врозь, драться вместе».

А как будет обстоять дело с принципом неравномерного распределения сил по фронту и в глубину в целях их сосредоточения на главном направлении? Уже в годы второй мировой войны появилась новая возможность для применения этого принципа — маневр авиационными силами и траекториями артиллерийских систем. Но дальнобойность артиллерии и дальность действия авиации, мощность наносимых ими огневых ударов были все же ограничены. Иное положение создалось, когда появились ракеты с ядерными боеголовками. Не меняя своих стартовых позиций, они могут наносить ядерные удары громадной мощности практически по любым районам земного шара. В этих условиях сосредоточение превосходящих сил, да еще в уплотненных боевых порядках, перестает быть необходимым и, более того, становится опасным. Прежний принцип военного искусства в значительной мере вытесняется новым — принципом сосредоточения основных усилий на главном направлении посредством маневра траекториями ракет.

Означает ли это, что принцип Эпаминонда окончательно ушел в прошлое? Нет, не означает. В вооруженной борьбе будут применяться не только ракеты с ядерными зарядами, но и обычное оружие. Поэтому прежний принцип военного искусства сохранит свое значение. Вероятнее всего, в ядерной войне, в зависимости от сложившейся стратегической, оперативной и тактической обстановки, будут применяться оба принципа военного искусства, как дополняющие один другого.

Рассмотрение вопроса о законах вооруженной борьбы и принципах военного искусства позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, нельзя игнорировать боевой опыт прошлого и его отражение в принципах и правилах военного искусства; во-вторых, нельзя ограничиваться усвоением одних лишь принципов и правил военного искусства, норм боевой деятельности войск, составляющих основное содержание боевых уставов и наставлений. Надо идти дальше — к познанию тех объективных законов и условий, которые породили эти принципы, овладевать всей суммой знаний об объективной и субъективной сторонах процессов вооруженной борьбы.

★

★

Глава VI

ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ СПОСОБОВ И ФОРМ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ

Проблема способов и форм вооруженной борьбы приобрела в современных условиях громадное теоретическое и практическое значение. Это обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, для победы в войне мало иметь мощные вооруженные силы, необходимо еще умело использовать их. История знает немало примеров, когда сильные, хорошо вооруженные армии терпели поражение потому, что не владели передовыми способами борьбы. Во-вторых, если в прошлом недостатки в подготовке вооруженных сил, допущенные в мирное время, можно было исправить в ходе войны, то в ракетно-ядерной войне такая возможность, видимо, будет ограничена или полностью исключена. Поэтому еще до того, как эта война может возникнуть, необходимо правильно оценить возможные способы ее ведения. Решить эту трудную задачу можно, лишь используя все современные методы военно-научного исследования и опираясь на марксистско-ленинскую методологию.

1. Факторы, определяющие развитие способов и форм вооруженной борьбы

В нашей военной литературе под способами вооруженной борьбы обычно понимаются различные приемы использования воинских объединений, соединений и частей

для выполнения стратегических, оперативных и тактических задач [1]. Видами боевых действий принято считать наступление, оборону и отход, а формами вооруженной борьбы — бой, операцию, сражение, ядерный удар [2].

Исторический опыт свидетельствует, что способы и формы вооруженной борьбы не стоят на месте, а изменяются. Выяснение причин и основных тенденций этих изменений имеет большое значение, так как позволяет предвидеть, как развернется борьба в будущей войне.

Некоторые буржуазные военные теоретики считают, что решающую роль в создании новых способов вооруженной борьбы играет «свободное творчество ума» выдающихся полководцев. Так, немецкий военный историк Ганс Дельбрюк писал: «Если бы кто вздумал заключить, что новая стратегия выросла на почве новых отношений, как их естественный продукт, сама собою, то это было бы заблуждением. Лишь творческий гений великой личности выделил из данного ему материала действительно новое явление. Именно на таких явлениях с особенной ясностью убеждаешься в том, что мировая история отнюдь не представляет собой естественно-исторического процесса, как то считают материалисты» [3]. Английский маршал авиации Э. Дж. Кингстон-Макклори в своей книге «Руководство войной» утверждает, что «независимо от характера войны или применяемых в ней видов оружия руководители, несмотря на присущие им недостатки, так или иначе всегда играют решающую роль» [4].

Такие взгляды являются идеалистическими, ненаучными. Новые способы и формы вооруженной борьбы, конечно, не появляются автоматически, сами собой. Все, что

---

[1] См. Военная стратегия. Под редакцией Маршала Советского Союза Соколовского В. Д. Воениздат, 1963, стр. 312; С. Н. Козлов, М. В. Смирнов, И. С. Базь, П. А. Сидоров. О советской военной науке. Воениздат, 1964, стр. 331; Словарь основных военных терминов. Воениздат, 1965, стр. 211. — Прим. авт.

[2] См. Словарь основных военных терминов, стр. 138, 142, 156; Военная стратегия, стр. 367; О советской военной науке, стр. 360, 366, 372, 374, 375; Маршал Советского Союза Соколовский В. Д. и генерал-майор Чередниченко М. И. Военное искусство на современном этапе. «Красная звезда», 25 апреля 1964 г. — Прим. авт.

[3] Ганс Дельбрюк. История военного искусства. Перевод с немецкого. Т. IV. Воениздат, 1938, стр. 376.

[4] Э. Дж. Кингстон-Макклори. Руководство войной. Изд-во иностранной литературы, 1957, стр. 25.

происходит в общественной жизни, — дело рук и ума человека. «Не «история»,— писал К. Маркс,— а именно *человек*, действительный, живой человек — вот кто делает всё это, всем обладает и за всё борется» [1]. И способы боевых действий создаются людьми, и не только военачальниками, но и рядовыми солдатами, на что обращал внимание еще Ф. Энгельс [2].

Люди создают новые способы и формы борьбы не по наитию, не в результате «чистой» деятельности ума и фантазии, а на основе познания объективных условий. И чем глубже и всестороннее познаны эти условия, тем эффективнее создаваемые на их основе новые способы борьбы. Если люди не считаются с объективными условиями, действуют на основе лишь своих «волевых решений», они впадают в субъективизм, допускают грубейшие ошибки, часто непоправимые.

Материалистическая диалектика доказывает, что содержание процесса определяет форму, способы, в которых он протекает. Применительно к военному делу это означает, что с изменением содержания вооруженной борьбы изменяются и ее способы и формы. Поскольку основными элементами содержания вооруженной борьбы являются вооружение и люди, в их взаимосвязи и взаимодействии, то можно сказать, что **изменения в оружии и людском составе армии служат непосредственной причиной изменений способов и форм вооруженной борьбы.** В свою очередь качество оружия и людского состава определяется в конечном счете состоянием общественного производства — как производительных сил, так и производственных отношений, составляющих в своем единстве способ производства материальных благ.

Зависимость способов и форм вооруженной борьбы от оружия, техники и людского состава есть объективный закон, открытый основоположниками марксизма. В книге «Наемный труд и капитал» К. Маркс писал: «С изобретением нового орудия войны, огнестрельного оружия, неизбежно изменилась вся внутренняя организация армии, преобразовались те отношения, при которых индивиды образуют армию и могут действовать как армия, изменилось также отношение различных армий друг к другу» [3].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 102.
[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 174.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 441—442.

Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», анализируя причины изменений способов и форм вооруженной борьбы, отмечал: «Не «свободное творчество ума» гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивается тем, что они приспособляют способ ведения боя к новому оружию и к новым бойцам» [1].

В одних исторических условиях главную роль в создании новых способов и форм борьбы играет оружие, военная техника, в других — людской состав армии. Так, революционные преобразования военного дела во Франции в период буржуазной революции 1789—1793 годов были результатом прежде всего создания массовой армии, укомплектованной представителями революционно настроенных классов французского общества, хотя известную роль сыграло и изобретение более совершенного оружия (ружье с изогнутым прикладом и артиллерийское орудие с облегченным лафетом). Ныне решающим фактором коренных преобразований в военном деле является научно-технический прогресс, в результате которого создано принципиально новое, ракетно-ядерное оружие.

Новое оружие оказывает существенное влияние на изменение способов и форм вооруженной борьбы лишь тогда, когда оно накоплено в большом количестве. Например, коренные преобразования в наших Вооруженных Силах начали осуществляться лишь после того, как появилась возможность оснастить войска ракетно-ядерным оружием.

Нетрудно понять зависимость способов и форм вооруженной борьбы и от изменения «солдатского материала». В. И. Ленин еще в начале нынешнего века писал, что война «требует высококачественного человеческого материала...» [2]. Это положение приобрело особую актуальность в настоящее время. Для ведения победоносной войны ныне, как никогда в прошлом, требуется высококачественный человеческий материал, то есть люди, имеющие хорошую техническую подготовку и высокие моральные и физические качества.

Способы и формы боевых действий, которые применяются в той или иной войне, зависят также от политиче-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 171.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 155.

ских целей воюющих сторон. В предыдущих главах уже говорилось о влиянии политики на характер вооруженной борьбы. Здесь лишь напомним, что политические цели войны определяют размах и степень напряженности вооруженной борьбы. Чем решительнее политические цели войны, тем решительнее и боевые действия. Если ставится цель полного сокрушения противника, то военные действия ведутся с максимальным напряжением. Если политические цели ограниченны, то военные действия ведутся менее упорно и менее решительно.

Первая мировая война 1914—1918 годов приняла позиционные формы не только в силу превосходства средств обороны над средствами наступления, но также и потому, что политические цели воюющих государств были ограниченны, а несправедливый характер войны с обеих сторон резко снижал боевую активность личного состава армий.

Гражданская война 1918—1920 годов в нашей стране велась теми же техническими средствами, что и первая мировая война, но в противоположность первой мировой войне гражданская война приобрела ярко выраженный маневренный, упорный и ожесточенный характер, так как в ней столкнулись классы с противоположными экономическими интересами и политическими целями. Еще более маневренной, упорной и ожесточенной была война Советского Союза против фашистской Германии.

Будущая мировая война, если ее развяжут империалисты, по своему политическому содержанию явится классовой войной двух противоположных социальных систем. Это во многом определит и способы боевых действий.

Влияние политики на способы вооруженной борьбы сказывается в наибольшей степени и непосредственно в стратегическом масштабе и в меньшей степени и притом опосредованно (через стратегию) в оперативном и тактическом масштабах. Политика определяет основные объекты решающих ударов и выбор направления стратегических действий, развертывание вооруженных сил и т. п.

Степень влияния политики на способы боевых действий нетрудно видеть на примере грязной войны, которую ведут американские империалисты против вьетнамского народа. Во имя своих корыстных целей заокеанские захватчики творят чудовищные преступления. Попирая все нормы международного права, они осуществляют так-

тику «выжженной земли», применяют отравляющие вещества, подвергают жестоким бомбардировкам территорию Демократической Республики Вьетнам.

Поскольку война представляет собой противоборство двух сторон, способы ее ведения зависят и от соотношения сил противников, от того, какими средствами они располагают, каковы их стратегия, оперативное искусство и тактика. Без всестороннего учета сил и действий наших вероятных противников разрабатывать формы и способы вооруженной борьбы было бы столь же нелепо, как строить здание, не зная, для чего оно предназначается. В. И. Ленин подчеркивал, что «неразумно или даже преступно поведение той армии, которая не готовится овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля» [1].

Применение тех или иных форм и способов вооруженной борьбы зависит также от географической среды, в которой развертываются военные действия, то есть от таких факторов, как климат, погода, рельеф местности, растительный мир, водные бассейны и другие.

Диалектика взаимодействия географической среды и военного дела такова, что по мере развития науки и техники зависимость военного дела от географических условий в одних отношениях уменьшается, в других, напротив, увеличивается.

Известно, что современные приборы дают возможность войскам вести прицельный огонь не только днем, но и ночью. Локаторы позволяют самолетам и надводным кораблям успешно действовать в условиях плохой видимости. Танки теперь способны самостоятельно преодолевать значительные водные преграды. Атомные подводные лодки могут действовать во всех океанах, в том числе и подо льдами Арктики. Раньше моря, океаны, горы служили надежным естественным прикрытием от нападения противника. Ракетно-ядерное оружие намного снизило эту их роль. Теперь никакие горы и океаны не защитят страну от ядерного удара противника.

Таким образом, современная военная техника делает войска более «свободными» по отношению к природным условиям. Вместе с тем все большее число естественных факторов должно учитываться при планировании боя

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 81.

(операции). Например, ветер раньше мог повлиять лишь некоторым образом на результаты стрельбы артиллерии и отчасти на действия авиации и флота. Теперь же он может принести радиоактивное облако, в результате чего войска будут поражены, а местность заражена радиоактивными веществами на большом удалении от эпицентра взрыва. Поэтому ветер теперь должен учитываться в боевых действиях всех видов вооруженных сил и родов войск.

Размер территории государства и в прошлом оказывал влияние на ход и исход войны. В ракетно-ядерной войне этот фактор приобретает еще большее значение. Государство, имеющее большую территорию, может рассредоточить свои производительные силы, ракетно-ядерные средства и тем самым надежнее укрыть их, чем государство с меньшей территорией.

Горная, лесисто-болотистая местность, тундра и т. п. в прошлом относились к разряду «особых» условий. В ядерной войне они могут стать самыми обычными. Ясно, что приемам действий в таких условиях войска должны учиться заблаговременно.

В отличие от прошлых войн ядерная война может привести к существенным изменениям природных условий (уничтожение растительного и животного мира, радиоактивное заражение и т. п.).

Поскольку географическая среда оказывает влияние на военные действия, ее нельзя игнорировать. История знает немало примеров, когда воюющие армии оказывались в затруднительном положении только потому, что не были подготовлены к действиям в новых для них природных условиях. Не случайно в империалистических армиях изучению географического фактора уделяется большое внимание. В США, например, 17 процентов всех членов ассоциации географов работают на Пентагон; некоторые из них занимаются исследованием возможности ведения климатической и метеорологической войны.

Подчеркивая необходимость учета географического фактора, нельзя преувеличивать его значение, как это делают некоторые буржуазные военные теоретики. Географический фактор оказывает влияние на формы и способы вооруженной борьбы, однако он не может играть определяющую роль в их развитии. При выявлении причин изменений способов вооруженной борьбы нельзя впа-

дать в односторонность, сводить их лишь к одному какому-то фактору. Здесь, как и при решении всех вопросов военной науки, нужен всесторонний подход.

Развитие способов и форм вооруженной борьбы, как и все явления объективного мира, совершается путем «борьбы» противоположностей, через преодоление диалектических противоречий. Что же это за противоречия?

2. Противоречия в развитии способов и форм вооруженной борьбы

Диалектическое противоречие есть отношение таких сторон предметов, явлений, которые противоположны, исключают и в то же время обусловливают друг друга. Их «борьба», взаимодействие, является источником развития всего существующего. Поскольку противоречия выступают источником развития, то непременным условием правильного познания всех предметов и процессов является познание их как единства противоположностей.

При изучении любого предмета, явления важно раскрыть взаимодействие противоположностей, найти, в чем конкретно состоит их единство, тождество и в чем взаимоисключение, «борьба». Диалектические противоречия нельзя подменять формально-логическими противоречиями, которые являются следствием нарушения правил логики.

Война насквозь пронизана противоречиями. Она вырастает из социально-экономических и политических противоречий между классами, государствами, нациями и представляет наиболее острую форму разрешения этих противоречий. Следовательно, исследуя возможные способы и формы ведения войны, необходимо учитывать характер противоречий, обусловливающих ее возникновение.

Как известно, основным противоречием современной эпохи является противоречие между империализмом и социализмом. Страны социализма последовательно проводят миролюбивую политику. Агрессивные империалистические силы ведут курс на подготовку ракетно-ядерной войны, с помощью которой они надеются разрешить основное противоречие современной эпохи в свою пользу. В случае, если такая война возникнет, она неизбежно

станет мировой, коалиционной и будет отличаться исключительной ожесточенностью, решительностью военных действий, применением новейших средств массового поражения. Все это определит многие черты стратегии, оперативного искусства и тактики в ядерной войне.

Помимо основного противоречия, современная эпоха характеризуется противоречиями между империалистическими державами, между трудом и капиталом, между империализмом и национально-освободительным движением и другими. Эти противоречия также могут привести к войнам, каждая из которых, в случае ее возникновения, будет отличаться своеобразием, в том числе и в способах вооруженной борьбы.

В. И. Ленин указывал, что «марксизм требует безусловно *исторического* рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки значит не понимать азбуки диалектического материализма»[1]. Конкретно-исторический анализ противоречий современной эпохи приводит к выводу, что нужно быть готовым к ведению различных войн: мировых и локальных, скоротечных и длительных, с применением ядерного оружия и без него.

Советская военная наука учитывает социально-экономические и политические противоречия, порождающие войны и определяющие их характер. Но свое главное внимание она обращает на исследование противоречий в вооруженной борьбе и их влияния на развитие способов и форм этой борьбы.

Выше уже говорилось, что непосредственной причиной развития способов и форм вооруженной борьбы является изменение оружия и людского состава армий. Но каков механизм действия этого фактора?

Известно, что средства вооруженной борьбы совершенствуются непрерывно, как во время войны, так и в мирное время. Они развиваются гораздо быстрее, чем способы и формы борьбы. С течением времени способы и формы борьбы приходят в несоответствие со средствами борьбы. Рано или поздно это противоречие обнаруживается людьми и разрешается либо путем совершенствования старых способов, приведения их в соответствие с новыми

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 2.

средствами и условиями ведения войны, либо путем замены старых способов новыми.

Противоречие между новыми средствами и устаревшими способами вооруженной борьбы является основным противоречием в развитии всего военного дела. Разрешение этого противоречия каждый раз приводило к качественным изменениям в стратегии, оперативном искусстве, тактике, организации войск.

Противоречие между средствами и способами вооруженной борьбы со всей остротой обнаружилось с появлением ракетно-ядерного оружия. Это оружие заставило искать новые формы организации войск и новые способы ведения вооруженной борьбы. Многие из них в основном найдены. Но ракетно-ядерное оружие продолжает совершенствоваться, прогрессируют, изменяются и другие виды оружия и техники. Возможно появление принципиально новых видов оружия. Все это требует постоянного поиска еще более эффективных способов и форм вооруженной борьбы.

Оружие и военная техника развиваются таким образом, что появление новых средств борьбы всякий раз вызывает к жизни соответствующие контрсредства. «Борьба» танков и противотанковых средств, подводных лодок и противолодочных средств, самолетов и средств противовоздушной защиты, радиосредств и средств создания искусственных радиопомех, ракет и антиракет — вот чем определяется развитие оружия и военной техники, а следовательно, и способов боевых действий.

С тех пор как ведутся войны, армиям всегда приходилось наступать и обороняться. **Наступление и оборона** — два противоположных вида боевых действий. Но это такие противоположности, которые органически связаны между собой, обусловливают друг друга. Поэтому правильно понять развитие каждой из них можно, только рассматривая наступление и оборону в тесной взаимосвязи.

Способы наступления всегда зависят от того, как противник организует оборону. И наоборот, оборона строится с обязательным учетом характера действий наступающей стороны. В истории еще не было войн, победа в которых достигалась бы только одной обороной. Но в истории не было войн, или они составляли редкое исключение, в которых побеждающая сторона только бы наступала, не прибегая к обороне. «Таких войн, — писал В. И. Ленин, —

которые бы начинались и оканчивались сплошным победоносным наступлением, не бывало во всемирной истории, или они бывали, как исключения»[1].

История показывает, что победу чаще всего одерживали те армии, которые одинаково хорошо умели наступать и обороняться. И наоборот, чаще терпели поражения те армии, которые всецело полагались либо на оборону, либо на наступление. Авантюризм стратегии Гитлера во второй мировой войне состоял, в частности, в том, что он приказывал своим войскам наступать и тогда, когда обстановка требовала обороны.

В войне с применением новейших средств поражения, как и в прошлом, только наступление может привести к полному разгрому врага, к победе над ним. Но и в такой войне оборона будет необходима на отдельных направлениях, где наступление окажется нецелесообразным или когда потребуется за счет экономии сил на одном направлении обеспечить наступление на другом. И теперь наступательные действия невозможны без противоракетной, противоядерной, противовоздушной, противотанковой, противохимической обороны. С другой стороны, современная оборона обязательно включает активные, наступательные действия.

Появление ракетно-ядерного оружия вызвало и другое противоречие в боевых действиях войск. Суть его состоит в необходимости одновременного **сосредоточения** сил на решающем направлении и **рассредоточения** войск в связи с опасностью поражения ядерными ударами. Иными словами, соединения и части должны рассредоточиваться в таких пределах, чтобы не быть выгодной мишенью для ядерного оружия противника и в то же время оставаться постоянно сильными, способными нанести полное поражение врагу. Основным средством разрешения этого противоречия является всемерное повышение мобильности войск.

Большую роль в развитии способов вооруженной борьбы играет **противоречие между огнем и движением**[2]. Оно возникло в связи с оснащением армий нарезным огне-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 209.

[2] Обстоятельное освещение этого противоречия дается в книге подполковника Г. Г. Лукава «Характер противоречий в ракетно-ядерной войне и пути их разрешения». Издание ВПА, 1966. — Прим. авт.

стрельным оружием. По мере совершенствования этого оружия возрастали возможности подавления обороны противника на все большую глубину. Между тем темпы наступления пехоты, которая была основным родом войск, оставались низкими. Это несоответствие между огневыми возможностями войск и темпами их движения, как уже отмечалось, явилось одной из причин позиционного тупика, в который зашли военные действия в годы первой мировой войны. Поиски выхода из этого тупика привели сначала к появлению на поле боя танков и самолетов, а затем и коренных изменений в способах вооруженной борьбы.

Во второй мировой войне противоречие между огнем и движением обнаружилось уже в иной форме. С одной стороны, пехота, как и раньше, часто не успевала своевременно использовать результаты огня артиллерии и авиации; с другой стороны, что было уже новым моментом, артиллерия и авиация нередко не могли оказать огневую поддержку танковым войскам, которые наступали с большой скоростью. Разрешение этого противоречия шло по линии моторизации пехоты, усиления огневой мощи танков, артиллерии и авиации. Это во многом предопределило дальнейшее развитие способов вооруженной борьбы.

Появление ракетно-ядерного оружия вновь обострило противоречие между огнем и движением. Дело в том, что, хотя ракетно-ядерное оружие и обладает огромной мощью и практически неограниченной дальностью, одно оно не способно решить все задачи вооруженной борьбы. Завершение разгрома противника по-прежнему ложится на плечи сухопутных войск, которые, используя результаты ядерных ударов, должны занять территорию врага. При этом наступающим войскам придется преодолевать большие расстояния и действовать в условиях радиоактивного и химического заражения местности, завалов, разрушений, пожаров, а главное — испытывать упорное сопротивление противника. Одним из путей повышения темпов наступления в этих условиях является переброска войск по воздуху, совершенствование наземных и морских средств передвижения.

Процесс развития способов и форм вооруженной борьбы оказывает влияние и на управление войсками. В сфере управления также имеются диалектические противоречия. Здесь всегда «боролись» две противоположные тен-

денции: необходимость централизации руководства и стремление к децентрализации, к предоставлению инициативы и самостоятельности нижестоящим командирам и штабам. В прошлом было немало попыток метафизически противопоставить одну тенденцию другой. Встречаются они и в наши дни.

Диалектика тенденций к централизации и децентрализации в управлении войсками состоит в том, что, будучи противоположностями, они в то же время обусловливают и дополняют друг друга. Ведущей является, безусловно, первая. На войне действуют большие массы людей, усилия которых должны быть направлены к единой цели. Поэтому централизация является объективной необходимостью. В. И. Ленин писал, что «нельзя забывать гигантской важности единообразного руководства...» [1].

Объективная необходимость строгой централизации в управлении войсками полностью сохраняется и в ядерной войне, в которой масштабы, напряженность боевых действий будут намного большими, чем в прошлых войнах. Достижение поставленных целей во многом будет зависеть от искусства высшего командования объединить усилия различных видов вооруженных сил и родов войск, всех частей и соединений. А это возможно лишь при строжайшей централизации руководства войсками.

С другой стороны, маневренный характер боевых действий в ядерной войне, которые будут вестись на широком фронте и высокими темпами, потребует предоставления частям, соединениям и объединениям значительно большей самостоятельности. При быстром и резком изменении обстановки на поле боя у старшего военачальника может не оказаться времени для детальных указаний подчиненным войскам, и нижестоящие командиры должны будут сами находить наилучшие способы действий. А для этого они должны обладать самостоятельностью в рамках общего замысла старшего начальника. Это требование должно учитываться в обучении и воспитании, особенно при проведении учений и военных игр.

Характер боевых действий в ракетно-ядерной войне чрезвычайно повышает значение фактора времени. «Промедление смерти подобно» — это старое изречение при-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 340.

обрело теперь новый смысл. Командир должен принять решение и довести его до подчиненных в кратчайшие сроки. Количество же вопросов, подлежащих решению военачальником, их сложность намного увеличатся. Это противоречие можно разрешить повышением уровня подготовки командиров, совершенствованием культуры в работе штабов, изысканием новых методов управления, основанных на широком применении электронно-вычислительных машин и других технических средств.

Однако нельзя забывать, что машина не может полностью заменить командира. На ход военных действий оказывают влияние различные факторы, в том числе политика, моральный дух армии, боевая выучка солдат, искусство военачальника. Измерить и выразить в математических символах эти факторы пока невозможно. Поэтому роль командира не только не снижается, но еще больше возрастает. Ныне военачальник, как никогда ранее, должен обладать глубокими и всесторонними знаниями, интуицией, развитым логическим мышлением, высокими моральными качествами, большим опытом и физической выносливостью.

Военное дело быстро развивается. В нем возникают все новые и новые противоречия. Вовремя найти правильные пути их разрешения — задача военной науки.

3. Скачки в развитии способов и форм вооруженной борьбы

Способы и формы вооруженной борьбы изменяются, развиваются на основе возникновения и разрешения противоречий. Но как, в каких формах совершается этот процесс — постепенно или скачкообразно? Имеется ли связь между старыми и новыми способами борьбы? Каково должно быть отношение к опыту прошлых войн? Эти вопросы приобрели особое значение с появлением ракетно-ядерного оружия.

Буржуазная военная наука не имеет единой точки зрения по этим вопросам. Одни военные специалисты современную революцию в военном деле представляют как полное, абсолютное отрицание всего, что было в прошлом. Они считают, что будущая война явится ракетно-ядерной дуэлью противников, а роль военачальников сведется к

«нажатию кнопок». Другие же, наоборот, полагают, что ракетно-ядерное оружие лишь мощнее, дальнобойнее, но существенно не отличается от обычного и поэтому не вносит принципиально нового в способы вооруженной борьбы. Отсюда делается вывод, что появление ракетно-ядерного оружия не влечет за собой возникновения новых закономерностей, новых способов вооруженной борьбы, что принципы ведения военных действий, почерпнутые из опыта прошлых войн, остаются неизменными. Обе эти точки зрения метафизичны.

Путь к правильному решению вопроса о характере изменений в способах вооруженной борьбы указывает материалистическая диалектика. Она рассматривает всякое развитие как процесс, включающий в себя изменчивость и устойчивость, качественные и количественные изменения, постепенные изменения и скачки, взаимную связь и обусловленность старого и нового.

Военное дело в целом также развивается диалектически. Оно **идет вперед скачками, которые подготавливаются постепенными количественными изменениями.** Эти скачки не одинаковы по масштабу, значению и длительности. Некоторые из них очень глубокие и представляют собой подлинную революцию. В развитии военного дела было несколько таких революций, каждая из которых отличалась от других своим характером, масштабами и длительностью.

Ф. Энгельс писал: «В XIV веке порох и огнестрельное оружие стали известны в Западной и Центральной Европе, и любой школьник знает теперь, что этот чисто технический прогресс революционизировал все военное дело. Эта революция совершалась, однако, очень медленно» [1].

В. И. Ленин отмечал, что в ходе французской буржуазной революции революционный народ не только изменил систему общественных отношений, но и проявил «гигантское революционное творчество, пересоздав всю систему стратегии, порвав все старые законы и обычаи войны и создав, вместо старых войск, новое, революционное, народное войско и новое ведение войны» [2].

Во второй половине XIX века коренные, качественные изменения в способах вооруженной борьбы произошли в

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 655.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 80.

связи с созданием нарезного огнестрельного оружия, железных дорог, парового флота и телеграфа. В первой половине XX столетия подобные изменения были вызваны широким применением танков и авиации. Но ни с одной из этих революций не идут в сравнение те перемены, которые произошли в результате изобретения ракетно-ядерного оружия.

Вооруженная борьба в ядерной войне будет проходить иначе, чем в минувших войнах. В прошлом в начале войны проводились мобилизация и стратегическое сосредоточение армии вдоль государственных границ. Война начиналась обычно действиями приграничных группировок войск. Затем в борьбу вступали новые силы — выдвинутые из глубины страны резервы. Исход войны решался в сражениях на ее завершающем этапе.

В ракетно-ядерной войне, которая может начаться внезапно, видимо, невозможно будет произвести мобилизационное развертывание вооруженных сил. Поэтому необходимо иметь в полной боевой готовности такие вооруженные силы, которые способны нанести врагу сокрушительный удар уже в начальный период войны.

Военные действия в мировой ракетно-ядерной войне с самого начала приобретут невиданный пространственный размах. Они будут вестись на суше, на воде, под водой, в воздухе, а возможно, и в космосе. Главными объектами ядерных ударов будут расположенные в глубоком тылу экономические и политические центры, система государственного и военного управления, стратегические средства ядерного нападения противника, группировки сухопутных войск, авиации и флота на театрах военных действий.

В прошлых мировых войнах вооруженная борьба в основном сводилась к стратегическому наступлению и к стратегической обороне, осуществлявшихся всеми вооруженными силами. Главную роль при этом играли сухопутные войска, поддерживаемые военно-воздушными и военно-морскими силами и отчасти войсками ПВО.

В ракетно-ядерной войне главным способом вооруженной борьбы явятся стратегические ядерные удары, наносимые ракетными войсками, авиацией и атомными подводными лодками. Такие удары представляют собой совершенно новый способ вооруженной борьбы. Они могут предопределить решение главных задач войны, ее ход и

исход. Сухопутные войска, используя результаты ядерных ударов, будут осуществлять наступление на широком фронте и высокими темпами.

Стратегическая оборона в том виде, как она применялась во второй и тем более в первой мировых войнах, то есть как оборона на всем стратегическом фронте, основу которой составляли действия сухопутных войск, в мировой ядерной войне, видимо, потеряет свое значение. Советская военная наука исходит из того, что, если империалисты развяжут такую войну, им будут противопоставлены сокрушительные ядерные удары стратегическими средствами, а также надежная система противовоздушной, противоракетной и противокосмической обороны. При этом действия войск ПВО по уничтожению даже отдельных ракет и самолетов противника, несущих ядерные заряды, не говоря уже о группе самолетов и ракет, будут представлять собой совершенно новую форму вооруженной борьбы, в корне отличную от стратегической обороны в прошлых войнах.

В ядерной войне значительно изменятся способы действий сухопутных войск, авиации и флота.

Сухопутные войска, используя результаты стратегических ядерных ударов, будут завершать разгром и уничтожение противника и захват его территории. При этом им придется действовать в чрезвычайно быстром темпе, в расчлененных боевых порядках, методом глубоких стремительных ударов по флангам и тылам противника с целью его расчленения по частям. Сплошного фронта, видимо, не будет. Военные действия примут очаговый характер.

На отдельных направлениях сухопутные войска, безусловно, будут вынуждены обороняться. Но это будет оборона оперативного и тактического масштабов, причем ее методы существенно изменятся. Основу наступления и обороны сухопутных войск составят удары ракетно-ядерным оружием.

Как и в прошлом, тактической формой боевых действий сухопутных войск явится бой, но протекать он будет по-новому. Основным содержанием его станет борьба с ядерными средствами противника. Чаще всего войска будут вступать в бой, видимо, с ходу. Широкое применение получат воздушные десанты.

Военно-воздушные силы будут не только обеспечивать

действия сухопутных войск и военно-морского флота, но и выполнять самостоятельные задачи, нанося ядерные удары по объектам противника.

Военно-морской флот будет наносить удары не только по группировкам военно-морских сил противника, но и по его важнейшим объектам на суше. Основной формой боевых действий флота станет не морской бой, а ядерный удар, наносимый одним кораблем или группой кораблей. Морской бой как длительное двустороннее огневое воздействие, видимо, сможет возникать только в случае применения обычных средств борьбы.

Империалистические агрессоры усиленно готовятся к войне в космосе. Уже сейчас космические летательные аппараты используются Соединенными Штатами Америки для разведки и шпионажа, для навигационного обеспечения авиации и флота, особенно подводных лодок, и т. д. Несмотря на соглашение о невыводе в космос объектов с ядерными зарядами, главным в программе США по освоению космоса является создание космических аппаратов, несущих на себе ядерные заряды: спутников-бомбардировщиков, космических пилотируемых бомбардировщиков, бомбардировочной орбитальной системы. В США ведутся большие исследовательские работы по определению военного потенциала Луны и изучение возможностей ее использования как базы космических средств нападения. Значительное место в военных приготовлениях США занимает программа создания противокосмического оружия, а также использования в качестве оружия лазеров, плазмы и антигравитации.

Советский Союз имеет выдающиеся достижения в освоении космоса. Эти достижения служат делу мира.

Таким образом, ракетно-ядерное оружие привело к существенным изменениям в способах и формах вооруженной борьбы. Но было бы недиалектично рассматривать современную революцию в военном деле как только разовое и полное уничтожение старых способов и форм вооруженной борьбы и появление новых. Поскольку наряду с новыми средствами вооруженной борьбы сохраняются и обычные — танки, самолеты, надводные корабли и другие, — старые способы и формы требуют к себе самого пристального внимания, изучения и развития. Каково же в связи с этим должно быть отношение к военному искусству прошлого?

Буржуазная военная наука, методологическую основу которой составляют метафизика и идеализм, не может правильно решить этот вопрос. Не случайно, как только появлялось новое оружие, многие буржуазные военные теоретики ставили под сомнение значение военной истории. Например, с возникновением военной авиации итальянский генерал Д. Дуэ писал, что «прошлое ничего не дает для будущего, и последнее должно быть создано совершенно заново» [1]. Подобные мысли высказываются и сейчас. В изданной в США книге «Пентомическая дивизия» утверждается, что военная история якобы «потеряла значение звена в науке, на которое можно было бы опираться».

Материалистическая диалектика выступает как против фетишизации исторического опыта, так и против его недооценки. Положительное значение прошлого опыта состоит в том, что он помогает понять настоящее и будущее. Ведь новое возникает только на почве, подготовленной предшествующими условиями. Самые смелые научные идеи всегда содержат в себе элемент прежних представлений.

Изучение военной истории позволяет выявить общие закономерности развития способов и форм вооруженной борьбы, лучше ориентироваться в современных условиях, правильно оценить новое, решительно отказаться от того, что не выдержало проверки жизнью. В. И. Ленин говорил: «Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов» [2]. Изучение военной истории расширяет кругозор, играет большую воспитательную роль.

Опыт второй мировой войны имеет, несомненно, большое значение. Но военная теория не может разрабатываться на основе опыта лишь одной, даже большой войны. Военная теория есть обобщение всей военной практики: больших и малых войн, маневров, учений, военных игр, полигонных испытаний и т. д.

Следует особенно критически подходить к опыту малой войны. Ограниченный опыт такой войны может направить

---

[1] Д. Дуэ. Господство в воздухе. Перевод с итальянского. Воениздат, 1936, стр. 69.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 205.

военную мысль и практику военного строительства по ложному пути. Так, на основе опыта войны в Корее (1950—1953 гг.) американцы приняли решение о создании пентомической дивизии. Однако в последующем они вынуждены были отказаться от таких формирований, как не отвечающих требованиям современной войны.

Необходимость использования военно-исторического опыта очевидна. Но он все же относится к определенным конкретно-историческим условиям, а поэтому его нельзя абсолютизировать. Военная история не может дать готовых ответов на вопросы, выдвигаемые современностью, готовых образцов для практической деятельности. В. И. Ленин предупреждал против некритического отношения к прошлому. «...Необходимо,— писал он,— усвоить себе ту бесспорную истину, что марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни»[1].

Ракетно-ядерное оружие и другая новая техника вызвали такой колоссальный скачок в развитии военного дела, какого еще не знала история. Военная наука призвана глубоко анализировать новые явления. Сейчас, как никогда ранее, в военной науке нужен смелый поиск.

Что взять из опыта прошлого, а что решительно отбросить — ответ на эти вопросы должна дать военная практика. А военная практика в мирное время — это маневры и учения, военные игры и полигонные испытания, вся повседневная жизнь войск. Большое значение приобретает моделирование военных процессов с помощью электронно-вычислительных машин. Теснейшая связь с практикой, опора на нее ограждает военную науку от субъективизма, поспешных и необоснованных решений, от догматизма и консерватизма.

Действенным средством против субъективизма, догматизма и консерватизма в военной науке является борьба мнений, критика и самокритика. Исследуемые военной наукой объекты очень сложны, многогранны. Один человек может подойти к определенному явлению с одной

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 134.

стороны, а другой — с другой. В результате об одном и том же предмете могут возникнуть различные мнения. Путем сопоставления, борьбы этих мнений и устанавливается научно обоснованная истина. Борьба мнений — закон развития всякой науки, в том числе и военной.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что способы и формы вооруженной борьбы развиваются диалектически. Знание диалектики этого развития помогает командным кадрам успешно решать большие и ответственные задачи, поставленные Коммунистической партией перед Советскими Вооруженными Силами.

★

Глава VII

ПЛАНОМЕРНОСТЬ И ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ В ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЕ

В деятельности командиров всех степеней, в действиях войск огромную роль играют планомерность и целеустремленность. Обеспечить господство над противником в ходе боевых действий и добиться победы можно только при строгой целеустремленности, которая достигается выработкой стратегических, оперативных и тактических планов и их последовательным претворением в жизнь.

1. Выработка плана боевых действий войск — важнейшее направление мыслительной деятельности командира

Всякая сознательная деятельность людей осуществляется планомерно и направлена на достижение определенных целей. Это справедливо для любой сферы человеческой практики, в том числе и военной.

Планомерная деятельность всегда начинается с постановки целей и выработки соответствующих планов. Выработка планов — обширная и своеобразная область творческой духовной деятельности. Она неразрывно связана с теоретическим изучением хода событий и управляющих ими законов, всецело опирается на это изучение.

План представляет собой совокупность идей человека (людей), предваряющих предстоящую практическую деятельность. Каждая идея является результатом отражения объективной действительности и стремления человека изменить эту действительность. Идея выражает определенный замысел, который человек хочет осуществить своей деятельностью. В плане и формируются цели деятельности, а также определяются пути и средства их достижения.

Определяющий элемент плана — цель. Она начало плана и вместе с тем его конечный результат, ради которого план составляется, а затем осуществляется. Цель охватывает все стороны и разделы плана, все его содержание; она же является как бы руководящей идеей планомерной деятельности.

Понятие «цель» в определенном значении близко к понятию «предвидение», «прогноз»; как и предвидение, цель выражает будущее. Но между ними есть существенное различие. Предвидение указывает на то, что будет, что произойдет в будущем, цель — к чему необходимо стремиться. Поэтому цель не является простым прогнозом того, что должно возникнуть в будущем, хотя она всегда включает в себя предвидение. В то же время не всякое предвидение есть цель.

Цель выражает будущее, которое соответствует интересам, желаниям преследующих ее людей и не может наступить само по себе, а должно быть достигнуто активной деятельностью. В цели сливаются представление о желаемом будущем и активное стремление к нему. Следовательно, цель — это не что иное, как мысль, выражающая волю человека в борьбе за будущее.

Между целью и претворением ее в жизнь существуют порог, через который нужно переступить, расстояние, которое необходимо пройти, препятствия, которые требуется преодолеть, а в боевой обстановке — враг, сопротивление которого должно быть сломлено. Цели достигаются энергичной борьбой, нередко очень тяжелой. В конце целеустремленной деятельности получается тот реальный результат, который вначале существовал лишь идеально — в виде сознательно поставленной цели.

На практике цели обычно делятся на конечные, выражающие завершенность всего ряда действий, и ближайшие, последующие, дальнейшие, каждая из которых оз-

начает достижение лишь определенного этапа на пути к конечной цели.

Целям принадлежит главное место в планах боевых действий войск. Стратегические, оперативные и тактические планы определяют основные цели предстоящих операций (боев), а также этапы их осуществления в виде ближайших, последующих и дальнейших задач, последовательное осуществление которых обеспечивает достижение конечной цели. Так, целью плана наступления советских войск под Сталинградом в конце 1942 года были окружение и ликвидация крупной группировки немецко-фашистских войск между Волгой и Доном. В плане эта цель получила конкретное выражение в задачах основных этапов наступления: прорыв обороны противника и окружение его группировки северо-западнее и южнее Сталинграда; оперативное обеспечение «кольца окружения» нанесением ряда новых ударов и расширение этого «кольца»; создание внешнего кольца окружения; наконец, окончательное уничтожение окруженной вражеской группировки. В соответствии с этими задачами в плане определялась группировка советских войск. Благодаря последовательному осуществлению нашими войсками поставленных задач была блестяще достигнута конечная цель великой стратегической операции.

Таким образом, цели предстоящей деятельности, этапы достижения их, подготовка необходимых сил и средств, расстановка и применение их сообразно стоящим задачам, способы борьбы на каждом этапе — таковы важнейшие элементы плана.

Глубочайшей основой целеустремленной деятельности людей служит строгая детерминированность, то есть объективная закономерность и причинная обусловленность всех явлений в природе и обществе. Целеустремленность представляет собой осознанное выражение именно той причинной связи, в которой сам человек, используя создаваемые им средства, выступает в роли сознательно действующей силы и добивается желаемых результатов.

Идеалистическая философия, в особенности волюнтаристская, рассматривает цель как нечто самодовлеющее, не зависящее от действительности. Диалектический материализм, наоборот, считает, что цели, преследуемые людьми, порождаются реальной действительностью. Так,

цели мирового коммунистического движения представляют осознанное выражение решающей закономерности современной эпохи — объективной неизбежности перехода человечества от капитализма к социализму во всех странах. Великая сила этих целей состоит в том, что марксистско-ленинские партии выдвинули их на основе глубокого научного предвидения и в полном соответствии с объективными законами общественного развития организуют борьбу миллионов людей. Цели же, преследуемые империалистами, выражают интересы исторически гибнущего класса, противоречат объективному ходу развития общества, являются авантюристическими и в конечном счете неизбежно обречены на провал.

В идеальной форме цели предвосхищают то, чего нет в настоящее время и должно быть достигнуто в будущем. Противоречие между потребностями, желаниями людей и существующим положением вещей порождает неудовлетворенность и стремление разрешить это противоречие. «...Мир не удовлетворяет человека, — писал В. И. Ленин, — и человек своим действием решает изменить его»[1].

Цели планов операций, осуществленных Советской Армией в период Великой Отечественной войны, с объективной необходимостью обусловливались обстановкой на советско-германском фронте. Например, планы разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге с необходимостью вытекали из оперативно-стратегической обстановки, складывавшейся на этих участках фронта. Советское командование, опираясь на знание законов вооруженной борьбы, умело находило средства и пути достижения поставленных целей — разгрома врага.

В разработке эффективных планов боевых действий войск огромную роль играет научное предвидение.

Несмотря на большие трудности, связанные с предвидением действий противника, в ходе Великой Отечественной войны советское командование успешно разрабатывало оперативно-стратегические планы на строго научной основе, что обеспечивало успехи наших войск. В качестве примера возьмем план разгрома немецко-фашистских захватчиков под Курском летом 1943 года.

Известно, что, как ни старался враг сохранить в тайне

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 195.

замыслы своего наступления, они все же оказались своевременно разгаданными советским командованием. По данным разведки удалось установить не только направления намечаемых ударов, но и группировку сил, предназначавшихся для наступления, возможные резервы и сроки их прибытия, а затем и время начала наступления. Располагая этими данными, советское командование выработало план, основная идея которого состояла в том, чтобы в упорных оборонительных боях измотать и обескровить противника, перемолоть его резервы и тем самым создать благоприятные условия для перехода в контрнаступление. В соответствии с этим планом в течение трех месяцев возводились оборонительные сооружения. В пределах Курского выступа было создано несколько сплошных оборонительных линий с большим числом отсечных рубежей, а также построены дополнительные рубежи за пределами курского плацдарма. Курский выступ был превращен в своеобразный укрепленный район, насыщенный траншеями, минными полями, противотанковыми опорными пунктами и т. д. Планом предусматривалось доукомплектование действовавших соединений людьми и техникой, создание мощных резервов, расположенных на наиболее вероятных направлениях наступления противника. В тылу курского плацдарма был образован резервный Степной фронт.

Осуществление плана советского командования обеспечило победу наших войск в битве на Курской дуге.

Разрабатывая планы операций, наше командование стремилось предусмотреть контрмеры, которые может предпринять противник. Так, например, план наступления советских войск в сражении под Сталинградом, в частности, учитывал, что враг предпримет попытку ударами извне прорвать кольцо окружения. Поэтому планом предусматривалось осуществить меры, необходимые для парирования таких действий врага, в частности создание достаточно мощных резервов для отражения его ударов, в особенности из района Котельниково, и нанесение новых ударов (в районе Нов. Калитва, Монастырщина) для расширения кольца окружения и его прочного оперативного обеспечения. Благодаря осуществлению всех этих мер советские войска одержали замечательную победу в грандиозном сражении у берегов великой русской реки.

Познавательная и планирующая деятельность командиров и штабов осуществляется непрерывно. Уже в процессе выработки плана происходит сбор новых данных посредством разведки, дополнительной рекогносцировки и т. д. В ходе боевых действий решения и планы уточняются и конкретизируются, а если надо, то и изменяются сообразно изменившейся обстановке.

В ракетно-ядерной войне, если ее развяжут империалисты, боевые действия войск будут проходить в сложной обстановке, которая к тому же будет резко меняться. В этих условиях командирам необходимо будет, как никогда прежде, быстро реагировать на изменения в обстановке и в рамках общего замысла боевых действий принимать соответствующие решения.

Важнейшим условием эффективности планов боевых действий является соответствие поставленных в них целей имеющимся силам и средствам, ибо расхождения между целями, поставленными в плане, и имеющимися средствами для их достижения ведут к авантюризму и, как правило, к поражению.

2. Значение планомерности и целеустремленности в вооруженной борьбе

Планомерность и целеустремленность в действиях войск — одно из решающих условий успеха.

Многообразию действий войск планомерность и целеустремленность придают необходимое единство. Только благодаря им ежедневные действия войск выступают не как случайные, изолированные, одиночные акты борьбы, а как звенья единого процесса.

В. И. Ленин подчеркивал, что цель преодолевает раболепство перед ситуацией данного момента[1]. Она дает возможность подчинять обстоятельства нашей воле и ведет к коренному изменению обстановки, к достижению крупных побед.

Ход каждой войны можно представить как поступательное движение, развитие, как переход от одного этапа вооруженной борьбы к другому. Только планомерность и целенаправленность борьбы открывают войскам ясные

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 179.

перспективы, придают их действиям размах, решительность и уверенность. Они обеспечивают тесное и эффективное взаимодействие фронтов, армий, дивизий, полков и подразделений, а также различных родов войск и видов вооруженных сил. Без планов и целей нет единства воли и действий, а без этого невозможно достижение победы.

Особенно важны планомерность и целеустремленность боевых действий в войне с применением ракетно-ядерного оружия. Многообразие и сложность боевой техники, огромная разрушительная сила оружия, маневренный характер и быстротечность боев и операций, огромные пространства, на которых они развернутся, — все это и многое другое, как никогда прежде, повышает роль планирования и в то же время значительно усложняет его.

Первая и вторая мировые войны были длительными. В ходе их осуществлялся ряд стратегических кампаний. Каждая кампания состояла из нескольких крупных операций, в свою очередь складывавшихся из множества сражений и боев. Важнейшие политические и стратегические объекты, которые служили целями наступления сухопутных войск, прикрывались сплошными и сильно укрепленными фронтами, защищались плотным артиллерийским огнем. Поэтому достижение стратегических целей осуществлялось путем прорыва фронта обороны противника и сложного маневрирования подвижными войсками, вводившимися в прорыв и выходившими на оперативный простор.

Применение ракетно-ядерного оружия существенно изменит способы достижения стратегических целей. Уничтожение вражеских объектов, находящихся даже на огромных расстояниях от линии непосредственного соприкосновения войск воюющих сторон, будет осуществляться ядерными ударами. Основные стратегические цели будут достигаться «не путем последовательного уничтожения вооруженных сил противника на поле боя и овладения его территорией, а путем одновременного воздействия на наиболее уязвимые объекты на всей территории вражеских государств и важнейшие группировки их вооруженных сил» [1].

---

[1] Военная стратегия. Воениздат, 1963, стр. 296.

Ядерные удары будут наноситься по целям в зависимости от политических, экономических и непосредственно военно-стратегических соображений. Важнейшими целями ядерных ударов могут быть: стратегические ядерные средства противника; экономическая база войны; государственное и военное управление; группировки войск противника. Уничтожение этих целей может предрешить исход всей войны. Но это не исключает необходимости активных наступательных действий других видов вооруженных сил, призванных максимально использовать результаты ядерных ударов Ракетных войск стратегического назначения. «Будущая война может успешно вестись лишь в том случае, если все стратегические действия, все операции будут строго согласованы между собой на основе единого стратегического замысла или плана при едином централизованном руководстве и если они будут целеустремленно направлены на решение общих задач вооруженной борьбы» [1].

Планомерность и целеустремленность обеспечивают, с одной стороны, твердость и направленность в борьбе за поставленные цели, а с другой — маневренность и гибкость действий, использование разнообразных форм борьбы. Только последовательная целеустремленность в руководстве боевыми действиями войск может предохранить от такой опасной на войне ошибки, как «потеря курса».

История войн знает немало таких ошибок. Классическим примером являются действия германских войск на Западном фронте в 1914 году. Наступавшие во Франции германские армии нарушили предусмотренное планом Шлиффена направление движения и вместо обхода Парижа с запада и юга вышли восточнее. Произошло так потому, что не было твердого целеустремленного руководства. Командующие армиями ради достижения тактических успехов игнорировали стратегические задачи. В результате немцы не только не достигли стратегической цели, но, поставив свой правый фланг под удар французов, в битве на Марне понесли серьезное поражение.

Неуклонное стремление к достижению решительных целей требует твердости и выдержки в преодолении

---

[1] Военная стратегия, стр. 377.

трудностей и препятствий, гибкости и маневренности действий, быстрой смены приемов и способов борьбы в зависимости от изменения условий.

Отсутствие плана неминуемо ведет к распылению сил, к действию вразброд, исключает согласованные во времени и пространстве концентрированные усилия войск. Это наглядно проявилось, например, в действиях англо-французских, польских, бельгийских, голландских и норвежских войск против гитлеровских армий в 1939—1940 годах. В совокупности эти войска представляли значительную силу, способную успешно противостоять немецко-фашистскому вермахту. Однако территориально, политически и стратегически они были разобщены, и даже англо-французские войска, связанные союзническими обязательствами, не имели единого плана действий. Воспользовавшись этим, гитлеровские войска поодиночке разгромили и оккупировали Польшу, Данию, Норвегию, Голландию, Бельгию, а затем и Францию. Под угрозой вторжения немецко-фашистского вермахта оказалась и Англия.

И ныне агрессивные силы во главе с США предпринимают огромные усилия, чтобы упрочить военно-политическую коалицию империалистических государств для борьбы против социалистических стран и национально-освободительного движения. Однако между странами агрессивных блоков существуют экономические, политические и другие противоречия, которые неизбежно ослабляют эти блоки. Пентагону удается навязывать НАТО свои военно-стратегические планы. Вместе с тем западногерманские милитаристы выступают со своими планами и оказывают все более заметное влияние на военное планирование НАТО.

В последнее время особую позицию по важнейшим вопросам военной политики и стратегии заняла Франция. Неудовлетворенное своим неравноправным положением в империалистическом блоке, французское правительство решило вывести свои войска из подчинения командованию НАТО.

Полную противоположность агрессивным империалистическим коалициям представляет военное содружество социалистических стран, которое нашло свое наиболее полное выражение в Организации Варшавского Договора. Основанное на новом типе отношений, это содружество

отличается невиданным в истории единством политических и военно-стратегических целей. Справедливые и возвышенные цели вдохновляют воинов социалистических стран на самоотверженный ратный труд в мирное время и на подвиги в войне, если она будет развязана империалистами.

Планомерность и целеустремленность действий войск необходимы как в стратегическом, так и в оперативно-тактическом масштабе. Тактические и оперативные успехи приносят большие и прочные результаты лишь в том случае, если достигнуты крупные стратегические цели. Разрыв между оперативно-тактическими успехами и стратегическими целями создает весьма рискованную обстановку, нередко кончающуюся катастрофой. Именно в такое положение неоднократно попадали немецко-фашистские войска вследствие авантюристического характера германской стратегии.

Так, в 1941 году главной стратегической целью наступления немецко-фашистских войск была Москва. В ходе наступления враг добился серьезных тактических и оперативных успехов. Однако упорное сопротивление советских войск помешало им закрепить эти успехи. В результате под Москвой враг оказался в невыгодном для него стратегическом положении. Истощение сил немецко-фашистских войск, растянутый фронт наступления, слабые фланги и т. д. — все это создало благоприятные условия для перехода советских войск в контрнаступление.

Планомерность и целеустремленность в руководстве боевой деятельностью войск — необходимое условие решительных наступательных действий.

Уставы многих буржуазных армий провозглашают наступление важнейшим принципом военного искусства. Однако очень часто на практике этот принцип остается лишь декларацией. Так, во второй мировой войне французское военное командование фактически придерживалось доктрины пассивной позиционной обороны, рассчитывая отсидеться за линией Мажино. Наступательные операции английской и американской армий во второй мировой войне также велись, как правило, вяло и преследовали весьма ограниченные цели.

Конечно, необходимо учитывать определяющее влияние на действия англо-американских войск во второй ми-

ровой войне политики правящих кругов США и Англии. Как известно, они стремились к тому, чтобы в борьбе с гитлеровской Германией как можно больше был обескровлен Советский Союз. В то же время правящие круги США и Англии рассчитывали сохранить свои силы для того, чтобы в послевоенный период диктовать условия Советскому Союзу и другим странам. Политика затягивания войны определила и соответствующую стратегию.

Советское военное искусство исходит из того, что только наступательными действиями можно разгромить силы врага, занять его территорию, жизненно важные политические, экономические, стратегические центры и принудить к капитуляции. Только подчинив боевые действия войск достижению решительных целей, можно осуществлять сокрушающие врага наступательные операции. Признавая оборону одним из важных способов ведения боевых действий, советское военное искусство последовательно проводит принцип подчинения ее целям наступления.

Планомерность и целеустремленность ведения вооруженной борьбы оказывают огромное моральное воздействие на войска. При этом решающее значение имеют политические цели, ради которых ведется война. Если войска убеждаются в несправедливости целей войны, то у них резко падает моральный дух, дисциплина, боеспособность. Несправедливая война деморализует войска, подрывает их волю к борьбе и победе, лишает возможности выдержать длительное напряжение в единоборстве с упорным и сильным противником. Напротив, сознание справедливости целей войны умножает энергию, храбрость, наступательный дух воинов, порождает стремление во что бы то ни стало разгромить противника и добиться победы. Моральный дух армии, ведущей освободительную войну, выступает фактором гигантской силы.

Упорство и стойкость советских воинов были одним из решающих факторов, обеспечивших коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Выдержав исключительное напряжение, перемолов в тяжелых оборонительных сражениях лучшие силы гитлеровской армии, советские войска затем перешли в решительное наступление и разгромили врага.

Порожденный политическими целями справедливой войны высокий и стойкий моральный дух воинов дает возможность командованию выдвигать перед войсками большие стратегические и оперативные цели. Так, учитывая, в частности, высокое моральное состояние войск, стоявших на курском плацдарме, советское Верховное Главнокомандование приняло смелый план разгрома врага, несмотря на то, что предстояло выдержать удар более трех тысяч его танков. С учетом морально-боевых качеств советских войск были выдвинуты планы сокрушающих ударов по немецко-фашистским силам, осуществленные в 1944 и 1945 годах. Как известно, эти планы отличались смелостью замысла и решительностью целей. В свою очередь выдвижение решительных наступательных целей и далеко идущих смелых планов усиливает энтузиазм войск, укрепляет их волю к борьбе и разгрому врага. Еще более значительную роль играет достижение этих целей, знаменующее успешное завершение длинного ряда сложных и трудных действий. Победа не только вызывает огромную радость, но и вселяет твердую уверенность в успехах в будущем, вызывает прилив моральных и физических сил, усиливает стремление нанести новые, все возрастающие удары по противнику вплоть до полной победы над ним.

Основными методологическими требованиями, предъявляемыми к командирам и штабам для обеспечения планомерности и целеустремленности боевых действий войск, являются, во-первых, изучение непрерывно меняющейся боевой обстановки, возникающих в ней реальных противоречий и прежде всего сил и замыслов противника. Планы служат основой успешной боевой деятельности войск лишь в том случае, если исходят из реальной обстановки и соответствуют объективным законам вооруженной борьбы. В мирное время необходимо тщательно изучать вероятных противников, их вооружение, боевую технику, способы боевых действий.

Во-вторых, необходимо соблюдать строгую подчиненность тактических планов оперативным, а оперативных — стратегическим. Это обеспечивает строгую целеустремленность в боевых действиях войск, централизацию и твердость руководства и служит важным условием правильного использования сил и средств.

В-третьих, в планировании боя, операции, кампании

и войны в целом необходимо исходить из диалектического единства целей и средств. Поставленные в плане цели должны соответствовать имеющимся силам и средствам. При неблагоприятно сложившемся соотношении сил необходимо добиваться изменения его в свою пользу.

В-четвертых, в условиях современной маневренной войны особая роль принадлежит творческому планированию, свободному от шаблона и представляющему простор для проявления разумной инициативы командирами-исполнителями в рамках поставленных им задач.

★

Глава VIII

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМАНДИРА

1. Боевая обстановка как объект познания командира

Основой управления войсками в бою или операции служит решение командира. Это решение и соответствующий ему план боевых действий являются продуктом сложного познавательного процесса.

Объектом познавательной деятельности командира выступает прежде всего боевая обстановка. Ее основными элементами являются: количество и качество своих войск и войск противника; группировки и действия противоборствующих сторон; особенности пространственного и временного размаха боевых действий; экономические, географические и метеорологические особенности театра военных действий и т. д. В определенных условиях каждый из этих элементов может стать активным фактором, способным изменить ход событий, направление и исход боевых действий.

Изучить обстановку — значит определить влияние каждого ее элемента в отдельности и всех вместе на выполнение боевой задачи, а также установить, что нужно сделать для устранения или ослабления влияния отрицательных факторов. Собственно, это и составляет главную цель познавательной деятельности командира в процессе выработки и принятия боевого решения.

Боевая обстановка, как правило, крайне противоречи-

ва, динамична, изменчива; но она не хаос, а комплекс взаимодействующих реальных явлений и процессов, подчиненных объективной причинно-следственной зависимости и закономерному развитию. Поэтому на основании некоторых фактов или явлений можно заключать о вызывающих их причинах. Таким образом, можно не только объяснить сложную взаимосвязь процессов и явлений, но и раскрыть тенденции развития боевой обстановки и всего хода вооруженной борьбы.

Подлежащие анализу данные об обстановке никогда не бывают полными. Опыт управления войсками в ходе Великой Отечественной войны свидетельствует о том, что при ведении высокоманевренных боевых действий даже начальники оперативно-стратегического звена не всегда имели точные сведения о силах, средствах и намерениях противника.

В ракетно-ядерной войне, видимо, нередко будет и так, что командиру придется действовать в отрыве от основных сил и некоторое время не иметь вообще никакой информации. Однако неполнота сведений об обстановке, как подчеркивается в наших уставах, не освобождает командира от своевременного принятия решения.

Необходимо также учитывать, что данные об обстановке чрезвычайно быстро стареют: добытые сегодня, завтра они уже могут оказаться непригодными. Командир должен постоянно заботиться о получении новых сведений. Но даже и при отсутствии их он обязан действовать быстро и решительно, исходя из тех данных об обстановке, которыми располагает.

Великая Отечественная война знает много примеров, когда командиры и военачальники проявляли высокую инициативу и активность в организации разведки и наблюдения в интересах систематического обновления и пополнения сведений о противнике, проявляли смелость и творчество. Нередко, идя на оправданный риск, они навязывали свою волю противнику и обеспечивали успешное выполнение боевых задач. Характерным в этом отношении является пример деятельности командира 1-го стрелкового батальона 37-й дивизии капитана Г. Д. Чепинога в январе 1944 года в ходе Новгородско-Лужской операции.

Командир дивизии приказал командиру батальона скрытно пройти через передний край в тыл противника

и к 7 часам 19 января уничтожить его в опорном пункте Старая Мельница. К моменту получения приказа капитан Чепинога не располагал достоверными, а тем более полными данными о системе обороны противника в опорном пункте. Но он принял все возможные меры, чтобы выяснить обстановку, в условиях которой предстояло решать боевую задачу. За сравнительно короткий срок была организована разведка местности и установлен наиболее надежный путь прохода к опорному пункту противника. Для получения данных о заграждениях и системе обороны противника в район переднего края была выслана разведка в составе взвода автоматчиков, усиленная взводом станковых пулеметов. Командиру батальона стало известно, что внимание противника приковано к действиям других наших частей на северо-западе Старой Мельницы.

К 5 часам 30 минутам утра 19 января батальон вышел в район юго-восточнее поселка Старая Мельница. К этому времени с помощью разведки и дозоров командир получил новые данные о противнике, которые тщательно проанализировал. Всесторонне оценив боевую обстановку, он принял решение: коротким минометным налетом уничтожить выявленные огневые средства опорного пункта противника, затем всеми силами атаковать его с востока и юго-запада, уничтожить и закрепиться в поселке Старая Мельница, заняв круговую оборону. Это решение было выполнено. Выход батальона в тыл противника помог 37-й дивизии во взаимодействии с другими соединениями успешно решить задачу окружения и уничтожения группировки противника, оборонявшей Новгород[1].

Командир особенно глубоко изучает те элементы боевой обстановки, которые в данных условиях непосредственно воздействуют на ход боевых действий и либо благоприятствуют достижению цели, либо, наоборот, затрудняют выполнение поставленной задачи, которые позволяют правильно оценить общее состояние своих сил и сил противника, учесть количество ракетно-ядерного оружия и возможность его применения, организовать наиболее целесообразное взаимодействие различных родов войск в

---

[1] См. сборник «Боевые действия стрелкового батальона». Воениздат, 1957, стр. 92—97.

наступлении и обороне. В современном бою побеждает тот, кто в предельно короткий срок глубоко и всесторонне уяснил соотношение сил, рассчитал возможности сторон и первым нанес удар по противнику.

В интересах выработки обоснованного решения применяются проверенные практикой специальные методы изучения боевой обстановки: наблюдение и разведка, сравнительный метод, экспериментальное проигрывание боевых действий на командно-штабных учениях или на кибернетических устройствах и другие.

В познании объективных причинных связей явлений и процессов обстановки особая роль принадлежит новым специальным математическим методам и техническим средствам познания.

Непременное условие глубокого изучения командиром боевой обстановки — сознательное **применение методологических принципов теории познания диалектического материализма** (принципов марксистско-ленинской гносеологии): принципа объективности, принципа всесторонности рассмотрения и принципа развития.

При анализе и оценке обстановки командир должен быть предельно объективным, видеть ее такой, какой она есть. Лишь объективно оценив обстановку, командир может подчинить ход событий своей воле, интересам победы. Требование объективности — исходное методологическое положение в оценке соотношения сил и средств противоборствующих сторон.

В ракетно-ядерной войне объективность оценки обстановки приобретает исключительное значение, ибо субъективизм в определении соотношения сил и боевых средств массового поражения неотвратимо ведет к трагическим последствиям. В такой войне объективность оценки обстановки во многом будет зависеть от волевых качеств командира, его способности к самообладанию, от навыка трезво взвешивать все обстоятельства и находить правильные решения.

Принцип объективности органически связан с принципом всесторонности анализа. О силах и возможностях противника, о состоянии своих частей и подразделений нельзя судить по отдельным фактам, надо брать все факты в их взаимосвязи и взаимозависимости. Лишь в результате всестороннего анализа сложный комплекс явлений и процессов боевой обстановки предстает как законо-

мерное целое, взаимодействующее в своих составных частях, элементах. Лишь всесторонний анализ дает возможность выяснить, какие из взаимодействующих элементов обстановки играют определяющую роль, за какое «звено» нужно ухватиться, чтобы овладеть всем ходом событий. Всесторонний анализ обстановки особенно необходим в бою с применением ракетно-ядерного оружия и других новейших средств вооруженной борьбы.

Принцип всесторонности анализа тесно связан с принципом развития как основным методологическим положением теории познания диалектического материализма.

Поскольку обстановка боевых действий характеризуется большой динамичностью, обоснованное решение командира на бой, операцию и гибкое управление войсками в ходе боевых действий возможны лишь на основе познания тенденций развития конкретной обстановки.

Боевая обстановка никогда не повторяется; изменение ее элементов создает новую оперативно-тактическую ситуацию. На каждом этапе развития обстановки в бою возникают свои неповторимые особенности, которые требуют соответствующих способов и средств боевых действий. Как подчеркивал М. В. Фрунзе, в каждом отдельном случае «искусство командира проявится в умении из многообразия средств, находящихся в его распоряжении, выбрать те, которые дадут наилучшие результаты в данной обстановке и в данное время» [1].

Принимать оригинальные решения, вырабатывать планы действий, соответствующие конкретным условиям сложившейся обстановки, уверенно, гибко и непрерывно управлять войсками может только диалектически мыслящий командир. Он должен настойчиво и целеустремленно осуществлять принятые решения, преодолевая все препятствия на пути к достижению цели. В то же время командиру необходимо систематически уточнять план боевых действий, порой коренным образом менять его, если обстановка сильно изменилась. Все это требует гибкости мышления, способности раскрывать противоречивые стороны явлений.

В ракетно-ядерной войне командир сможет успешно действовать только в том случае, если будет своевременно обнаруживать и правильно разрешать противоречия

---

[1] М. В. Фрунзе. Избр. произв., т. II. Воениздат, 1957, стр. 47.

боевой обстановки, умело маневрировать силами и средствами. Для этого он должен находиться в состоянии интеллектуальной активности, инициативы и готовности к решительным действиям. Гибкость мышления вырабатывается в процессе оперативно-тактической подготовки еще в мирное время. Поэтому на занятиях в кабинетах и на местности, при решении задач на картах в ходе командно-штабных игр, а особенно в ходе учений и маневров, офицер должен ставиться в условия, максимально приближенные к боевым.

Таким образом, творческое применение методологических принципов помогает правильно оценить боевую обстановку, установить закономерные связи между ее элементами, выработать боевое решение и организовать его выполнение.

2. Роль чувственного и логического познания в выработке решения

Познание в любой области, в том числе и при изучении боевой обстановки, начинается с непосредственного отражения действительности в ощущениях.

Находится ли командир на местности, производя рекогносцировку перед боем или операцией, наблюдает ли район боевых действий лично или выслушивает доклады специалистов штаба, работает ли над картой, уточняя обстановку, или изучает сводку о расположении, действиях и намерениях противника, организует ли боевое взаимодействие своих сил с соседями на флангах, — он получает много зрительных, слуховых и других ощущений. Из этих ощущений формируются **чувственные образы** и картина обстановки боевых действий. В одних случаях эти образы возникают в сознании в результате непосредственного возбуждения органов чувств, в других — на основе воспроизведения памятью тех явлений и боевых ситуаций, которые встречались в прошлом.

Командиры имеют в своем распоряжении новейшие приборы, системы наблюдения, разведки, связи и оповещения, позволяющие значительно расширить область чувственного восприятия боя, операции. Командиры подразделений, частей, а также командиры дивизий, части которых действуют в первом эшелоне, могут непосред-

ственно воспринимать боевую обстановку и лично оказывать влияние на ход боя. Отсюда понятно стремление военачальников находиться поближе к линии фронта.

По мере усложнения боевых действий органы чувств командира как бы отстраняются от объектов познания. В современном бою все большее значение приобретают чувственные образы, основанные не на живом, непосредственном созерцании поля боя, а на восприятии показаний приборов, выслушивании докладов офицеров штаба, чтении донесений и т. д. Наряду с данными, полученными в результате личного наблюдения, командиры широко используют сведения из самых различных источников: данные разведки, сообщения о действиях соседей, доклады с постов наблюдения и оповещения, показания пленных, местных жителей и т. п. Эти данные, проходя различные ступени информации, нередко искажаются, «стираются». Вот почему командир должен стремиться установить достоверность сведений, надежность их источника. Конечно, в современном бою командир не всегда сможет проверить достоверность источника и характер полученных сведений, и это вынудит его идти на риск. Но когда есть возможность, необходимо проверять и тем самым повышать обоснованность боевого решения.

В изучении и оценке боевой обстановки чувственному познанию командира принадлежит большая роль. Но в чувственных образах отражаются лишь внешние стороны предметов. Поэтому такие образы односторонни, поверхностны и неизбежно ограниченны. Обусловлено это тем, что сущность изучаемых предметов не совпадает с их внешними проявлениями, которые отражаются в ощущениях. Вот почему только через чувственное восприятие нельзя познать сущность предметов, процессов, закономерный ход событий. Однако ограниченность чувственного восприятия нельзя понимать как выражение принципиального порока органов чувств. Чувственное познание дает нам истинную картину, хотя и внешней стороны действительности.

Чувственное познание неспособно сделать главного — установить причинную зависимость явлений обстановки и представить ее как закономерный процесс. А без этого невозможно правильно оценить обстановку и принять обоснованное решение. Чувственное познание не может

показать командиру ряд моментов, имеющих решающее значение для характеристики боевой обстановки как единого целого, например характер настроения местного населения в районе проведения десантной операции или политико-моральное состояние войск противника. Эти и другие явления, скрытые от непосредственного чувственного познания, могут быть познаны лишь на основе **логического мышления.**

Логическое мышление — высшая ступень познания. Оно дает возможность проанализировать и обобщить фактические данные и сведения, осмыслить и понять «язык фактов», проникнуть в их содержание, раскрыть внутреннюю логику их развития, существенные связи и отношения.

Оценка боевой обстановки не сводится к ее описанию, она предполагает познание глубокой связи между наблюдаемыми явлениями, раскрытие тенденций их движения, закономерного развития всего комплекса явлений и поиск возможностей изменения их в нужном направлении. Короче говоря, оценить боевую обстановку — значит установить причинно-следственные связи всех ее элементов и их влияние на решение боевой задачи.

Только на основе логического мышления командир в состоянии понять, например, диалектическую взаимосвязь между сосредоточением сил и средств для нанесения удара на избранном направлении и необходимостью их рассредоточения в целях защиты от оружия массового поражения. Лишь логическим мышлением можно вскрыть противоречия современных боевых действий, с которыми встречается командир при выработке боевого решения. Это противоречия между необходимостью сосредоточения сил на направлении главного удара и опасностью ослабления других участков боевых действий, между потребностью в силах и средствах для проведения боя или операции и наличными силами и средствами, между имеющимися данными о противнике и его реальным составом и другие.

Как уже отмечалось, в боевых условиях обстановка часто бывает недостаточно ясной, а сведения о ней отрывочны и малодостоверны. Нередко по скупым, отрывочным данным командир должен определить причинные связи явлений, представить цельную картину сложившейся обстановки и быстро принять боевое решение.

В таких случаях особенно ценны обобщенные знания, получаемые путем логического мышления.

Мышление командира в процессе оценки обстановки и принятия решения не может быть сведено к одному какому-либо логическому приему или способу. Здесь, как и во всяком познании, применяются многообразные логические приемы и способы: **анализ и синтез, абстрагирование и обобщение, аналогия, индукция и дедукция, гипотеза** и другие.

Логическое мышление командира в оценке обстановки и в выработке боевого решения начинается с анализа. Только логическим анализом командир может выделить существенные явления, определить необходимые связи и отношения многосторонней действительности. Анализ служит предпосылкой познания этих связей, изучения обстановки боевых действий в изменении и развитии. Материалом для него служат информационные данные и полученные из различных источников сведения. По своей значимости эти сведения неравноценны. Задача командира — отобрать главное. В современных боевых действиях главным и существенным, что необходимо в первую очередь выделять в процессе логического анализа, является ракетно-ядерное оружие, а также силы и средства его обеспечения.

Конкретный анализ вовсе не предполагает изучения всех сторон каждого явления. Для этого в условиях боя не будет ни надобности, ни времени. Анализируя, командир охватывает главное, играющее решающую роль для достижения цели. Этому и служит логическое абстрагирование. В известном смысле все аналитическое знание командира есть результат отвлечения мысли от несущественного и познания существенного, основного.

Значение абстрагирования состоит в том, что после отбора главного мысль возвращается к предмету познания уже не в прежнем виде, а значительно обогащенной. В результате анализ становится более глубоким и всесторонним. Например, выделив в ходе анализа фактических данных обстановки сведения о главных силах противника в обороне, командир суммирует эти данные и получает обобщенное знание о противнике. Суммирование осуществляется посредством логического приема — синтеза. Синтез дополняет анализ, обогащает мышление командира знанием обстановки как единого целого.

С помощью синтеза выявляются особенности взаимодействия важнейших элементов обстановки: группировки противоборствующих сторон, их вооружение и боевая техника, качественное состояние войск, условия местности и т. д.

Следующим наиболее важным звеном в логическом мышлении командира является установление причинно-следственных связей между элементами обстановки и ходом боевых действий.

Причинность — одна из основных всеобщих форм объективной связи между предметами, явлениями и процессами реальной действительности; она служит ключом к познанию закономерностей развития обстановки и хода боевых действий. Раскрыть внутренние причинные связи элементов обстановки — важнейшая и нелегкая задача. При этом трудность заключается в том, что одно и то же явление может быть вызвано различными причинами, действующими порознь или в совокупности. Кроме того, одни и те же причины в различных условиях действуют по-разному, вызывают различные следствия. И наконец, на причину может оказывать обратное действие порождаемое ею следствие.

При оценке обстановки командиру приходится умозаключать или от следствия (известного факта) к породившей его причине, или, наоборот, от известной причины к определяющемуся ею следствию. В первом случае, когда необходимо установить причину известного явления, требуются более сложная умственная деятельность и разнообразные методы решения. Основным из них является индуктивное умозаключение, то есть движение мысли от частных фактов к более общим выводам о причине, способной породить их в определенных условиях. Например, из фактов, указывающих на активизацию радиообмена противником, полученных от различных видов разведки, командир умозаключает о причине, которой, как показывает опыт, является переход противника к активным боевым действиям. Выводы эти строятся на эмпирическом материале, в боевой обстановке всегда ограниченном, и потому носят вероятностный характер, нуждаются в дальнейшей тщательной проверке.

В таких выводах широко применяется метод аналогии. Командир сравнивает отдельные явления с теми ситуациями, в которых ему уже приходилось решать сход-

ные боевые задачи. Нередко обнаружение сходного признака в явлениях или в действиях противника, одни из которых уже нашли свое причинное объяснение, наводит на мысль о сходстве источников их происхождения, сходстве причин. Например, по сходству маневрирования корабля-ракетоносца при отражении атак авиации и подводных лодок в двух различных учениях командир заключает о сходстве системы организации противовоздушной и противолодочной обороны. С логической стороны такое уподобление причин по их следствиям представляет собой умозаключение по аналогии. Выводы этих умозаключений являются вероятностными.

В процессе выработки решения и организации боевых действий командиру часто приходится строить различного рода предположения, или гипотезы, о причинной обусловленности того или иного явления. Так, получив сведения о том, что противник предпринял маневр отхода, командир может сделать по крайней мере два предположения: или противник стремится улучшить свои позиции ценой временной потери некоторой территории, или перегруппировывает силы для действия на другом направлении. Несмотря на строгий лимит времени, командир проверяет свои предположения наблюдением и с помощью всех видов разведки, вплоть до разведки боем. Получив подтверждение одного из предположений, он тем самым познает причину данного явления и делает соответствующий вывод.

Для проверки гипотезы применяется не только индуктивное, но и дедуктивное умозаключение, когда мысль движется от предположительной причины к тому факту, который необходимо объяснить. Дедукцией пользуются и в случае, если по известной причине нужно установить характер вытекающих из нее следствий. Познав закономерную связь различных элементов обстановки, командир умозаключает о намерениях противника, направлении и способах его действий. А от того, насколько глубоко разгадан замысел противника, определены его группировка и боевые возможности, во многом зависит и способ действий наших войск.

Путем дедукции командир делает обычно и заключительный вывод о характере боевых действий своей части или соединения. Общей посылкой при этом служат законы, принципы и правила военной науки, а также обоб-

щенный опыт управления войсками. Выдвинув в качестве общей посылки уставные положения или опытные знания, командир сопоставляет с ними факты конкретной обстановки и, учтя ее особенности, делает вывод о характере дальнейших боевых действий. Этот конкретно обоснованный вывод выражается в замысле решения.

При соблюдении определенных правил логического мышления с помощью дедукции можно получить заключение, содержащее истинное знание. «Если наши предпосылки верны и если мы правильно применяем к ним законы мышления,— писал Ф. Энгельс,— то результат должен соответствовать действительности...» [1]. Преимущество дедуктивного вывода состоит в его достоверности.

Принципы диалектического метода, логические приемы и способы правильного мышления помогают обеспечить принятие обоснованного решения. Это решение оформляется в виде боевого приказа.

В решении командира всегда есть элементы предположения, например, о составе основной группировки противника, его замыслах, об изменениях погодных условий и т. д. Эти предположения, как правило, не остаются неизменными: они зависят от тех противоречивых изменений обстановки, которые совершаются в ходе боевых действий. Оценки и выводы командира представляют собой относительно истинное знание, то есть знание о совокупности явлений и процессов боевых действий в данных конкретных условиях, в определенное время боя или операции. Будучи отражением определенной системы фактов в их связях и тенденциях развития и представляя собой результат конкретного анализа конкретной ситуации, боевое решение и соответствующий боевой приказ командира служат руководством для действия войск.

Изучая и оценивая обстановку, необходимо глубоко проникнуть в закономерности ее развития и как можно точнее отразить их в боевом решении. К этому должен стремиться каждый советский командир, неустанно повышая свои военные знания и культуру логического мышления.

Познание всех элементов обстановки в их причинной связи и взаимообусловленности служит необходимой предпосылкой выработки решения — творческого процес-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 629.

са, в котором большую роль играют воображение и интуиция.

Воображение — это создание новых образов в сознании человека. Оно совершается путем творческого преобразования различных чувственных представлений и опытных знаний. Воображение тесно связано с логическим мышлением и развивается одновременно с ним в процессе познания. Логически развитому мышлению соответствуют и наиболее яркие образы воображения. Это экспериментально доказано психологией и подтверждается жизнью, в том числе познавательной практикой командиров.

Развитое творческое воображение крайне необходимо командиру, ибо весь мыслительный процесс уяснения задачи и оценки обстановки связан с воображением. Командир стремится представить себе картину планируемого боя или операции во всех возможных вариантах: предвидит различные боевые ситуации, возможные контратаки противника, их направление, внезапно ожившие огневые точки, разрушения и потери от применения оружия массового поражения и т. д. Воображение помогает ярче отобразить существенные стороны боевой обстановки, предвидеть тенденции и характер ее изменения.

В процессе выработки решения большую роль играет интуиция. «Для того чтобы быть хорошим стратегом, — говорил М. В. Фрунзе,— одинаково как в области чистой политики, так и в военном деле, необходимы особые, специфические качества. Самым важным из них является так называемая интуиция, способность быстро разобраться во всей сложности окружающих явлений, остановиться на самом основном и на основании учета этого основного наметить определенный план борьбы и работы» [1].

Буржуазные философы, психологи и военные деятели рассматривают интуицию либо как особую форму познавательной деятельности, либо как мистическую способность познания, несовместимую с логикой и жизненной практикой. Так, Клаузевиц противопоставлял интуицию полководца обычным процессам мышления и критическим суждениям разума. «...Умственная деятельность здесь (на войне.—*Ред.*),— писал он,—покидает область строгого знания — логики и математики — и превращается в и с к у с с т в о в более широком смысле этого слова, т. е. в умение интуитивно выбирать из бесчисленного множества пред-

[1] М. В. Ф р у н з е. Избр. произв., т. II, стр. 198.

метов и обстоятельств важнейшие и решающие»[1]. По мнению Клаузевица, мгновенное озарение — вот главное в умственной деятельности командира. Этой точки зрения придерживаются многие буржуазные военные теоретики, находящиеся в плену субъективизма, склонные сводить всю умственную деятельность командира и военачальника к интуиции.

Только с позиций диалектического материализма можно научно объяснить сущность интуиции, правильно определить ее место и роль в познании боевой обстановки и творческой деятельности командира. Интуиция — это продукт большого опыта и напряженной работы интеллекта, а не особый способ умственной деятельности, противостоящий логическому мышлению.

В условиях высокоманевренных боевых действий значительно возрастает роль творческой интуиции. Электронно-вычислительная техника не подменяет мышления командира и не умаляет его способности принимать интуитивные решения. Развитие этой способности зависит от боевого опыта командира и его культуры логически мыслить, на совершенствование которой нужно обращать самое серьезное внимание.

Таким образом, выработка боевого решения и организация боевых действий войск основывается на глубоком и всестороннем познании закономерных связей, явлений и процессов боевой действительности. Это познание осуществляется логическим мышлением командира на основе чувственных, опытных данных с применением всех современных, в том числе и математических, способов обработки их и получения обобщенных выводов. Руководствуясь методологическими принципами познания и применяя логические методы, командир обобщает фактические данные и сведения и глубоко проникает в сущность закономерных связей обстановки.

Чтобы правильно оценивать боевую обстановку, необходимо мыслить диалектически. Диалектическое мышление — не природный дар, а результат упорного труда, овладения марксистско-ленинской методологией. Успешное совершенствование деловых качеств командиров предполагает систематическое повышение их философской культуры, овладение марксистско-ленинской методологией.

---

[1] К. Клаузевиц. О войне. Т. II. Воениздат, 1941, стр. 304—305.

★

Глава IX

ИСТИНА В ВОЕННОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

Теория и практика военного дела неразрывно связаны с познанием, которое совершается как в научно-исследовательской, военно-теоретической работе, так и в повседневной деятельности личного состава армии и флота, в особенности командиров и военачальников, офицеров штабов.

Цель познания — установить истину, то есть правильно отразить в сознании изучаемые предметы и явления объективной действительности.

Нахождение истины — диалектический процесс, отличающийся сложностью и противоречивостью. И сама истина многогранна. Каждая истина объективна, конкретна и представляет диалектическое единство относительного и абсолютного моментов в познании.

Положения марксистско-ленинской философии об объективной, абсолютной, относительной, конкретной истине и о практике как критерии истины имеют исключительно важное методологическое значение.

1. Объективная истина в военной науке и практике

Теория познания диалектического материализма доказала, что наука — это система законов, понятий и теорий, адекватно отражающих реальную действитель-

ность и благодаря этому имеющих практическое значение. «Основная черта материализма,— писал В. И. Ленин,— именно та, что он *исходит* из объективности науки, из признания объективной реальности, отражаемой наукою...» [1]

Под **объективной истиной** марксистская философия понимает такое содержание знаний, которое соответствует объективной действительности и не зависит от желаний и воли людей. В. И. Ленин подчеркивал, что объективно истинные знания имеют «такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества» [2].

Будучи объективной по содержанию, истина субъективна по форме, поскольку является результатом познавательной деятельности людей. Как познавательный образ, истина существует в человеческом сознании и выражается в понятиях, суждениях, умозаключениях, теориях и других формах познания, которые отражают объективную действительность такой, какой она существует вне нас и независимо от нашего сознания.

В. И. Ленин настойчиво призывал к трезвому, верному отражению действительности. «...Только тогда мы научимся побеждать, — говорил В. И. Ленин, — когда мы не будем бояться признавать свои поражения и недостатки, когда мы будем истине, хотя бы и самой печальной, смотреть прямо в лицо... Нашей силой была всегда способность учитывать действительные соотношения и не бояться их, как бы они ни были нам неприятны» [3].

Методологическое значение принципа объективной оценки велико для любой науки, в том числе и военной, а также для практической деятельности военных кадров. Только при безусловном выполнении этого методологического требования возможна успешная деятельность военачальников всех степеней. Планы боевых действий войск и решения командиров могут быть эффективными только в том случае, если основываются на правильной оценке обстановки и полностью соответствуют имеющимся силам и средствам.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 312.
[2] Там же, стр. 123.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 309, 310.

Нарушение принципа объективной оценки, трезвого учета обстановки неизбежно ведет к серьезным просчетам и неудачам. И чем выше звено военного командования, тем опаснее последствия, к которым приводят нарушения этого принципа. Известно, какие тяжелые последствия для наших Вооруженных Сил и всей страны имели просчеты и проявление субъективизма в оценке политической и стратегической обстановки накануне нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Крупные просчеты субъективистского характера были допущены в оценке обстановки и планировании военных действий летом 1942 года на южном участке советско-германского фронта.

В условиях ракетно-ядерной войны последствия просчетов могут стать неизмеримо более опасными и губительными, чем в прошлых войнах. Поэтому необходимо сделать все, чтобы исключить их.

Борьба партии за полное преодоление последствий культа личности, против проявлений субъективизма и волюнтаризма во всех звеньях партийного и государственного руководства помогает решить также и эту задачу. Необходимо воспитывать наши кадры в духе уважения к объективной истине, в духе постоянного стремления к ней и нетерпимости к субъективизму.

В классово-антагонистическом обществе субъективизм имеет глубокие социальные, прежде всего классовые, корни. Буржуазия, как обреченный, исторически гибнущий класс, не заинтересована в объективной оценке общественных явлений. Поэтому в капиталистических странах, в особенности в эпоху империализма, субъективизм широко распространен. Он получает философское обоснование в идеализме и его крайней форме — волюнтаризме. Субъективный идеализм, волюнтаризм используются для идеологического обоснования империалистической агрессии и являются одним из источников политического и военного авантюризма.

Авантюризмом пронизана агрессивная политика и стратегия американского империализма. Это особенно наглядно проявляется в преступной войне против вьетнамского народа.

Волюнтаризм, субъективизм и авантюризм в политике и стратегии империализма не означает, что он слаб в военном отношении, что буржуазная военная наука пол-

ностью лишена объективности. Руководители вооруженных сил империалистических государств вынуждены приспосабливать военные теории и доктрины к властным требованиям боевой практики. Политические и военные планы империалистов учитывают изменения, происходящие в мире, хотя они и пронизаны мировоззрением, отрицающим объективные законы.

В социалистическом обществе нет классовых корней субъективизма. Однако теоретическая и практическая деятельность кадров в социалистическом обществе, в том числе военных, все же не гарантирована полностью от проявлений субъективизма. Объясняется это прежде всего гносеологическими корнями субъективизма.

Как известно, процесс познания сложен и противоречив, характеризуется диалектическим взаимодействием субъекта (познающего человека) и объекта (предмета, явления исследования). В этом взаимодействии примат принадлежит объективному. Если же нарушить действительное соотношение объективного и субъективного в процессе познания и преувеличить, абсолютизировать субъективный момент, то это неизбежно ведет к субъективизму, к искаженному отражению действительности. Следовательно, абсолютизация субъективной стороны процесса познания и его результатов составляет гносеологический корень субъективизма. Ввиду сложности и противоречивости отношений между субъектом и объектом возможно не только правильное, но и искаженное, неистинное отражение действительности. От этого не гарантированы люди и в социалистическом обществе.

Далее, в классовых отношениях социалистического общества нет корней для субъективизма. Но при социализме еще сохраняются и проявляются пережитки капитализма в сознании и поведении людей. Эти пережитки прошлого могут выражаться и в форме субъективизма.

В социалистическом обществе нет антагонизма между личными и общественными интересами. Правильно понятый общественный и личный интерес развивает у работника любой области, в том числе военной, стремление к объективной истине. Однако бывают, к сожалению, и такие случаи, когда личный или групповой интерес понимается неправильно. Именно поэтому иногда скрываются или односторонне освещаются те или иные явле-

ния, допускается преднамеренная ложь. Бывают случаи, когда отдельные командиры, исходя из эгоистических интересов, в донесениях вышестоящим начальникам преувеличивают свои успехи, скрывают ошибки, умалчивают о неудачах.

Известны также факты неправильного освещения событий в военно-исторических трудах. В свое время обстановка культа личности создавала благоприятные условия для всякого рода угодников, в том числе и занимающихся наукой. Стремясь во что бы то ни стало угодить одному лицу, они возвеличивали его роль в ходе и исходе войны. При изучении операций не вскрывались реальные трудности, замалчивались действительные причины неудач наших войск. Все это не могло не сказаться отрицательно на развитии советской военной науки.

Воспитание военных кадров в духе марксистско-ленинской идеологии и коммунистической морали, воспитание честности, правдивости, чувства глубокой ответственности за порученное дело, преодоление всех пережитков прошлого в сознании и поведении — важнейшее средство предупреждения субъективизма.

Действенным средством борьбы с проявлениями субъективизма являются критика и самокритика. В марксистско-ленинском понимании критика и самокритика означают стремление к истинной оценке. Они предохраняют от приукрашивания действительности, преувеличения достижений и затушевывания недостатков, от замалчивания допущенных ошибок.

Безусловная объективность в оценке обстановки, критика и самокритика приобрели особое значение в современных условиях. Нельзя забывать, что империалисты могут развязать истребительную ракетно-ядерную войну против Советского Союза и других стран социалистического лагеря. Поэтому жизненно необходимо, чтобы наши Вооруженные Силы были готовы в любой момент немедленно перейти к боевым действиям против агрессоров. Сокрытие недостатков и ошибок, а тем более очковтирательство в области военного строительства и боевой подготовки могут причинить непоправимый вред.

Успешно вскрывать недостатки и устранять их можно в обстановке, когда правда всячески поощряется, какой бы неприятной она ни была, а обман, какими бы благонамеренными соображениями ни оправдывался, решительно

осуждается, и виновники наказываются. Партийный и служебный долг каждого военачальника — создать условия, в которых подчиненные не опасались бы говорить правду, защищать истину и чувствовали поддержку своих стремлений исправить недостатки. Обладающие высокими партийными качествами начальники именно так и поступают.

Честность и правдивость — непреложные принципы жизни советских людей. Воспитание воинов в духе этих возвышенных принципов — задача первостепенной важности. Честность, правдивость, принципиальность должны воспитываться всем укладом воинской жизни. И здесь пример старшего начальника играет решающую роль. Для советского офицера бескомпромиссная честность, правдивость и безбоязненное отстаивание истины являются нормой поведения и действия.

2. Диалектика абсолютной, относительной и конкретной истины в военном деле

Вопрос об объективном характере знаний тесно связан с проблемой **соотношения абсолютной и относительной истины.** Суть этой проблемы состоит в том, что, изучая действительность, «люди стоят перед противоречием: с одной стороны, перед ними задача — познать исчерпывающим образом систему мира в ее совокупной связи, а с другой стороны, их собственная природа, как и природа мировой системы, не позволяет им когда-либо полностью разрешить эту задачу. ...Это противоречие... является ...главным рычагом всего умственного прогресса и разрешается каждодневно и постоянно в бесконечном прогрессивном развитии человечества...»[1] Это противоречие присуще познавательной деятельности людей в любой области, в том числе и в военном деле. Более того, в военной теории и практике оно проявляется особенно остро.

Стремясь к глубокому и наиболее полному познанию всех сторон военного дела, мы никогда не сможем окончательно исчерпать его. Неизбежная относительность наших знаний обусловлена тем, что война в целом и воору-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 36.

женная борьба в частности отличаются исключительной сложностью, многосторонностью связей и противоречивостью. Их сущность и законы глубоко скрыты и постигаются в ходе длительного, сложного и противоречивого процесса познания. В каждый данный момент наши знания ограничены конкретно-историческими условиями, зависят от уровня развития общественной практики и науки.

Задача военной науки — раскрыть характер и закономерности будущей войны. Решить ее нельзя только на основе обобщения прошлой и настоящей практики военного дела — необходимо познать тенденции его развития и с максимально возможной точностью и полнотой предвидеть будущее. Серьезные препятствия в развитии военной науки создает также неизбежная ограниченность практики военного дела в мирное время.

Ввиду всех этих причин и обстоятельств военная наука на каждом этапе представляет исторически ограниченное, относительное знание законов вооруженной борьбы. Однако это не означает, что она не содержит вполне достоверных знаний, то есть элементов абсолютной истины. В любой период военная наука представляет совокупность относительных и абсолютных истин. В диалектике относительной и абсолютной истины отражается сложность и противоречивость процесса все более глубокого и многостороннего приближения наших знаний к объекту познания.

Понимание диалектики относительной и абсолютной истины — важное условие решения методологических проблем советской военной теории и практики.

Недопустимо резко противопоставлять абсолютную и относительную истины советской военной науке, поскольку в той и другой выражается истина объективная, хотя и с различной степенью точности и совершенства. Абсолютная истина — это объективная истина во всей ее полноте, совершенстве и незыблемости; она не изменяется в ходе дальнейшего познания и представляет окончательную или завершенную истину. Относительная истина также является объективным знанием, которое, однако, не дает полного, исчерпывающего отражения объекта и содержит элементы, подлежащие изменению, уточнению, углублению или замене новыми в процессе дальнейшего развития познания.

Диалектика абсолютной и относительной истины с предельной точностью сформулирована В. И. Лениным: «...Из суммы относительных истин в их развитии складывается абсолютная истина... в каждой научной истине, несмотря на ее относительность, есть элемент абсолютной истины...»[1] Это означает, что любая наука, в том числе военная, развивается путем накопления относительных истин. Но в каждой относительной истине содержатся элементы абсолютной истины. В ходе развития советской военной науки элементов абсолютной истины становится все больше; соотношение между относительным и абсолютным в ее истинах изменяется, и общей тенденцией является возрастание абсолютных знаний. Однако пределов познания нет. Движение от относительного к абсолютному знанию войны в целом, вооруженной борьбы в частности, их различных сторон, связей, законов — непрерывный процесс расширения, углубления и уточнения наших знаний, которому суждено продолжаться до тех пор, пока будет существовать военное дело.

Советская военная наука непрерывно развивается. Бурный научно-технический прогресс и глубокая революция в военном деле оказали и продолжают оказывать на нее огромное влияние.

Важным направлением развития военной науки является уточнение, обогащение ее традиционных понятий и конкретизация уже известных закономерностей вооруженной борьбы применительно к новым условиям. Это направление прогресса военной науки так или иначе затронуло все стороны военного дела, значительно расширило и углубило наши знания.

В период революционного развития науки, коренной ломки привычных понятий и возникновения новых может проявиться абсолютизация той или иной стороны действительности, того или иного момента познания, что приводит к ошибкам догматического или же релятивистского и псевдоноваторского характера.

Одним из гносеологических корней догматизма является непомерное раздувание момента абсолютности в истинах науки. Догматики стремятся «прилагать мерку подлинной, неизменной, окончательной истины в последней инстанции к таким знаниям, которые по самой при-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 328.

роде вещей... должны оставаться относительными для длинного ряда поколений и могут лишь постепенно достигать частичного завершения...»[1]. Современные догматики не понимают (или не хотят понять) глубины происходящей в наше время революции в военном деле и объявляют абсолютными истинами такие положения, которые на самом деле являются относительными.

Ведя борьбу против догматизма в военной теории и практике, нельзя забывать и о другой крайности — псевдоноваторстве или прожектерстве, которое проявляется в том, что иногда выдвигаются недостаточно продуманные, всесторонне не обоснованные положения, делаются слишком поспешные выводы и с легкостью совершаются переходы от одних взглядов к противоположным. Это не что иное, как проявление релятивизма в военном деле.

Гносеологическими корнями релятивизма является фетишизация относительности истин вплоть до отрицания в них элементов абсолютных знаний, а это логически ведет к отрицанию объективной истины. Релятивизм — характерная черта многих течений современной буржуазной философии, оказывающих влияние на буржуазную военную науку.

Глубокое понимание диалектики абсолютной и относительной истины — необходимое условие успешной борьбы против проявлений догматизма, релятивизма и псевдоноваторства во всех областях, в том числе в военной теории и практике.

Военная наука всегда развивается диалектически, через установление относительных истин, через накопление в них элементов абсолютных знаний. Тем самым совершается все большее приближение к абсолютному знанию различных сторон и закономерностей военного дела.

Диалектика абсолютной и относительной истины помогает понять характер преемственности и новаторства в военной науке и практике. Без преемственности невозможно подлинное развитие любой науки, в том числе военной. Гносеологическую основу преемственности составляют элементы непреходящего, абсолютного знания; переходя из старых теорий в новые, они осуществляют связь между этими теориями как необходимыми последо-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 92.

вательными этапами в развитии науки. Известно, что советская военная наука возникла на основе критической переработки и усвоения всего положительного, что было создано буржуазной и добуржуазной военной теорией. В свою очередь каждый новый этап в развитии советской военной науки опирается на предшествовавший. Творческий характер советской военной науки обусловливается тем, что ее методологической основой является революционная, глубоко творческая философия. Именно это обстоятельство определяет превосходство советской военной науки над буржуазной военной наукой.

Важное методологическое значение для военной науки и практики имеет положение теории познания диалектического материализма о **конкретности истины**. В. И. Ленин писал: «Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна...» [1]

Всякая истина конкретна потому, что действительность, которая в ней отражается, всегда конкретна и представляет диалектическое единство общего, особенного и единичного. В истинах науки отражается прежде всего общее в предметах, явлениях. Но это общее в реальной действительности никогда не существует помимо особенного и единичного, в которых оно своеобразно проявляется. Это своеобразие проявления общего в особенном и единичном обусловливается бесконечной многогранностью предметов и явлений мира, их всеобщей взаимосвязью и непрерывным изменением и развитием. Поэтому в истинных суждениях и теориях должна быть в максимальной степени отражена эта подвижность, изменчивость, многогранность явлений и своеобразие проявления общего в данных конкретных условиях.

В самом деле, почему мы оперируем относительными истинами как подлинными, достоверными и твердо опираемся на них в теоретической и практической деятельности? Происходит так потому, что каждая относительная истина — результат отражения конкретных явлений и используется с учетом условий, места, времени и области ее применения.

Разработанные в предвоенный период положения советской военной науки о роли видов вооруженных сил и

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 400.

родов войск были в целом правильными для того времени. Главная роль в вооруженной борьбе отводилась сухопутным войскам. Выводы советской военной науки определили в основном верное направление военного строительства того периода, хотя при этом и не удалось избежать некоторых просчетов, главным образом в организации бронетанковых войск. Однако отдельные положения, которые были правильными в прошлом, не могут применяться в современных условиях, так как не соответствуют характеру будущей войны.

Достижения советской военной науки и всего военного дела находят отражение в периодических изменениях воинских уставов и наставлений. Замена одних положений уставов другими означает, как правило, что являвшиеся в свое время правильными положения перестали соответствовать достигнутому уровню развития военного дела. Новые положения воинских уставов и наставлений представляют конкретные истины, отражающие состояние военного дела на данном этапе развития.

Конкретны не только относительные, но и абсолютные истины, поскольку они также наполнены конкретно-историческим содержанием и по-разному проявляются в различных областях действительности и в изменяющихся условиях. Например, ленинское положение «война есть продолжение политики иными, именно насильственными средствами» представляет неопровержимую истину. Эта истина всегда имеет определенное конкретно-историческое содержание.

Конкретность любой истины предъявляет определенные требования к познанию и является важным методологическим принципом советской военной науки и практики. Военное дело изменяется необычайно быстро; в нем, более чем где-либо, все зависит от условий, места и времени. Обстановка каждого боя или операции отличается большим своеобразием и в точности никогда не повторяется. Чтобы правильно организовать боевые действия войск, каждый командир или командующий должен в максимальной степени учесть своеобразие конкретной обстановки и умело применить в ней общие принципы военного искусства, положения военной науки, требования уставов, наставлений. Военное искусство не терпит шаблона. В вооруженной борьбе успех сопутствует лишь тем военачальникам, которые правильно дей-

ствуют, сообразуясь с конкретной боевой обстановкой, то есть умело применяют методологический принцип конкретности истины. Военное искусство потому и является искусством, а не ремеслом, что требует творческого применения военно-теоретических знаний на практике, в ходе руководства вооруженной борьбой.

В возможной ракетно-ядерной войне боевые действия несомненно будут отличаться небывалой динамичностью. В таких условиях от военачальников всех степеней потребуется постоянная и точная оценка быстро меняющейся обстановки, творческая инициатива, смелая и разумная самостоятельность в принятии решений, которые должны полностью соответствовать конкретным условиям боя, сражения, операции. Поэтому еще в мирное время очень важно использовать все возможности для воспитания у командного состава инициативы, смелости, решительности, выработать умение творчески применять военные знания в конкретной боевой обстановке.

Принцип конкретности истины требует конкретно-исторического подхода к изучению войны, вооруженной борьбы, военного дела. Такой подход предполагает, во-первых, всестороннее и глубокое исследование войны и военного дела в их связи с другими явлениями и в их развитии.

При конкретно-историческом подходе необходимо, во-вторых, исследовать явления войны и военного дела в определенных исторических условиях, с учетом времени их возникновения и существования, а также тенденций и закономерностей дальнейшего развития.

Необходимо, в-третьих, исходить из того, что военное дело непрерывно развивается и изменяется, поэтому и понятия военной науки должны развиваться и изменяться, наполняться новым содержанием. Без гибкости, подвижности, изменчивости понятий нельзя адекватно отражать изменяющуюся действительность и установить объективную истину во всей ее конкретности. «...Человеческие понятия не неподвижны, — писал В. И. Ленин, — а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни» [1]. Гибкость понятий военной науки особенно необхо-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 226—227.

дима для глубокого понимания сложных явлений современной революции в военном деле.

Игнорирование или нарушение принципа конкретности истины ведет к догматизму. Так, во время культа личности положение о постоянно действующих факторах, определяющих ход и исход войны, рассматривалось как законченная формулировка универсального закона, который якобы определяет победу в войнах независимо от конкретно-исторических условий. Все то, что не охватывалось этой формулировкой, расценивалось как нечто второстепенное, недостойное серьезного изучения военной наукой. В частности, совершенно недооценивалась роль внезапности в войне, не учитывалась и не исследовалась качественно новая роль науки, научно-технического прогресса в укреплении военной мощи государства, в ходе и исходе современных войн.

Принцип конкретности истины требует учитывать изменения в военном деле, а не навязывать положения, правильно отразившие определенный этап развития военной теории и практики, но переставшие соответствовать новым условиям.

Правильно оценить выводы военной науки, исключить проявление догматизма, шаблона, релятивизма и субъективизма можно, только исходя из диалектики абсолютной, относительной и конкретной истины.

3. Практика как критерий истины в военном деле

Рассмотрение роли практики как критерия истины является логическим завершением анализа проблем истины в военном деле. Под критерием истины понимается средство проверки достоверности знания, отделения истины от заблуждения.

До марксизма предлагались различные критерии для определения истинности знаний. Выдвигался, например, критерий очевидности: истинным в знаниях считалось то, что представлялось совершенно ясным, отчетливым и столь очевидным, что его нельзя отрицать. Однако этот критерий ненадежен и даже обманчив: что представляется ясным и очевидным для одних людей, оказывается неясным и спорным для других.

Столь же несостоятельным оказался и критерий общезначимости, предлагавший считать истинным то, с чем согласны все или большинство людей. Нередко бывает так, что представления большинства людей, принимаемые за истинные, на самом деле являются ложными. Например, все религиозные догматы представляют сплошной вымысел, ложь, хотя в прошлом большинством человечества они принимались за истинные. В развитии каждой науки, в том числе военной, новые положения, ломающие устоявшиеся, но уже не соответствующие действительности взгляды, сначала признаются небольшим кругом ученых и лишь с течением времени получают всеобщее признание.

Марксизм доказал, что критерий истины должен быть независимым от результата познания, от истины, поэтому его нельзя искать в самих знаниях. Поскольку соответствие знаний объективной действительности и есть истина, то и **критерием ее может служить лишь практика.** В процессе практической деятельности людей истинные знания дают тот результат, который от них ожидается, а несостоятельность неверных, ложных знаний рано или поздно обнаруживается по той простой причине, что они не соответствуют действительности. Короче говоря, если теория успешно применяется на практике, то это означает, что она является истинной.

Роль практики, в том числе военной, как критерия истины обусловливается тем, что именно ей принадлежит определяющее значение в познании, в развитии науки. Цели и задачи военно-теоретическому познанию ставит военная практика. Именно практические потребности подготовки и использования вооруженных сил вызвали к жизни военную науку. Более того, исторически изменяющаяся военная практика выступает основой и стимулом развития военно-теоретического познания: только она дает необходимый материал для научного анализа, обобщений и выводов, сопровождает весь процесс познания на его чувственной и логической ступенях. На основе анализа, изучения практики военного строительства и вооруженной борьбы создаются новые понятия и развивается вся военная теория.

Военная практика состоит из двух далеко не равноценных по своему характеру и роли видов деятельности людей — вооруженной борьбы и практики мирного вре-

мени. Практика мирного времени охватывает всю деятельность людей в вооруженных силах. Сюда входят военное строительство, войсковые, командно-штабные учения и другие виды боевой и оперативной подготовки войск, штабов, политическая подготовка личного состава, вооружение и материально-техническое снабжение войск, создание и усовершенствование средств вооруженной борьбы, их испытание, специальные исследовательские и опытные учения, эксперименты, математические исследования военных явлений.

Практика как критерий истины в военном деле имеет свою ярко выраженную специфику. Она состоит в том, что только в войне, прежде всего в вооруженной борьбе, проверяется истинность положений военной науки, выносится окончательный приговор тем направлениям в строительстве и подготовке вооруженных сил, которые давались в мирное время на основе выводов военной теории. Но после окончания войны, в период мирной жизни государства, развиваются вооружение, военная техника. Это вызывает необходимость соответствующих изменений в организации войск и способах боевых действий. Однако в мирный период не представляется возможным проверить новые положения военной теории в подлинно боевой обстановке. Поэтому исследователи военного дела вынуждены ограничиваться практикой мирного времени и обобщенным опытом прошлых войн.

К практике вооруженной борьбы необходимо подходить всесторонне и критически, конкретно оценивая всю совокупность факторов, обусловивших победу или поражение в бою, операции, кампании или войне в целом. Надо обстоятельно и непредвзято изучать боевые действия не только своих войск, но и противника. Важно также изучать и обобщать весь опыт боевых действий, а не только отдельные «классические» бои и операции. Лишь при этом условии представляется возможность дать объективную оценку действий сторон, убедиться в том, правильны или ошибочны те или иные военно-теоретические положения.

В современных условиях огромное значение приобретает правильное решение вопроса о том, в какой мере опыт прошлых войн, а также практика строительства и подготовки войск в мирных условиях могут служить основой для разработки военной теории, с достаточной точ-

ностью раскрывающей характер возможной новой мировой войны и служащей основой для разработки наиболее эффективных способов ведения вооруженной борьбы. Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, советская военная наука успешно преодолевает всякого рода крайности в решении этого вопроса. Советская военная наука исходит из того, что нельзя игнорировать опыт прошлых войн, особенно Великой Отечественной и второй мировой войн. Вместе с тем недопустимо и переоценивать этот опыт.

Для успешного развития советской военной науки и проверки ее положений ныне огромное значение приобретает наиболее эффективное и максимальное использование практики военного дела мирного времени. В ракетно-ядерной войне, несомненно, решающее значение будет иметь начальный период и резко возрастет роль фактора времени. Серьезные просчеты и ошибки в разработке военной теории, строительстве вооруженных сил и их боевой подготовке могут привести к тяжелым и даже непоправимым последствиям.

В современных условиях значительно возросли возможности успешной разработки и проверки военной теории в мирное время. Особенно усилилось значение войсковых и командно-штабных учений, командно-штабных и командных игр, а также специальных исследовательских и опытных учений, испытаний, экспериментов. Кроме того, возникли принципиально новые методы практической проверки теоретических положений и рекомендаций: математические методы, метод моделирования и другие.

В проверке некоторых положений военной науки определенную роль играют локальные войны, которые развязывают и ведут империалистические государства. При этом нельзя не учитывать специфику таких войн и ограниченность их опыта, необходимо критически осмысливать его и не допускать механического перенесения обобщений и выводов на ракетно-ядерную войну.

Военная практика складывается из действий воинских формирований от отделения (расчета), взвода, роты, боевого самолета или корабля до армии, флота, фронта и вооруженных сил в целом. В конечном счете ее основу составляют действия отдельных военнослужащих — рядовых, командиров, политработников, военных инженеров

и т. д. Однако критерием истины выступают прежде всего действия воинских формирований.

Истинность новых положений военной теории может проверяться не только непосредственной военной практикой, но и опосредствованной, получившей свое обобщенное отражение и выражение в воинских уставах, положениях, принципах и законах военной науки, истинность которых подтверждена всей прошлой и настоящей практикой. Критерием деятельности командиров и всего личного состава Вооруженных Сил служат также приказы и директивы высшего военного руководства, и прежде всего Министра обороны, в которых концентрируется опыт, практика всей нашей армии и флота. Соответствие решений командира доказанным положениям военной науки, требованиям уставов и приказам Министра обороны — важное условие их истинности и практической действенности.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что обобщенный опыт Вооруженных Сил никогда не может служить гарантией истинности познавательной деятельности командира и правильности его решений, если он не учитывает конкретные условия, критически не анализирует практические действия своего подразделения, части, соединения. Поскольку истина конкретна, то и проверяться она должна конкретной практикой.

Марксистско-ленинская теория познания учит, что к практике как критерию истины следует подходить не как к чему-то вечному и неизменному, не догматически, а диалектически. Военная практика, как и вся общественно-историческая деятельность, не стоит на месте: она непрерывно развивается и совершенствуется. Только в развивающейся и изменяющейся практике раскрываются новые стороны, свойства, связи и отношения объективной действительности.

Признавая решающую роль практики как критерия истины, нельзя ее и переоценивать. Критерий практики и абсолютен и относителен: абсолютен в том смысле, что практика является единственно надежным мерилом истины, и относителен, поскольку сама практика непрерывно развивается, а истины, подтвержденные практикой прошлого, уточняются, дополняются, ограничиваются или же отвергаются практикой настоящего. Характеризуя диалектическую природу практики, В. И. Ленин писал:

«...Критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма»[1].

Методологическое значение положений марксистско-ленинской теории познания об истине для советской военной науки и практики военного дела особенно возрастает сейчас, когда предъявляются повышенные требования к научному руководству войсками. Успешно осуществлять подлинно научное руководство можно, лишь опираясь на истину, постоянно сверяя ее с практикой военного дела, расширяя кругозор и проявляя партийную принципиальность.

★

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 145—146.

★

Глава X

НАУЧНОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ

1. Методологические основы предвидения

Научное предвидение играет большую роль во всех сферах деятельности людей. Оно особенно необходимо в военной теории и практике. Без выяснения перспектив развития военного дела невозможно правильно решать вопросы строительства вооруженных сил.

В чем же суть предвидения, каковы его методологические основы?

В повседневной деятельности люди сталкиваются с предвидением двоякого рода — эмпирическим, или опытным, и научным.

Эмпирическое предвидение представляет собой предвосхищение результатов практической деятельности людей и основывается на чисто «житейском», повседневном опыте человека, в первую очередь производственном. В процессе труда человек ставит те или иные цели. Но прежде чем начать практические действия для их достижения, он мысленно представляет конечные результаты своего труда. «...Самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем,— отмечал К. Маркс,— что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально» [1].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 189.

Это положение полностью относится и к ратному труду. Прежде чем отрывать индивидуальную ячейку, солдат мысленно представляет себе ее место в системе обороны, форму, объем и время работы, то есть строит ее идеальную модель. Командир перед боем также строит его идеальную модель. «Подобно всякому творению рук и воли людей, — писал генерал армии П. И. Батов, — бой осуществляется дважды — сначала в мыслях, а потом в действительности. Если начальник штаба — математик операции, то командарму этого недостаточно. Он должен силой фантазии, напрягая остроту чувства предвидения, пережить этот первый мысленный бой, детали которого порой запечатлеваются в памяти, как кадры на фотопленке» [1].

С расширением сферы трудовой и ратной деятельности людей усложнялось и развивалось эмпирическое предвидение. Нетрудно заметить существенную разницу между предвидением первобытным человеком последствий выстрела из лука и знанием результатов нажатия той или иной кнопки в сложной системе управления ракетно-ядерным оружием. Связь между действием и его результатом во втором случае более сложна и в определенной мере опосредствована. Производя пуск ракеты, воин не может наблюдать скрытого от него механизма, а нередко и сам полет ракеты.

В ходе развития человеческой практики, по мере того как люди стремились все более проникнуть в суть явлений и процессов окружающей их действительности, эмпирического предвидения, основанного преимущественно на чувственном познании, становилось явно недостаточно. Возникла необходимость в научном предвидении.

Что же представляет собой научное предвидение?

Некоторые авторы определяют его как «основанное на знании объективных законов действительности предвидение явлений, событий, процессов, которые могут или должны возникнуть в будущем» [2]. Это определение не точно отражает природу и характер научного предвидения, так как в нем речь идет о предвидении только таких явлений, событий, процессов, которые могут или должны возникнуть в будущем. В действительности же научное

---

[1] П. И. Батов. В походах и боях. Воениздат, 1962, стр. 62.
[2] Большая Советская Энциклопедия, т. 34, стр. 394.

предвидение может относиться и к тому, что существует, но пока еще не наблюдается в силу определенных причин. Так, все элементарные частицы микромира, известные в настоящее время, существовали и до их открытия, но не наблюдались из-за недостаточного развития технико-экспериментальной базы и методов исследования.

Научное предвидение — это такое предсказание появления или будущего наблюдения события, процесса, явления, которое основано на знании объективных законов и диалектико-материалистическом анализе действительности. В процессе научного предвидения исследуются причины появления и условия наблюдения определенных явлений или событий, а также пути и методы достижения поставленной цели.

Научное предвидение является одной из сторон теоретического познания и подчиняется его законам. Специфика его состоит в том, что оно имеет строгую временную направленность, то есть связано с исследованием только будущего.

Как же соотносится между собой эмпирическое и научное предвидение? Это качественно различные ступени единого познавательного процесса. При эмпирическом предвидении на первый план выдвигается внешнее проявление известных нам вещей и предметов. При научном же предвидении познается прежде всего сущность будущих явлений или событий. В эмпирическом предвидении явление или предмет познается в частных и конкретных признаках. В научном предвидении объект исследования изучается как целостная структура.

Если эмпирическое предвидение по своей природе всегда активно, то научное может быть активным и пассивным. К пассивному относится такое научное предвидение, которое не предусматривает вмешательства человека в исследуемый процесс. Оно касается таких объектов, на которые люди или еще не могут воздействовать, или само воздействие не имеет существенного практического значения. Например, затмение солнца можно предвидеть (предсказать) задолго до его наступления, но активно вмешаться в это явление, с тем чтобы изменить его, люди не могут потому, что им не подвластно движение планет.

Научное предвидение в общественной жизни всегда активно. И это потому, как отмечал Ф. Энгельс, что

одного познания недостаточно, чтобы подчинить общественные силы; для этого необходимо прежде всего общественное действие [1].

Теоретическим обоснованием возможности научного предвидения является положение марксистско-ленинской философии об объективности, закономерности развития и познаваемости мира.

Развитие в природе и обществе происходит в соответствии с объективными, то есть не зависящими от воли и сознания людей, законами.

Закономерные связи — это необходимые, устойчивые, прочные, повторяющиеся связи. Но их повторяемость следует понимать диалектически. Абсолютного повторения не бывает. Даже в одно и то же время, в одной и той же области человеческой деятельности и при сравнительно одинаковых условиях события протекают по-разному. Тем более не могут полностью повторяться в будущем события прошлого. «...Старые ситуации, — говорил В. И. Ленин, — не повторяются в их прежнем виде» [2]. В будущем возможно повторение лишь в основных, существенных, общих чертах. Но это повторение происходит на новой, более развитой и зрелой основе.

Законы развития природы и общества, изучаемые марксистско-ленинской философией, являются не только объективными, но и всеобщими. Всеобщность этих законов, однако, не означает, что они проявляют себя всюду одинаково.

В природе законы проявляются стихийно, помимо воли и желаний человека, а в обществе — только через деятельность людей. На процессы общественной жизни большое влияние оказывают не только объективные, но и субъективные факторы. Взгляды различных классов, партий и даже отдельных личностей налагают свой отпечаток на ход и исход исторических событий.

Законы общественной жизни имеют статистический характер. Они обнаруживаются в массе явлений, на протяжении определенного времени и в силу этого указывают лишь основное направление, тенденцию развития общества. Динамические же законы, действующие в при-

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 329—330.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 134.

роде, проявляют себя с небольшими отклонениями в каждом случае.

Знание объективных законов и делает возможным предвидение в природе и обществе, в том числе и в военном деле. Так, закон, согласно которому изменение оружия и боевой техники обязательно ведет к изменению способов и форм боевых действий, является достаточным основанием для предвидения изменений в характере боя, операции и войны в целом. Основываясь на этом законе, можно предвидеть, что ядерное оружие существенно изменит, например, характер операций на окружение. В ядерной войне, вероятно, окажутся нецелесообразными усилия войск, направленные на постепенное и порою длительное уничтожение окруженного противника. Для этого будет достаточно нескольких ядерных ударов.

Специфика действия объективных законов в природе и обществе обусловливает различия в характере научного предвидения. Предвидение в природе осуществляется, как правило, значительно точнее и конкретнее, чем в общественной жизни. Известно, с какой точностью великий русский ученый Д. И. Менделеев на основе открытого им периодического закона химических элементов предсказал существование и даже ряд свойств нескольких элементов, обнаруженных впоследствии (галлий, германий, скандий и другие). В общественной жизни предвидение не может быть таким точным; оно позволяет устанавливать лишь основные тенденции тех или иных процессов.

Наряду с законами важной основой научного предвидения являются категории материалистической диалектики. Так, категории причины и следствия указывают на органическую связь и временную последовательность событий и явлений. Причина всегда предшествует следствию, а следствие всегда наступает после причины. Причинно-следственная связь выражает также необходимость наступления событий. Если есть причина, то при определенных условиях следствие наступит обязательно. Следовательно, для предвидения какого-либо явления нужно знать порождающие его причины.

Каждое следствие может иметь множество причин. Анализируя их, необходимо определить главную, внутренне присущую данному процессу. Например, главной

причиной, определяющей исход боя или операции в ракетно-ядерной войне, будет применение нового оружия. Поэтому, разрабатывая план боя, командир должен установить прежде всего, где и какие средства массового поражения находятся у противника, и определить способы их уничтожения.

Однако не только внутренние, но и внешние причины могут играть важную роль. Так, географические особенности театра военных действий и другие обстоятельства, выступающие в качестве внешних причин, могут налагать серьезный отпечаток на ход боевых действий. И эти причины должны учитываться командиром при планировании боевых действий.

В процессе предвидения решается целый ряд различных по своему масштабу и сложности проблем. При этом особое значение имеет правильная постановка проблемы. Один из основателей кибернетики английский ученый У. Росс Эшби отмечал, что, «когда мы сможем сформулировать проблему с полной четкостью, мы будем недалеки от ее решения» [1].

Вначале проблема ставится в более или менее общем виде, затем она уточняется и конкретизируется. Так, в предвидении предстоящего боя первоначально командир определяет лишь его общий замысел. В дальнейшем этот замысел конкретизируется и принимает четкие очертания в решении и боевом приказе.

Научное предвидение коренным образом отличается от утопий и прожектерства тем, что ставит реальные задачи, исходит из реальных условий и возможностей. К. Маркс отмечал, что «человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [2].

Предвидение всегда связано с определенными предположениями — гипотезами. Гипотеза (или система гипотез) появляется в процессе предвидения, как правило, после постановки проблемы. Сначала формулируется про-

---

[1] У. Росс Эшби. Конструкция мозга. Изд-во иностранной литературы, 1962, стр. 20.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 7.

блема, а затем выдвигаются гипотезы. Если гипотеза подтверждается, она превращается в научную теорию.

Исходным моментом, движущей силой и конечной целью научного предвидения является практика. Более высокому уровню практики соответствует и более высокая степень предвидения. Практика выступает также критерием истинности научного предвидения. Так, строительство социализма в нашей стране практически подтвердило правильность научного предвидения основоположников марксизма-ленинизма.

Всесторонней практикой в военном деле является война. Различного рода учения и маневры, которые проводятся в мирное время, могут служить критерием истинности взглядов по тому или иному вопросу лишь в известной мере и до определенного предела.

Признание относительности практики мирного времени не означает принижения ее роли. Наоборот, именно потому, что практика относительна, необходимо, чтобы в ходе боевой учебы было как можно меньше условностей. Только в этом случае практическая деятельность войск в мирное время может стать важным фактором проверки истинности предсказаний о характере и особенностях будущей войны.

В научном предвидении определенная роль принадлежит фантазии. В. И. Ленин указывал, что «нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке...»[1]. Фантазия, как правило, обращена в будущее. Она опирается на уже известные научные открытия, на определенный уровень развития техники, способствует выработке творческого мышления, пробуждает интерес у широких масс, особенно у молодежи, к познанию будущего.

Известно немало примеров того, как фантасты с поразительной точностью описывали некоторые события задолго до их наступления. Так, Жюль Верн дал описание будущей подводной лодки и летающих кораблей. В нашей печати уже сообщалось, как В. Никольский в книге «Через тысячу лет», вышедшей в 1927 году, «предсказал», что первый атомный взрыв произойдет в 1945 году. Американский писатель-фантаст Роберт Хайнлайн в повести «Злосчастное решение», опубликованной в 1941 году, настолько ярко изобразил, как американцы создадут из

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 330.

урана-235 бомбу и сбросят ее на крупный город противника с целью завершения второй мировой войны, что его привлекли к ответственности за разглашение военной тайны. Наконец, можно отметить и то, что появившиеся в наше время лазеры в принципе напоминают гиперболоид инженера Гарина из одноименного фантастического романа А. Толстого.

Конечно, не каждая идея фантастов подтверждается практикой, и далеко не так, как они пишут. В противном случае между научным предвидением и фантазией не было бы никакой разницы.

Научное предвидение явлений и процессов в общественной жизни в значительной мере обусловливается социальными факторами, которые определяют возможности и степень достоверности предсказаний будущего развития общества. В антагонистических формациях только пролетариат является последовательно и до конца революционным классом, заинтересованным в научном предвидении развития общества.

Первые попытки заглянуть в будущее, определить перспективы развития общества в направлении к коммунизму были утопическими. Социалисты-утописты не могли научно обосновать пути построения нового общества. Только основоположники марксизма-ленинизма научно обосновали пути перехода от капитализма к социализму и коммунизму. Подчеркивая величайшую заслугу К. Маркса в создании науки об обществе, В. И. Ленин писал: «...Изучивши законы развития человеческого общества, Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму, и, главное, он доказал это только на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического общества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука. Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли» [1].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 304.

Марксистско-ленинская наука об обществе, являющаяся теоретической основой научного предвидения перспектив исторического процесса, обогащается новыми положениями и выводами. Большой вклад в развитие этой науки вносят Коммунистическая партия Советского Союза и другие марксистско-ленинские партии.

Ярким выражением научного предвидения, основанного на марксистско-ленинской науке, является новый пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы. «Теоретическую основу нового пятилетнего плана, как и всей экономической политики Советского государства, — говорил А. Н. Косыгин в докладе на XXIII съезде КПСС, — составляет марксистско-ленинская наука. Определяя главные направления пятилетки, партия руководствуется учением В. И. Ленина о строительстве коммунизма, о социалистической экономике, социалистической государственности и о научном управлении экономическими и социальными процессами»[1].

В противоположность пролетариату, буржуазия как класс, обреченный историей на неминуемую гибель, не заинтересована в научном предвидении перспектив развития общества. Именно поэтому буржуазные философы и социологи стремятся доказать невозможность научного предвидения в общественной жизни, исказить перспективы исторического процесса.

Все школы и направления современной идеалистической философии отрицают закономерный характер развития общества, а следовательно, не признают и самой возможности научного предвидения. Например, сторонники неопозитивистской теории «эмерджентной эволюции» утверждают, что в ходе развития явлений и процессов на отдельных этапах происходит внезапное, не основанное на закономерности появление нового качества, которое абсолютно невозможно предсказать.

Некоторые буржуазные ученые допускают возможность предвидения только в области естествознания. Так, видный английский физик лауреат Нобелевской премии Джордж Томсон писал: «В основе техники лежат определенные принципы науки. Некоторые из них поняты и являются, таким образом, основой для предсказаний. Социологии же еще предстоит обрести своего Ньютона, не

---

[1] Материалы XXIII съезда КПСС, стр. 122.

говоря уже о Планке, и поэтому предсказания в этой области не выходят за рамки догадок» [1].

Буржуазная военная наука считает, что не объективные условия, факторы и законы, а личные качества полководца, его интуиция служат основой прогнозирования хода вооруженной борьбы. Многие буржуазные военные деятели отрицают всякую возможность научного предвидения в военном деле. Так, бывший начальник гитлеровского генерального штаба Гудериан, пытаясь объяснить причины поражения немецко-фашистской армии во второй мировой войне, писал: «Исход любых боевых действий, как правило, а в особенности в России, намечать заранее нельзя» [2]. В одном из номеров журнала НАТО «Ревью милитер женераль» утверждалось, что никто не в состоянии оценить и предвидеть роль обычного оружия в ракетно-ядерной войне.

Цель утверждений буржуазных социологов и военных деятелей о невозможности предвидения в общественной жизни вообще, в военном деле в частности состоит в том, чтобы скрыть от широких масс неумолимый ход истории, любыми путями отсрочить неизбежную гибель капитализма.

Взгляды буржуазной философии на предвидение очень близки к религиозным пророчествам, которые широко распространяются в капиталистических государствах. Специальные учебные заведения готовят там предсказателей будущего — магов, спиритов, астрологов, хиромантов и других прорицателей и оракулов. В США, например, подобных «специалистов» готовят «Американский колледж астральной науки», «Колледж магов», «Школа астрологии и оккультных наук» и т. п. По данным журнала «Америка», в 1957 году ученые степени (бакалавр, магистр, доктор) в США были присвоены 9658 богословам — больше, чем философам и экономистам, вместе взятым.

Разоблачая идеалистические и религиозные пророчества, марксистско-ленинская философия доказывает возможность и необходимость научного предвидения перспектив

---

[1] Д. Томсон. Предвидимое будущее. Изд-во иностранной литературы, 1958, стр. 27.

[2] Итоги второй мировой войны. Изд-во иностранной литературы, 1957, стр. 133.

исторического развития. Именно такую перспективу борьбы пролетариата, всех трудящихся масс за свое светлое будущее научно обосновали К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. Они доказали также, что умение предвидеть не является исключительным даром и особой привилегией отдельных личностей — ученых, государственных и военных деятелей. Народным массам тоже присуща способность предвидения во всех сферах человеческой деятельности. «...Ум десятков миллионов творцов, — говорил В. И. Ленин, — создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение»[1].

Народные массы — решающая сила исторического развития. И предвидение общественных явлений невозможно без учета их творческой инициативы, характера, направления и движущих мотивов деятельности. В инициативе рабочего класса нашей страны по восстановлению народного хозяйства после победы Октября, в знаменитых коммунистических субботниках В. И. Ленин, партия увидели зарождение нового, коммунистического отношения к труду.

Решающая роль народных масс во всех сферах жизни общества в полной мере распространяется и на область военного дела. Народные массы принимают непосредственное участие в разработке и создании сложнейшей боевой техники, применяют ее на поле боя, создают новые способы и формы ведения боевых действий, ускоряя дело разгрома врага и завоевания победы.

2. Особенности предвидения в военном деле

Сложность и специфика вооруженной борьбы и войны в целом — основная причина, обусловливающая особенности научного предвидения в военной области. Кроме того, в военном деле, как ни в какой другой сфере общественной жизни, происходят быстрые и существенные изменения, что также накладывает свой отпечаток на характер научного предвидения.

Всякая война сложна, но особой сложностью будет отличаться ракетно-ядерная война. В ней будет чрезвычайно затруднено предвидение. И вместе с тем именно в такой войне оно приобретет громадное значение.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 281.

В чем же состоят особенности предвидения в военном деле?

Прежде всего необходимо отметить, что предвидение в военной теории и практике имеет **вероятностный характер.** Это обусловлено рядом причин. Во-первых, на войне часто приходится сталкиваться с различного рода случайностями, оказывающими существенное влияние на ход и даже исход вооруженной борьбы. Во-вторых, каждая из воюющих сторон сознательно стремится скрыть свои действительные силы и средства, намерения и цели, ввести противника в заблуждение. В-третьих, неполнота сведений об обстановке: на войне никогда не представляется возможным иметь все и совершенно точные данные о противнике.

Мера неопределенности в предвидении может быть от «вполне вероятно» и «вероятно» до «маловероятно» и «невероятно». Стремясь свести к минимуму эту неопределенность, командир вынужден делать все от него зависящее, чтобы получить в первую очередь такие исходные данные, которых должно быть достаточно для определения времени, места и способов нанесения решающего удара по врагу.

Особенностью научного предвидения в военном деле является его **многомерность.**

Предвидение одномерно, если предсказывается наступление события только во времени или только в пространстве. Так, выдающийся французский астроном Леверье математическим путем предсказал, где надо искать планету Нептун.

В данном случае предвидение было одномерным: оно касалось места расположения планеты. Предсказание наступления лунного или солнечного затмения касается времени, когда должно произойти событие. Оно также одномерно.

Предвидение многомерно, когда предсказывается наступление события, явления, процесса не только во времени, но и в пространстве. В военном деле предвидение, как правило, многомерно, поскольку здесь предсказание хода и исхода вооруженной борьбы не может ограничиваться только пространственными или только временными характеристиками. Более того, в отличие от целого ряда наук (геология, океанография и другие) военная наука охватывает своим исследованием все известные и

доступные нам сферы пространства — земную поверхность, моря и океаны, атмосферу и космос.

Наряду с многомерностью научное предвидение в военном деле является также **многоплановым**, то есть охватывающим, кроме вооруженной борьбы, и другие сферы жизни общества: экономику, политику, дипломатию и т. д. Эта многоплановость вместе с тем сочетается с необычной целеустремленностью. Все стороны и аспекты предвидения в ходе войны подчинены единой цели — разгрому врага и завоеванию победы. Необходимо, однако, подчеркнуть, что подлинно целеустремленным предвидение в военном деле может быть только в социалистических странах, где существуют морально-политическое единство общества, плановая экономика и где народ в условиях войны живет и трудится под лозунгом «Все для фронта, все для победы». В капиталистических странах, раздираемых антагонистическими противоречиями, не может быть подлинного единства всего общества и в условиях войны.

Одной из характерных особенностей научного предвидения в военном деле является то, что его приходится осуществлять, как правило, **в ограниченные сроки**. Например, в астрономии и некоторых других науках предвидение тех или иных явлений может быть осуществлено раньше или позже определенного момента, и это не окажет какого-либо влияния на жизнь общества. В военной же области дело обстоит иначе. Здесь важное значение имеет время упреждения, которым принято называть интервал от момента предсказания события до момента его наступления. Очень важно заранее, и чем раньше, тем лучше, определить перспективы развития оружия и боевой техники, форм и способов вооруженной борьбы, организационной структуры вооруженных сил, наметить и провести целый ряд практических мер.

В строго детерминированных процессах, основанных на динамических законах, увеличение времени упреждения практически не снижает точности предвидения. В вероятностных (неопределенных) процессах вооруженной борьбы предсказания тем точнее, чем меньше упреждение. В данном случае налицо диалектическое противоречие: чем больше время упреждения, тем неопределеннее предвидение, и, наоборот, чем точнее предвидение, тем меньше время упреждения. В связи с этим одной из

задач военной науки является удлинение времени упреждения при достаточно высокой точности предсказания.

Огромное значение фактора времени в научном предвидении в военном деле особенно очевидно в настоящее время. В новой мировой войне, если империалистам удастся ее развязать, следует предвидеть возможность применения в широких масштабах оружия массового поражения. Своевременное предвидение особенностей и перспектив хода такой войны и принятие соответствующих практических мер является фактором, играющим первостепенную роль в обеспечении победы. Особенно важное значение имеет своевременное раскрытие замыслов агрессора о времени нанесения и объектах первого ядерного удара.

Предвидение в военном деле имеет также **особенности, обусловленные масштабами вооруженной борьбы.**

Если сфера стратегического предвидения — это вооруженная борьба в целом, то оперативно-тактическое предвидение имеет дело с отдельными операциями и боями. В силу того что оперативное искусство и тактика подчинены стратегии, оперативно-тактическое предвидение должно учитывать выводы стратегии, исходить из них. В свою очередь стратегическое предвидение учитывает данные оперативного искусства и тактики.

В оперативно-тактическом масштабе (особенно в тактике) предвидение обладает большей конкретностью, чем в стратегическом, и требует более детальных исходных данных. В самом деле, в тактическом масштабе ошибка на батальон и даже одну роту может привести к тяжелым последствиям. В масштабе стратегии ошибка в исходных данных на один-два батальона или даже полка не имеет существенного значения при определении исхода кампании, а тем более войны в целом.

Стратегическое предвидение в отличие от оперативно-тактического более устойчиво. Нередко незначительные изменения обстановки в оперативно-тактическом масштабе требуют от командира серьезной корректировки плана боя. Корректировка же планов стратегического масштаба наступает лишь после существенных изменений в соотношении экономических, морально-политических и собственно военных сил воюющих сторон.

Примером предвидения в оперативно-тактическом масштабе являются требования уставов и наставлений, в

которых содержатся указания и рекомендации о применении определенных форм и способов боевых действий в будущей войне. Разумеется, эти рекомендации не должны восприниматься как шаблон. Уставы не могут дать исчерпывающих указаний по всем вопросам, возникающим в ходе боевой деятельности войск. В каждом конкретном случае с учетом сложившейся обстановки командир, опираясь на требования уставов, должен находить наилучшие способы выполнения боевого приказа.

Примером предвидения стратегического масштаба могут служить положения советской военной доктрины о характере и особенностях ядерной войны, вероятных способах и формах вооруженной борьбы и вытекающих из этого требованиях к организации и подготовке Вооруженных Сил и страны в целом к решительному разгрому агрессора.

Научное предвидение в военной области в высшей степени активно. Определяется это прежде всего особенностями вооруженной борьбы. В боевых действиях даже получение необходимых исходных данных для предвидения нередко осуществляется через разведку боем, захват «языка» и т. д.

Для предвидения в военном деле важное значение имеет правильное понимание соотношения чувственной и логической ступеней познания. Переоценка или недооценка одной из них, незнание диалектической связи чувственного и абстрактного в процессе предвидения ограничивает или сводит к минимуму его возможности. Кто в познании ограничивается ощущениями, непосредственными наблюдениями и умаляет роль теоретического мышления, обобщений и абстракций, тот практически отрицает возможность научного предвидения. С другой стороны, абсолютизация роли логической ступени познания и игнорирование чувственной, наблюдения и эксперимента ведет к прожектерству.

В оперативно-тактическом масштабе (особенно в тактике) в предвидении большую роль играет чувственная ступень познания. В стратегическом предвидении, наоборот, — логическое познание.

В научном предвидении хода и исхода войны исключительная роль принадлежит полководцу и его штабу. Но способностью научно предвидеть должны обладать не только полководцы, но и командиры и начальники всех

степеней. Без научного предвидения нельзя руководить войсками, правильно организовать обучение и воспитание личного состава.

Одно из важнейших условий научного предвидения — овладение командными кадрами диалектико-материалистической методологией. Марксистско-ленинская методология дает возможность правильно анализировать явления и процессы военного дела, определять перспективы его развития. М. В. Фрунзе указывал, что «красный командир должен научиться в полной мере владеть тем методом мышления, тем искусством анализа явлений, который дан марксистским учением» [1].

Непременным условием научного предвидения является высокая общая и специальная подготовка военных кадров. Научное предвидение ныне нельзя успешно осуществлять без знания основ физики, математики и других наук, а также военной теории и практики, глубоко не уяснив сущность революции в военном деле. Разумеется, объем знаний офицера должен соответствовать его служебному положению. Командирам низшего звена нужны прежде всего знания тактико-технических данных вооружения противника, своих частей и подразделений. Об экономическом состоянии и особенностях театра военных действий им достаточно общего представления. Полководцу же, решающему задачи в стратегических масштабах, а тем более определяющему перспективы хода и исхода войны в целом, необходимы глубокое знание и учет военно-экономического потенциала, социально-политических и географических особенностей театра военных действий.

В военном деле, как и в любой другой области, не может быть научного предвидения без критичного и самокритичного, объективного анализа обстановки. Если к оценке сильных и слабых сторон как своих войск, так и противника командир подойдет предвзято, субъективистски, то он не сможет правильно предвидеть. В вооруженной борьбе, где исключительно важную роль играет воля командира, ни в коем случае нельзя допускать принятия решений и планирования, не опирающихся на объективные законы и не учитывающих конкретных условий боя, сражения, операции.

---

[1] М. В. Фрунзе. Избр. произв. Воениздат, 1957, т. II, стр. 47.

Непременным условием научного предвидения в военном деле является правильный учет опыта прошлых войн. Без этого нельзя установить тенденции развития военного дела, предвидеть ход и исход будущей войны. Изучение опыта прошлых войн необходимо не само по себе, а для того, чтобы, как подчеркивал М. В. Фрунзе, «сделать оттуда выводы на потребу завтрашнего дня»[1].

В прошлых и предстоящих боях может быть в общем сходная обстановка. Но это не означает, что задачи предстоящей операции или боя следует решать теми же способами, что и предыдущей операции или боя. Неконкретное, поверхностное изучение исходных данных ведет к шаблонному решению, а это позволяет противнику принять соответствующие предупредительные или ответные меры.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что для научного предвидения необходимо знание его природы, основ и особенностей. Научное предвидение — непременное условие эффективного управления войсками.

[1] М. В. Фрунзе. Избр. произв. Воениздат, 1957, т. II. стр. 34.

★

Глава XI

ИНИЦИАТИВА И ТВОРЧЕСТВО В ВОЕННОМ ДЕЛЕ

1. Процесс творчества

Инициатива и творчество всегда играли важную роль в военном деле. В современных условиях эта роль еще более возросла. Ракетно-ядерное оружие, новые виды боевой техники вызвали коренные изменения в способах вооруженной борьбы, неизмеримо повысили значение быстрых и решительных действий командиров всех степеней, а также рядовых воинов, их инициативы и творчества.

Что же такое творчество?

На первый взгляд кажется, что определить творчество не представляет особых затруднений. Можно сказать: творчество — это создание нового. Но сразу же возникает вопрос: а что такое новое? Завод производит машины. Каждая из них новая. Но серийное производство однотипных машин вряд ли можно назвать творчеством.

Другое дело — создание принципиально новой модели машины, образца которой еще не существует. Перед конструктором здесь встает целый ряд сложных вопросов, решение которых еще необходимо найти. Вот здесь и начинается творчество. Оно начинается там и тогда, где и когда человек ставит перед собой задачу, не имеющую готовых правил ее решения.

Выработка правил решения той или иной задачи переводит ее в разряд нетворческих. История развития обще-

ства свидетельствует, что был период, когда простые арифметические задачи, создание элементарных орудий труда, средств вооруженной борьбы являлись для человека творческими проблемами. Ныне сложные математические расчеты выполняют электронно-вычислительные машины. Но это стало возможно лишь после того, как человек проявил творчество, создал алгоритм (программу) работы машины.

Создание новой оригинальной вещи — непременный признак творчества. Но человек может создать оригинальный, новый по замыслу предмет, который никому не нужен, и это не будет творчеством. Творчеством является создание духовных и материальных ценностей, в которых нуждается общество. Так как создание нового возможно лишь на основе познания законов природы и общества, то это познание также входит в процесс творчества.

Таким образом, **творчество можно определить как сложный процесс познания законов объективного мира и создания на этой основе принципиально новых материальных и духовных ценностей, необходимых обществу.**

Успешное творчество возможно лишь при соблюдении двух основных методологических принципов: а) признания определяющей роли объективных законов в деятельности людей и б) признания преобразующей роли сознания человека. В чем суть этих принципов?

Диалектический материализм учит, что человек может проявить свои способности, действуя лишь в соответствии с объективными условиями и законами развития внешнего мира. «...Необходимость природы, — писал В. И. Ленин, — есть первичное, а воля и сознание человека — вторичное. Последние должны, неизбежно и необходимо должны, приспособляться к первой...» [1]

Человек в процессе творчества не может действовать вопреки объективной необходимости. Например, никакая творческая мысль не сможет решить проблему «вечного двигателя», поскольку сама идея такого двигателя находится в противоречии с законом сохранения материи и энергии. Следовательно, творческий поиск и в военной области должен опираться на знание объективных законов, прежде всего законов войны и вооруженной борьбы.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 196.

Творчество обусловлено теми конкретно-историческими условиями, в которых люди живут и трудятся. Оно всегда опирается на то, что достигнуто предшествующими поколениями. Ф. Энгельс писал, что «наука движется вперёд пропорционально массе знаний, унаследованных ею от предшествующего поколения...»[1]. Человек творит, опираясь на достигнутый уровень господства над силами природы и общественного развития. Вместе с тем каждый творческий акт выводит его на новый рубеж, на новую ступень этого господства.

Творчество представляет собой ответ прежде всего на те вопросы, которые ставит практика. Так, например, в ходе первой мировой войны возникла настоятельная необходимость выйти из «позиционного тупика», созданного превосходством средств обороны над средствами наступления. Эта объективная потребность направляла военную мысль на поиск новых средств и методов прорыва глубоко эшелонированной обороны противника. В результате появились танки и самолеты.

Творческие идеи могут возникнуть и на основе логики развития самой науки, вне непосредственной связи с практикой сегодняшнего дня. Именно поэтому их практическая ценность не всегда сразу очевидна. Например, возникновение теории относительности Эйнштейна и многие открытия в области ядерной физики нельзя связывать с непосредственными требованиями практики.

История знает и такие творческие идеи, которые в силу недостаточного уровня развития науки и техники долгое время оставались в рамках гипотез. Так, например, еще в эпоху средневековья Леонардо да Винчи (1452—1519) высказал интересные идеи о создании автоматического оружия, танка, некоторых военно-инженерных сооружений, планера, вертолета, парашюта. Это вооружение, как известно, появилось спустя четыре столетия после смерти выдающегося ученого.

Возможности творчества в огромной степени определяются социальным строем государства. Только социализм, отмечал В. И. Ленин, позволяет большинству трудящихся «проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой род-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 568.

ник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами»[1].

Социалистический строй открыл огромные возможности для проявления творчества и в военной области. «...Самодеятельность,— писал известный советский военачальник С. С. Каменев, — является, пожалуй, одной из наиболее ярких черт в истории Красной Армии... Она шла извне в лице тех одаренных рабочих, которые не могли оставаться равнодушными к деятельности Красной Армии и прилагали все свои силы, чтобы хоть что-нибудь свое вложить в дело борьбы, в которой побежденными остаться было нельзя. В самой же Красной Армии — молодой и полной порыва — эти отдельные начинания даровитых товарищей всегда встречались весьма охотно по той простой причине, что Красная Армия не имела того казенного трафарета, при котором ничего, кроме «кем-то испытанного и одобренного начинания» не могло, да и не должно было проникать»[2].

Инициатива и творчество бойцов и командиров Советской Армии явились одним из факторов всемирно-исторической победы в Великой Отечественной войне. И послевоенная история Советских Вооруженных Сил дает немало примеров творчества солдат и матросов, сержантов и старшин, офицеров, генералов и адмиралов.

Подчеркивая решающее значение объективных условий, диалектический материализм придает большое значение активной преобразующей и созидающей роли мышления. Внутренняя активность сознания человека проявляется в его способности не просто отражать внешний мир, а перерабатывать полученную информацию, оперировать знаниями для получения новых знаний, комбинировать различные идеи и получать в идеальной форме образы, конструкции принципиально новых предметов и явлений, неизвестных природе. В этом смысле человек не только отражает объективный мир, но и творит его. Машины, заводы, города, дороги — все это овеществленная сила творческого мышления человека.

Как процесс целесообразного и целенаправленного преобразования действительности, творчество является достоянием только человека. Кибернетическая машина не может осуществить творческий процесс, так как высту-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 195.
[2] Этапы большого пути. Воениздат, 1962, стр. 37.

пает лишь орудием в руках человека. Разработка алгоритма такой машины представляет собой решение большой творческой задачи. Но деятельность машины, работающей по алгоритму, имеет уже не творческий, а формально-логический, в известном смысле механический характер. Дальнейшее развитие кибернетики не исключает возможности создания аппаратов, способных вырабатывать новые идеи и решать сложные задачи. Однако и для этих машин человек будет определять исходные данные и общее направление работы.

В военном деле, как и в любой другой области человеческой деятельности, творчество осуществляется в соответствии с методологическими принципами марксистско-ленинской философии. Вместе с тем оно имеет свою специфику, обусловленную особенностями вооруженной борьбы. Это **творчество особого рода**: оно подчинено задачам разгрома противника, обеспечения победы в войне и развертывается в условиях строгой регламентации всей жизни и деятельности армии уставами, наставлениями и приказами.

Рассмотрение творчества в военном деле целесообразно начать с **инициативы**. В широком смысле слова под инициативой (стратегической, оперативной, тактической) понимается способность войск развивать активные наступательные действия, навязывать свою волю противнику. В узком смысле слова под инициативой понимается самостоятельный почин в деятельности военнослужащих, направленный на успешное решение боевых задач.

Одной из закономерностей развития военного искусства является непрерывное повышение роли инициативы и творчества командиров и солдат в вооруженной борьбе. Давно прошло то время, когда творческими функциями и правом на инициативу обладал только главнокомандующий войсками. В. И. Ленин около 60 лет назад писал, что «без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне» [1].

Инициатива есть ответная реакция командира на обнаружение или появление в боевой обстановке новых возможностей разгрома противника, на неожиданное изменение обстановки, на случайности.

Великая Отечественная война знает много примеров инициативных действий наших командиров. Вот один из

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 155.

них. Шесть истребителей во главе с Героем Советского Союза Иваном Бабаком получили боевую задачу прикрыть наземные войска. Прибыв в указанный район, командир оценил обстановку. Вражеских самолетов не наблюдалось. Офицер решил направить пару истребителей на разведку в сторону километров на двадцать пять, где должна была проходить трасса транспортных самолетов противника. Наши летчики обнаружили в воздухе транспортные самолеты врага и семь из них сбили.

Самостоятельный почин командира не должен идти вразрез с замыслом старшего начальника, ибо это может поставить войска в тяжелое положение. Именно так произошло на одном из учений. Перед командиром была поставлена задача — быстро выдвинуться к реке, захватить переправу и овладеть на другом берегу реки плацдармом. Еще до выхода к реке командир заметил небольшие отходящие группы «противника». Он самостоятельно принял решение — разгромить их. Но, ввязавшись в бой, потерял время. В результате «противник» уничтожил переправу и занял оборону на противоположном берегу реки. Этот пример свидетельствует, что командир не глубоко усвоил поставленную задачу. Его «инициатива» пошла вразрез с намерениями старшего начальника и создала дополнительные трудности на пути к победе.

Инициатива всегда связана с риском и трезвым расчетом. На первый взгляд кажется, что риск и трезвый расчет взаимно исключают друг друга. Но в боевой практике не может быть риска, который бы не имел под собой никакого расчета, как и трезвого расчета, который в той или иной степени не был бы связан с риском. Именно так поступали наши опытные командиры в боях Великой Отечественной войны.

Зимой 1943 года советские танкисты, преследуя противника, вышли к широкой, скованной льдом реке, за которой был город и крупный железнодорожный узел. Несмотря на то, что лед едва выдерживал танки, командир бригады подполковник В. Савченко принял решение форсировать реку. Расчеты показали, что, если на льду выложить колею из трапов и щитов, танки пройдут. Внезапное и быстрое форсирование реки ночью решило исход боя: противник был разгромлен.

Инициатива — важнейшая предпосылка творчества. Можно проявить инициативу и без творчества, но не мо-

жет быть творчества без инициативы. Намечая план боя или операции, командир предусматривает лишь основное направление развития боевых действий, он никогда не сможет заранее предвидеть все детали, все случайности. Так было в прошлых войнах. В еще большей мере это будет присуще ракетно-ядерной войне. Ракетно-ядерное оружие способно резко изменять обстановку и вызывать массу случайностей благоприятного и неблагоприятного характера. Инициатива командира будет выражаться в умении использовать малейшую возможность для выполнения боевой задачи.

Творчество командира выражается прежде всего в том, что он применяет требования и нормы уставов и наставлений, строго сообразуясь с обстановкой. Уставы и наставления, приказ старшего начальника дают лишь основные принципы и исходные данные для организации боя, которые должны быть конкретизированы применительно к данной обстановке. При этом различные факторы, например обеспеченность боеприпасами, горюче-смазочными материалами, лимитируют возможности командира и нередко предопределяют способы выполнения боевой задачи. В вооруженной борьбе могут быть ситуации, близкие к тем, которые уже встречались в войнах прошлого. Это, конечно, облегчает применение уставных положений и принятие решения. Но следует иметь в виду, что обстановка того или иного боя никогда не может повториться во всех деталях. Поэтому каждое решение командира должно быть творческим.

Военное дело непрерывно развивается. Это требует от командира не только творческого подхода к уставным положениям, но и способности вовремя увидеть возникшее противоречие между требованиями уставов и действительностью и найти способ его разрешения.

Сфера творчества в военном деле многогранна. Она охватывает все стороны жизни войск.

В творческом процессе можно различить **четыре основных этапа**: возникновение проблемы, поиск идеи ее решения, разработка идеи (расчеты, планирование, корректировка), реализация творческой идеи на практике. Рассмотрим содержание каждого этапа.

Как уже отмечалось, **творческая проблема возникает из потребностей практики**, из реальных противоречий в военном деле. Известно, что в первый период Великой

Отечественной войны основными способами войсковой разведки были наблюдение и поиск, эффективность которых не всегда была высока. В результате обострилось противоречие между необходимостью более полного знания группировки противника, его системы огня перед наступлением и ограниченными данными, которые доставляла разведка. Это противоречие направляло творческую мысль командиров на поиск более эффективных способов войсковой разведки. Одним из них стала разведка боем.

Точно так же необходимость усиления противотанковой обороны привела к появлению отрядов истребителей танков, ротных противотанковых опорных пунктов, мощных противотанковых пушек, противотанковых ружей, специальных противотанковых самолетов.

В ходе войны творческая мысль командиров открывала новые возможности использования боевой техники. До войны считалось, что зенитная артиллерия предназначена только для поражения воздушных целей; всякое иное ее использование расценивалось как тактическая неграмотность. Однако при обороне Тулы в 1941 году зенитная артиллерия была применена против танков противника. Отражая первую же атаку, зенитчики уничтожили 30 вражеских машин.

Современная революция в военном деле выдвинула целый ряд проблем, решение которых чрезвычайно важно для укрепления обороноспособности страны. Среди них такие, как организация защиты от межконтинентальных баллистических ракет, обеспечение надежности и непрерывности управления войсками и т. д.

Поставить проблему — значит сделать только первый шаг в творчестве. Вторым шагом является поиск творческой идеи, позволяющей решить проблему. Эта идея зарождается при активном участии всех форм чувственного и логического познания. Ведущую роль здесь играет воображение.

Творческое воображение питается глубокими знаниями из различных областей науки и практики. Чем больше объем этих знаний, тем больше возможностей для выдвижения различных гипотез.

Найти эффективный путь решения творческой проблемы нередко помогают ассоциации, то есть связи, возникающие в сознании человека на основе сохранившихся в

нем следов прежних воздействий окружающего мира. Примером удачного использования ассоциации может служить следующий факт.

В ходе подготовки к решительным боям на Курской дуге 65-я армия столкнулась с большими трудностями в транспортировке грузов к линии фронта, так как из-за весенней распутицы пришли в негодность гужевые и автомобильные дороги. Единственная железная дорога была перешита противником на европейскую колею, а все паровозы взорваны. Выход был найден на основе ассоциации с петербургской конкой. По железнодорожной колее вагоны потащили автомашины. С помощью этой своеобразной конки было подвезено более двух тысяч тонн грузов.

Необходимо, однако, иметь в виду, что неправильное использование ассоциаций может дать противоположный результат и из орудия творчества они могут стать орудием шаблона. Так, некоторые наши командиры лихую атаку конницы продолжали считать вершиной военного искусства и в годы Великой Отечественной войны, когда глубоко эшелонированная, насыщенная огневыми средствами оборона была уже неуязвима для кавалерии.

В ходе поиска правильного пути решения творческой проблемы большую роль играет интуиция. Интуиция — это своеобразный процесс творческого мышления, который характеризуется подсознательностью его отдельных периодов, протекающих с большой скоростью. Интуитивное решение возникает как бы сразу, целиком, без предшествующих рассуждений.

Интуиция имеет свой физиологический механизм, который еще до конца не раскрыт. Однако исследования И. П. Павлова и других советских физиологов и психологов позволяют высказать предположение о том, что интуиция — это процесс мышления, основанный на использовании сложившихся комплексов условно-рефлекторных связей, представляющих собой своеобразные матрицы жизненных ситуаций. Накопленные знания, опыт человека создают большой запас информационного материала (осознанного и неосознанного), позволяющий в определенной ситуации принять решение мгновенно, целиком.

Замечено, что интуиция тесно связана с определенным состоянием психики человека, с вдохновением. Не случайно И. П. Павлов называл интуицию «образным эмо-

циональным мышлением». Вдохновение — это максимальная собранность духовных и физических сил человека, его воли, способностей, знаний для решения поставленной задачи. Обостряя чувственное восприятие, вдохновение способствует активизации интуитивных процессов. Именно такое психологическое состояние присуще воину в бою. Вдохновение воинов Советской Армии порождается высокими идеалами коммунизма, высшей справедливостью тех целей, во имя которых они выступают с оружием в руках.

После того как найдена основная идея решения проблемы, начинается **третий этап** творческого процесса — разработка идеи, ее конкретизация. Именно на этом этапе предстоит проделать большой объем работы, включая расчеты, планирование, проверку правильности частных решений и т. д.

В ходе разработки идеи общая задача как бы распадается на множество частных задач. Так, например, основная идея (замысел) Сталинградской операции, как известно, состояла в том, чтобы внезапно и одновременно нанести удар по двум сходящимся направлениям. Детальная разработка этой идеи требовала творческого решения целого ряда частных задач: как сосредоточить большие массы войск на направлениях главного удара незаметно для противника, как ввести его в заблуждение, как имитировать сосредоточение войск на ложных направлениях, и нужно ли это делать.

История развития науки и техники свидетельствует о том, что многие творческие замыслы возникали и разрабатывались не на основе механического подражания природе. Часто человек побеждал не там, где он подражал природе, а где выходил за рамки ее стихийных возможностей. Так, например, идея полета человека родилась по аналогии с полетом птиц. Человек предпринимал немало попыток взлететь, подражая птицам. Делались искусственные крылья, люди прыгали с колоколен, башен, крутых обрывов. Но реальная возможность полета человека возникла лишь в результате решения аэродинамических проблем подъемной силы крыла вместе с изобретением двигателя внутреннего сгорания облегченного типа.

Однако природа всегда останется для человека неиссякаемым источником творческих идей и замыслов. Это под-

тверждается новейшими достижениями естествознания. Современный уровень развития науки и техники позволяет человеку глубоко проникать в сложную организацию живых организмов, что открывает дополнительные возможности для творчества. Так возникла бионика — наука о применении принципов действия живых систем и биологических процессов в технике. По аналогии с устройством зубов грызунов созданы самозатачивающиеся резцы. Снегоход основан на использовании принципа работы ластов пингвинов. Изучение строения и функционирования звукового и слухового аппарата у водных животных и насекомых может дать материал для решения ряда военных проблем.

При разработке творческих идей в области создания оружия и боевой техники большой эффект может дать совмещение новых принципов с элементами старых. Так, например, военно-инженерная мысль настойчиво ищет возможности создания легкого ядерного оружия вплоть до стрелкового.

Заключительный этап творческого процесса — реализация идеи на практике. Этот этап имеет особое значение и особые трудности в силу специфики вооруженной борьбы. А. Эйнштейн однажды заметил, что природа сложна, но не злонамеренна. Противник всегда злонамерен. Поэтому воплощение творческого решения на практике в огромной степени зависит от морально-боевых качеств командира и всех воинов, прежде всего от непреклонной воли к победе.

Воля — это способность человека управлять своим поведением, подчинять все свои силы достижению поставленной цели. Можно сказать, что степень воли командира, его смелости, мужества, воинского мастерства входит необходимым элементом в сам замысел решения, ибо плохое исполнение может загубить самый прекрасный замысел. Вот характерный пример.

В годы Великой Отечественной войны при осуществлении операции по подавлению львовского аэродромного узла 45 советских средних бомбардировщиков встретили сильный огонь зенитной артиллерии противника. Командир группы бомбардировщиков стал разворачивать машину на обратный курс. Он, конечно, понимал необходимость преодоления зенитного огня противника, но не обладал достаточно высокими волевыми качествами. Слабо-

волие командира передалось подчиненным. Боевой порядок нарушился, в результате чего два самолета столкнулись и разбились. Выполнение боевой задачи оказалось под угрозой срыва. Тогда командир истребителей сопровождения А. В. Ворожейкин взял руководство группой бомбардировщиков на себя и подал команду: «Держать строй. Следовать к цели!» Боевой порядок был восстановлен. Бомбардировщики выполнили поставленную задачу[1].

Деятельность командиров многогранна. Они занимаются обучением и воспитанием подчиненных, а в условиях войны руководят боевыми действиями войск. Командир и его штаб выступают организаторами боя (операции). Решение командира, боевой приказ направляют усилия воинов к единой цели — разгрому врага. Отсюда понятно, какое громадное значение имеет творчество командира в управлении войсками.

2. Творчество командира в управлении войсками

Вооруженная борьба — общественное явление. Поэтому, управляя боевыми действиями войск, командир должен принимать в расчет не только закономерности физического мира, но и законы общественного развития, свойства человеческого сознания и психики, духовные качества людей. Командиру необходима глубокая идейно-теоретическая подготовка, умение правильно учитывать не только военно-технические, но и социально-политические факторы вооруженной борьбы.

Основой управления войсками является решение командира. **Выработка и принятие решения — это в полном смысле слова процесс творческого мышления**, включающий в себя и логику рассуждений и интуитивные моменты.

Уже при уяснении боевой задачи и оценке обстановки начинается творчество, ибо командир анализирует обстановку не вообще, а с точки зрения поставленной задачи. Он стремится проникнуть в сущность обстановки, которая скрыта за массой явлений и картина которой сознательно искажается противником. Командир отбирает из множества фактов наиболее важные и определяющие, сопоставляет их с положениями уставов и со своим опытом.

Практика показывает, что оценка местности, на кото-

---

[1] См. А. Красовский. Жизнь в авиации. Воениздат, 1962, стр. 216—217.

рой предстоят боевые действия, обычно не представляет большого труда для опытного военачальника. Имея карту и располагая данными разведки, он может быстро определить, облегчает или затрудняет местность решение поставленной боевой задачи и что нужно предпринять в этой связи. Иное дело оценка противника.

Чтобы правильно оценить противника, недостаточно знать только его силы и средства. Необходимо учитывать также его тактику и морально-политическое состояние вплоть до индивидуальных качеств командиров противостоящих частей и подразделений. Оценивая противника, командиру приходится «становиться» на его место, думать «за него», предугадывая вероятные действия. Как показывает опыт Великой Отечественной войны, нередко именно этот прием помогал принять правильное решение.

Свои войска также оцениваются с точки зрения поставленной боевой задачи. Здесь широкие возможности для творчества представляются при решении таких вопросов, как распределение сил и средств, построение боевого порядка, определение темпа наступления и т. п. Ярким примером на этот счет может служить решение командующего 11-й гвардейской армией генерала И. Х. Баграмяна в битве под Курском. К тому времени возможности массирования сил и средств наших войск на направлении главного удара значительно возросли, и командующий решил сосредоточить на участке прорыва 90 процентов стрелковых дивизий, всю артиллерию и все танки. На направлении главного удара было создано многократное превосходство в силах, и это обеспечило успех операции.

В процессе оценки обстановки и выработки решения командир строит логические модели предстоящих действий. Творческий характер мышления командира хорошо показан писателем А. Беком в книге «Резерв генерала Панфилова». Командир батальона Момыш-Улы обдумывает замысел предстоящего боя. Думы, замечает он, «настолько забирают тебя, так глубоко в них погружаешься, что перестаешь замечать комнату, все окружающее. Правильно ли расставлены силы? Что сделаю, если бой сложится так? Как поступлю, если противник подойдет отсюда? Если вырвется сюда?.. Прикидываешь бесчисленные варианты. Если не ошибаюсь, Лев Толстой в преди-

словии к роману «Война и мир» говорил о миллионе вариантов, которые проносятся перед художником. Возможно, творчество командира сродни погруженности художника... В эти часы командирской, творческой сосредоточенности задача, полученная от Панфилова, становилась моим собственным созданием, моим детищем»[1].

Большое значение при выработке решения имеет выбор направления главного удара в наступлении. Этот выбор обусловлен рядом факторов. Так, при определении направления главного удара в Сталинградской операции учитывались не только силы немецко-фашистских войск, но и конфигурация фронта, наличие на флангах менее боеспособных итальянских и румынских дивизий. Основу замысла Белорусской операции составила идея одновременного прорыва вражеского фронта на шести участках, далеко отстоящих друг от друга, и затем наступление на витебском, оршанском, могилевском и бобруйском направлениях. Такой способ прорыва заставил противника рассредоточить свои силы и не позволил ему массированно использовать резервы для парирования наших ударов.

При выработке решения творчество проявляется также в том, чтобы выявить те факторы, которые дают максимальный выигрыш. Этими факторами могут быть в одном случае смелый маневр, в другом — внезапный удар и т. п.

Примером творческого решения служат действия командующего 43-й армией генерала А. П. Белобородова в боях за Кенигсберг весной 1945 года. Войска армии вели успешное наступление. На третьи сутки сражения гитлеровским войскам удалось остановить продвижение армии. В таких случаях, как правило, наступающая сторона устраивает передышку для подготовки нового наступления. Оборонявшийся в Кенигсберге противник именно этого и ожидал. Но командующий армией решил нанести удар немедленно. Разумеется, осуществление такого замысла было связано с риском, и генерал смело пошел на него. Он отказался от распределения частей по кварталам города, направив на каждую магистральную улицу полк с танками и САУ. Город как бы рассекался наступающими частями. Своеобразно была построена система огня: автоматчики били по окнам, пушки — по чер-

[1] «Новый мир», 1960, № 12, стр. 43.

дакам, танки давили бронеколпаки, а минометчики вели навесной огонь по крышам. Фашистские войска, будучи уверены, что штурм крепости выдохся, расположились на отдых. А ночью части 43-й армии совместно с войсками других армий нанесли внезапный удар. Они быстро взломали оборону противника на перекрестках и клиньями прошли к центру города, который к утру был взят. За шесть часов ночного штурма была решена боевая задача, на которую, по расчетам, отводилось несколько суток. «Не по правилам это, — жаловался впоследствии взятый в плен комендант города генерал Отто Лаш. — Нельзя было предполагать, что крепость Кенигсберг падет так быстро».

Проявлением творчества командира является военная хитрость, то есть умение ввести противника в заблуждение, заставить его принять неправильное решение и тем самым обеспечить своим войскам выгодные условия для ведения боя. Командир может применить ложный или отвлекающий маневр, различные способы дезинформации, внезапный удар и т. п.

В боях юго-восточнее города Невель в конце 1943 года командир одной из наших рот применил следующий прием. Зная, что наступавший противник превосходит в силах, командир роты приказал отрыть от переднего края в сторону противника три хода сообщения на расстоянии 100—120 метров друг от друга и соединить их траншеей, на флангах которой оборудовать площадки для станковых пулеметов. За ночь все это было сделано. Утром, когда противник начал артподготовку, командир вывел роту в траншею. Артиллерия и минометы врага вели огонь по пустому месту. А когда пехота противника пошла в атаку, наши воины подпустили ее на 25—30 метров, открыли залповый огонь и перешли в контратаку. Неожиданное появление советских солдат в нейтральной зоне ошеломило фашистов, и они в беспорядке стали отходить. На плечах противника рота ворвалась в его траншеи.

Разрабатывая замысел боя, операции, командир опирается на образцы военного искусства прошлого, но использует их применительно к новым условиям. Известно, что идея окружения противника, идея Канн, неоднократно применялась в различных войнах. Но каждый раз она осуществлялась своеобразно, с учетом новых условий вооруженной борьбы.

Решение командира выступает кульминационным моментом творчества в управлении войсками. Решение есть обоснованный выбор из многих вариантов боевых действий оптимального или близкого к нему, обеспечивающего достижение поставленной цели в кратчайший срок и с наименьшими потерями.

В условиях современной революции в военном деле особое значение приобретает разработка новых форм и способов вооруженной борьбы. Эти формы и способы рождаются в результате научного обобщения практики учений, маневров, испытаний оружия. Исходным пунктом здесь является поиск наиболее эффективных приемов использования оружия и боевой техники, как новой, так и старой.

Новое оружие обычно влечет за собой и новые приемы его использования. История авиации — яркий тому пример. Создание самолетов-штурмовиков потребовало разработки и соответствующей тактики, основными элементами которой стали бреющий полет, атака с «горки», штурмовка в боевом порядке «круг» и т. д. Творчество проявили наши летчики и при использовании пикирующих бомбардировщиков Пе-2. Воины полка, которым командовал И. С. Полбин, первыми освоили метод снайперских ударов по малогабаритным целям. Впервые в этом полку при штурмовке наземных целей стали применяться передние и люковые пулеметы, а также бомбометание с пикирования под углом до 70 градусов.

Большие возможности совершенствования способов применения новой техники имеются и теперь. Так, творчество передовых командиров позволило значительно повысить эффективность огня бронетранспортеров. Строя боевой порядок бронетранспортеров «углом вперед» или «уступом вправо (влево)», они добились плотного огня не только из курсовых пулеметов, но и из огневых средств обоих бортов, в результате чего поражаемость целей резко увеличилась.

Немалый эффект может дать разработка новых приемов использования давно состоящих на вооружении образцов боевой техники. Известно, что в период Великой Отечественной войны самолет По-2 пережил свое второе рождение. Он стал использоваться как легкий ночной бомбардировщик. Эти бомбардировщики сбросили

на немецко-фашистские войска почти четверть тоннажа бомб, израсходованных фронтовой авиацией.

Не исключено, что и в ракетно-ядерной войне некоторые старые виды оружия и боевой техники смогут дать большой эффект. Так, например, артиллерия, уступая ракетам по ряду важнейших показателей, до сих пор превосходит их по скорострельности, точности попадания и др.

Высокие морально-боевые качества советских воинов создают дополнительные возможности творчества и нередко непосредственно влияют на рождение новых способов борьбы. История Великой Отечественной войны знает много примеров, когда бойцы и командиры бросались со связками гранат под танки, закрывали своим телом амбразуры дзотов, шли на таран в воздушном бою, направляли подбитые самолеты на колонны противника.

В условиях революции в военном деле большое значение имеет творческий подход к совершенствованию структуры войск, поиск таких ее организационных форм, которые в максимальной степени соответствовали бы новой боевой технике и новым способам вооруженной борьбы. В этом творческом поиске важно определить правильные пропорции между боевой техникой и личным составом, между боевыми и обслуживающими подразделениями и частями и т. п.

Перед каждым командиром открыты большие возможности для проявления инициативы и творчества, новаторского подхода к делу. Необходимо всемерно развивать эти качества у наших командных кадров. Следует чаще предоставлять возможность офицерам низшего звена действовать в должности старшего на ступень начальника, тренировать командиров оперативно принимать самостоятельные решения. Большую пользу могли бы принести творческие дискуссии на разборе учений, в ходе которых командиры имели бы возможность высказывать свое мнение. Особенно важно, чтобы почин новаторов находил широкое распространение в войсках.

Советские Вооруженные Силы располагают хорошо подготовленными командными и техническими кадрами. Совершенствование инициативы и творчества офицеров, генералов и адмиралов — непременное условие дальнейшего роста боевой мощи армии и флота.

★

Глава XII

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ

1. Моделирование как метод научного познания

В науке давно сложились два основных подхода к познанию явлений объективного мира. Первый заключается в непосредственном исследовании изучаемого явления, второй — в опосредствованном, когда в силу тех или иных обстоятельств вместо одного явления исследуется другое, сходное с ним. Во втором случае объект изучения обычно именуется образцом или оригиналом, а его «заместитель» (объект непосредственного исследования) — моделью. Весь же процесс познания того или иного предмета или явления с помощью модели называется моделированием.

Моделирование как особый прием в познавательной и практической деятельности людей применяется с древнейших времен. Возможно, уже при создании первых орудий труда своеобразными моделями служили клыки и когти диких животных, упругая сила согнутой ветви и другие явления природы. На заре возникновения науки аналогии начали применяться сознательно, как средство, облегчающее познание тайн природы и овладение ее силами. В военном деле раньше, чем в какой-либо другой области социальных явлений, стали использоваться модели в виде военных игр и учений, проводимых на макетах крепостей, сходных с ре-

альными, и на местности, подобной той, где должны развернуться боевые действия.

Как научный метод моделирование впервые получило теоретическое обоснование в физике в связи с созданием теории подобия, зарождение которой можно отнести ко времени разработки И. Ньютоном критерия механического подобия (1687). Развитие этой теории учеными различных стран, особенно русскими (М. В. Кирпичев, М. А. Михеев, А. А. Гухман), позволило изучать различные объекты и процессы на моделях, геометрически и физически подобных оригиналу (таковы модели кораблей, исследуемые в опытовых бассейнах, модели самолетов, обдуваемые в аэродинамических трубах, и т. п.).

Разработка теории физических аналогий, начатая в середине XIX века английским физиком Д. Максвеллом и продолженная другими учеными, в том числе советскими — Н. Н. Поплавским и С. А. Гершгориным, создала возможность воспроизведения явлений с помощью моделей иной физической природы на основе сходства их математических уравнений. Особая роль при этом выпала на долю электрических моделей (так называемых схем замещения). Электрическое моделирование значительно раздвинуло границы применения моделей и открыло реальные пути к созданию универсальных моделирующих устройств в виде различных математических машин.

Новый этап в развитии моделирования связан с успехами кибернетики, проникновением в различные науки методов математики, с созданием цифровых вычислительных машин. В этой связи широкое применение получило так называемое логико-математическое, кибернетическое моделирование, то есть воспроизведение явлений в виде логических и математических описаний, путем переработки соответствующим образом оформленной исходной информации об исследуемых процессах на вычислительных машинах. Информационный характер такого моделирования позволил распространить метод моделей почти на все области познания, в том числе на область биологических, психических и социальных явлений.

Широкое распространение моделирования выдвинуло на первый план ряд методологических проблем. Возникла необходимость уточнить содержание исходных понятий «модель» и «моделирование», определить гносеоло-

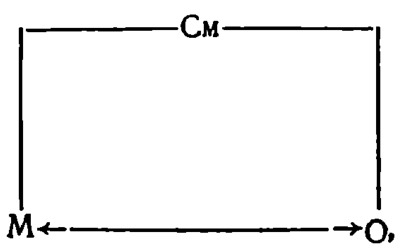
гические функции моделей, соотношение метода моделирования с другими научными методами познания, объективные предпосылки и теоретические основы моделирования, возможности и границы эффективного применения моделей, специфику моделирования в военном деле и другие. Рассмотрим некоторые из этих вопросов с позиций диалектического материализма.

Что вкладывается в содержание понятий «модель» и «моделирование»?

Известно, что в объективном мире много сходных предметов, явлений, процессов. Но одного лишь сходства еще недостаточно, чтобы расценить одно явление как оригинал, а другое как модель. Из двух сходных явлений лишь тогда одно можно назвать моделью, когда оно становится объектом непосредственного исследования и используется как средство получения знаний о другом явлении (которое в этом случае именуется оригиналом).

Реальные боевые действия и двусторонние войсковые учения, несмотря на их сходство в ряде признаков, сами по себе не являются оригиналом и моделью. Это объективные процессы, которые могут рассматриваться и независимо друг от друга. Но и учения, и реальные боевые действия могут быть моделями. Учения являются моделями, когда они служат средством познания некоторых процессов определенного вида боевых действий. Реальные боевые действия (наиболее типичные случаи) могут служить эталоном, моделью при разработке плана соответствующих учений.

Следовательно, модельное отношение — это не просто отношение между двумя сходными объектами. Это отношение трех элементов

где активная роль в определении сходства между двумя объектами и в использовании одного из них в качестве модели принадлежит моделирующей системе (См), по

отношению к которой модель (М) и выполняет свои гносеологические функции[1]. При определении модели необходимо учитывать: а) наличие объективного сходства между явлениями как основного условия их функционирования в качестве моделей друг друга; б) наличие моделирующей системы, устанавливающей это сходство и осуществляющей выбор одного из сходных явлений в качестве модели другого; в) выполнение выбранным объектом определенных функций в познавательном процессе.

Исходя из сказанного выше, можно дать такое определение модели: **модель есть объект М, имеющий сходство в определенных отношениях с объектом О и служащий для моделирующей системы См средством фиксирования известной и получения новой информации об объекте О.**

Моделирование как метод познания представляет собой процесс, включающий следующие основные этапы: 1) установление модельного отношения, то есть нахождение или искусственное построение объекта М, сходного с изучаемым объектом О, опираясь на исходную информацию о каждом из них; 2) исследование модели (осуществление модельного эксперимента), получение о ней новой информации; 3) интерпретация полученных на модели результатов, как относящихся к объекту О, то есть перенос результатов с модели на оригинал.

В процессе познания модели выполняют разнообразные функции. Благодаря объективному сходству с оригиналом модель может более или менее полно имитировать оригинал. Иногда только этой функцией и ограничивается роль модели в том или ином конкретном исследовании. Это происходит в тех случаях, когда исследуется сложная система (объект и воздействующая на него среда) и когда целесообразно заменить часть объекта, среду и их взаимодействие моделью, сохраняя основную часть объекта незамещенной. Так происходят стендовые испытания приборов автоматического управления, обучение операторов работе на сложных механизмах с по-

---

[1] В качестве моделирующей системы в процессе познания выступает человек. Вообще же говоря, роль моделирующей системы может выполнять любая кибернетическая система (живая или техническая), способная воспринимать, перерабатывать информацию и соответствующим образом реагировать на внешние воздействия. — Прим. авт.

мощью тренажеров. Здесь модель выступает как вспомогательное средство, облегчающее получение знаний о сложной системе и навыков управления ею.

Модель может иллюстрировать сложное явление и объяснять его с помощью явлений простых и наглядных. Так, планетарная модель атома, созданная Резерфордом, несмотря на все ее несовершенство, сыграла большую роль в уяснении структуры атома и протекающих в нем процессов. Различного рода схемы и действующие макеты выполняют эти же функции в процессе обучения. Здесь модель также выступает не столько источником новой информации об оригинале, сколько средством упорядочения известных данных о нем, облегчения их восприятия и уяснения.

Но основная гносеологическая функция модели состоит в том, чтобы обеспечить получение новой информации об объекте познания. Исследование модели позволяет инженеру предсказать, как поведет себя сооружение в различных условиях эксплуатации. Тактические учения дают возможность представить характер некоторых процессов в будущих реальных боевых действиях, определить направление боевой и политической подготовки войск. В этом проявляется эвристическая (направленная на открытие нового) роль моделей в научном исследовании.

Каково же место моделирования среди других методов познания?

Как научный метод моделирование выступает связующим звеном между эмпирическими и логическими методами познания, включая в себя черты тех и других. В ходе моделирования осуществляются наблюдение, сбор первичной информации, ее логическая обработка с помощью анализа, синтеза, индукции, дедукции, аналогии и, наконец, эксперимент особой формы (модельный эксперимент), являющийся источником новой информации не только о модели, но и о процессе, который она замещает.

Модель является как бы связующим звеном между объективной действительностью и отображающей ее теорией. При переходе от практики, от натурных условий, к их теоретическому обобщению модель оказывается той ступенькой, которая позволяет систематизировать исходную информацию, абстрагироваться от несущественных моментов, упростить и формализовать явление настолько,

чтобы стало возможным применение логико-математических методов исследования и на этой основе развитие теории изучаемых процессов. При движении от теории к практике модель позволяет конкретизировать положения теории, воплотить их в материальных устройствах и процессах, то есть представить общее в форме единичного и тем самым сделать возможной экспериментальную проверку выводов теории.

Будучи одним из специальных методов, моделирование в каждой области исследования применяется в особой форме. Но его нельзя рассматривать как узкоспецифический метод той или другой науки. Моделирование представляет собой специальный (в отличие от философского), но чрезвычайно широко действующий (в отличие от узкоспецифического) метод познания, соответствующий по своему значению наблюдению, эксперименту, формализации и другим специальным методам научного познания.

Каковы же основания для того, чтобы использовать модели в качестве средств познания других явлений? Какова степень достоверности выводов, переносимых с модели на оригинал? Существуют ли правила, позволяющие строго и обоснованно выбрать или построить модель и осуществить перенос знаний, полученных при исследовании модели, на оригинал? Прежде чем ответить на эти вопросы, рассмотрим объективные предпосылки моделирования как в онтологическом, так и в гносеологическом плане.

Выше уже отмечалось, что необходимым условием установления модельного отношения выступает сходство между явлениями. С точки зрения диалектического материализма это сходство имеет объективный характер. Предпосылками его (и следовательно, предпосылками моделирования вообще) являются материальное единство мира, единство его пространственно-временной структуры, всеобщая взаимосвязь явлений, единство наиболее общих законов их развития.

Сходство явлений может быть следствием их взаимодействия или результатом подчинения единым законам их возникновения и развития. В этом случае мерилом объективного сходства явлений выступает соответствующий закон. Можно утверждать, что, чем более специфичны законы, управляющие развитием явлений, тем более

глубоко сходство между ними. И наоборот, чем более общ и универсален закон, тем более общий характер имеет сходство, охватывающее главным образом форму процессов, а не их содержание. Например, в различных воинских частях и соединениях процессы управления боевыми действиями в значительной степени сходны как по форме, так и по содержанию, поскольку здесь действуют одни и те же закономерности вооруженной борьбы.

В живом же организме, в человеческом обществе и в технических системах процессы управления имеют формальное сходство, не затрагивающее содержание управления. Это сходство обусловливается общими законами движения информации на основе обратной связи, которые лишь по форме проявляются одинаково.

Было бы, однако, неправильно делать вывод, что сходство более общего характера менее важно для целей познания. Возможно как раз обратное. Единство законов природы, объединяющих в некотором отношении далекие друг от друга явления, открывает большие возможности их познания через посредство друг друга, опираясь, например, на одинаковость формы описывающих их уравнений. Действительно, два различных по характеру явления — механическое и электрическое — описываются аналогичными по форме уравнениями:

$$F = m \frac{dv}{dt} \text{ и } I = C \frac{du}{dt},$$

где F — сила, m — масса, v — скорость, t — время, I — сила тока, C — емкость, u — напряжение, d — знак дифференциала. Сходство этих уравнений показывает, что, несмотря на различие явлений, они тождественны по форме связи и взаимозависимости составляющих их элементов.

В. И. Ленин писал: «Единство природы обнаруживается в «поразительной аналогичности» дифференциальных уравнений, относящихся к разным областям явлений»[1]. Это ленинское положение служит методологическим исходным пунктом для познания сложных явлений с помощью моделей иной физической природы. На этом, собственно, основывается все так называемое математическое моделирование.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 306.

Наиболее широким понятием, охватывающим самые различные виды сходства, выступает «аналогия». Аналогия (не смешивать с умозаключением по аналогии) есть объективно существующее отношение между двумя или несколькими объектами, при котором одна часть их признаков тождественна, а другая часть сохраняет различия. Частным случаем аналогии является тождество, где все существенные признаки сравниваемых явлений одинаковы, а различия представлены некоторыми несущественными признаками. Примером такой аналогии могут быть два экземпляра одного и того же изделия.

Сходство типа тождества не может быть основой моделирования, так как в этом случае изучение модели не дает никаких преимуществ перед изучением оригинала. Модель должна иметь некоторые существенные отличия от оригинала, и именно такие, которые делают ее исследование более доступным и экономически выгодным по сравнению с непосредственным исследованием оригинала. Такими отличиями могут быть размеры модели, ее материал, структура, способ и условия функционирования и т. п.

Разновидности аналогии выражаются в математике понятиями «подобие», «физическая аналогия», «изоморфизм», «гомоморфизм». Сходство, выраженное этими понятиями, — основа всех видов технического моделирования и построения различного рода логико-математических моделей. Однако эти понятия в том виде, как они сложились в математике, имеют ограниченное применение в области общественных наук из-за сложности социальных явлений и отсутствия достаточно развитого математического аппарата, позволяющего строго описывать эти явления. Они применимы в общественных науках в той мере, в какой удается выразить социальные процессы средствами математики. Поэтому разработка таких форм аналогии, которые можно было бы применить для строгого сопоставления социальных явлений, — одна из важных задач науки.

Таковы объективные предпосылки моделирования, если их рассматривать в онтологическом плане.

Предпосылками гносеологического характера являются единство информационно-отражательного и конструктивно-творческого моментов в познании, исторически сложившаяся способность мышления человека к сравне-

нию и абстрагированию сходного в различных явлениях, к превращению абстракций в самостоятельные предметы исследования и конструированию из некоторых идей и представлений новых идей и представлений. Опираясь на объективное сходство явлений, человек в процессе познания устанавливает характер этого сходства, исследует свойства и отношения в модели и осуществляет переход от знания о модели к знанию об оригинале путем умозаключения по аналогии, индукции и дедукции.

Выводы по аналогии, индукция и дедукция тесно связаны между собой. Вывод по аналогии — это умозаключение от общности одних свойств или отношений двух предметов к общности других свойств или отношений этих же предметов. Индукция — это переход от знаний об отдельных предметах к знанию обо всем классе этих предметов. Дедукция есть переход от знания о классе предметов к знанию о единичном предмете, входящем в этот класс.

Для моделирования особое значение имеет анализ выводов по аналогии, так как переход от модели к оригиналу по крайней мере по форме носит характер умозаключения по аналогии. Когда говорят о выводах по аналогии, обычно подчеркивают, что они имеют вероятностный характер, лишены доказательной силы и служат лишь средством выдвижения гипотез. Это действительно так. В мире не существует как абсолютно различных, так и абсолютно тождественных явлений. При сходстве любого количества признаков у двух объектов неизбежно имеются и несходные, специфические для каждого из них признаки. Поэтому не исключено, что именно переносимый с модели признак может отсутствовать или быть сильно измененным у оригинала.

Однако известно, что моделирование на основе теории подобия позволяет получать достоверные выводы об оригинале. Эта достоверность обеспечивается тем, что изучаемое явление в модели и оригинале описывается одинаковыми уравнениями и на оригинал переносятся лишь те свойства, характеристики которых имеются в этих уравнениях. Иначе говоря, достоверность обусловливается строгим соблюдением некоторых общих принципов и правил перехода от модели к оригиналу, сформулированных в теории подобия. Но это означает, что выводы такого рода нельзя отнести к обычной аналогии. Они представ-

ляют собой переход от одного частного к другому частному с помощью общего, то есть являются особой формой вывода по аналогии, опирающегося на логическое тождество предметов и включающего в себя элементы дедукции.

В тех же случаях, когда исследуемые свойства и отношения находятся в сложных взаимосвязях с другими свойствами и отношениями и не могут быть достаточно полно описаны математически, переход от модели к оригиналу на основе их аналогии дает лишь вероятностное знание. Здесь нужна разработка правил, повышающих вероятность обычных выводов по аналогии. В последнее время предпринимаются попытки исследовать разновидности выводов по аналогии с целью повышения их вероятности и получения достоверного знания. Важным шагом в этом направлении являются работы А. И. Уемова[1].

Правила, разработанные формальной логикой, показывают, что вероятность истинности выводов по аналогии тем выше, чем больше общих признаков у сравниваемых предметов, чем эти признаки типичнее, существеннее, чем более разносторонне характеризуют они предметы и чем теснее связаны общие признаки двух предметов с признаком, переносимым с модели на оригинал. Однако и при соблюдении всех этих условий вывод по аналогии при анализе сложных явлений сохраняет вероятностный характер. Вот почему нужна большая осторожность при его использовании, особенно при анализе социальных процессов, в том числе процессов вооруженной борьбы.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что в некоторых областях моделирования существуют строгие правила, обеспечивающие достоверность выводов при переносе результатов с модели на оригинал. В других областях, в частности при моделировании социальных явлений, необходимо дальнейшее развитие теории моделирования и разработки правил построения моделей и переноса результатов на оригинал. Следует подчеркнуть также, что во всех случаях моделирования выводы должны проверяться и корректироваться с помощью теоретического анализа и практики.

---

[1] См. А. И. Уемов. О достоверности выводов по аналогии. В книге «Философские проблемы современной формальной логики». Изд-во АН СССР, 1962. Его же. Вещи, свойства и отношения. Изд-во АН СССР, 1963. — Прим. авт.

2. Применение моделей в военной теории и практике

В силу специфики вооруженной борьбы возможности непосредственного научного исследования ее явлений практически исключены в мирное время и ограничены в условиях войны. Вот почему военная наука широко использует метод моделирования. Более того, ограниченные возможности непосредственного исследования процессов вооруженной борьбы делают моделирование преобладающим методом военной науки, на основе которого применяются и другие эмпирические и логические методы познания.

Можно выделить три основные области применения моделирования в военном деле: область военно-научных исследований, область обучения и воспитания личного состава и область самой вооруженной борьбы, а точнее — управления войсками в динамике боя (операции). В военно-научных исследованиях моделирование выступает как средство развития военной теории, как метод получения новых знаний о процессах и средствах вооруженной борьбы и разработки соответствующих оперативно-тактических нормативов. В обучении основной функцией модели является облегчение передачи знаний обучаемым. В условиях реальных боевых действий моделирование выступает как средство ускорения переработки текущей информации и автоматизации процессов управления войсками.

В зависимости от области применения изменяются не только функции, но и характер моделей и способы их построения. Однако всем видам моделирования, всем моделям, применяемым в военной науке и практике, свойственны общие черты, обусловленные особенностями основного объекта моделирования — вооруженной борьбы.

Вооруженная борьба является необычайно сложным и противоречивым социальным явлением. На ход и развитие боевых действий влияют разнообразные факторы: экономические, политические, идеологические, психологические, собственно военные и другие. В своей совокупности они образуют различные сочетания взаимозависимых причин и следствий, в которых необходимость проявляет себя не однозначно, а в форме вероятности. Это важно учитывать при построении и исследовании моделей, особенно при интерпретации полученных результатов.

Далее. Вооруженная борьба представляет собой конфликтную ситуацию, в которой действуют две стороны, преследующие противоположные цели. В такой ситуации решения и действия одной стороны зависят не только от совокупности объективных факторов, но и от планов и намерений противоположной стороны. Это означает, что модели боевых действий должны воспроизводить конфликтный характер ситуации, учитывать активное противодействие сильного и умелого противника.

И наконец, вооруженную борьбу следует рассматривать как динамичный, сложно управляемый процесс, в котором действуют два управляющих органа, стремящихся подчинить своему влиянию весь процесс в целом и помешать это сделать противной стороне[1]. Явления вооруженной борьбы выступают как следствие и предпосылка управляющих действий, связанных с восприятием и переработкой информации, с принятием и реализацией решений. Но это означает, что моделирование в военном деле носит преимущественно кибернетический характер, модели воспроизводят управляемые процессы и подчинены задачам управления, оптимизации принимаемых решений в ходе боевых действий и выработке соответствующих знаний и навыков в процессе обучения.

В военной науке и практике применяются различные разновидности моделей, которые можно сгруппировать в несколько основных типов. Необходимо заметить, что в нашей философской литературе единой и общепринятой классификации моделей пока нет. Чаще всего встречается деление моделей на физические и математические. Но это деление, сложившееся в теории моделирования физических процессов, во-первых, не охватывает всего многообразия существующих моделей; во-вторых, к «математическим» моделям относит и математические описания

---

[1] Эту особенность процесса управления боевыми действиями тонко подметил Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский. Он писал, что «только та сторона действительно руководит своими действиями, которая добивается развития их в соответствии со своим планом, а это означает, что действительное управление боем должно было бы быть управлением всем процессом боя, т. е. не только своими действиями, но в какой-то степени и действиями противника, навязанными ему нашими действиями... Искусство управления боем требует понимания этого сложного противоречивого процесса». (М. Н. Тухачевский. Новые вопросы войны. «Военно-исторический журнал», 1962, № 2, стр. 73.) — Прим. авт.

и технические модели, созданные на основе математического подобия. В последние годы советскими учеными сделан ряд попыток дать более обобщенную классификацию моделей[1].

Не ставя задачей дать всестороннюю классификацию моделей, отметим те исходные моменты, на которых она может быть построена. За основание классификации можно принять, во-первых, содержание, объем и характер информации об оригинале, а во-вторых, форму, в которой эта информация представлена в модели.

По содержанию фиксируемой в модели информации различают модели структур, модели функций и смешанные (структурно-функциональные) модели. Объем представленной в модели информации об оригинале служит основанием для различения моделей полной аналогии (при сходстве материала, строения и способа функционирования оригинала и модели) и моделей частичной аналогии. В зависимости от характера изучаемых процессов и соответственно от характера информации о них говорят об однозначно-детерминированных и вероятностных моделях.

Особую роль играет такое основание классификации, как форма, в которой представлена информация (субстрат, структура и принцип действия не оригинала, а самой модели). Именно по этому основанию делят и именуют основные типы моделей в практике моделирования. При таком подходе все модели можно разделить на две большие группы: **вещественные и мысленные.**

Вещественные модели включают в себя естественные (природные и социальные) явления, которые выполняют функции моделей благодаря большей изученности и большей доступности по сравнению с изучаемым явлением, и искусственные модели, созданные специально для целей исследования. Искусственные модели могут быть техническими, воспроизводящими явления с помощью технических устройств, и «нетехническими» (например, опытные формы хозяйствования и управления в экономике, учения и маневры в военном деле и т. п.).

Мысленные модели включают в себя модели, сконструированные из чувственно-наглядных представлений, и

[1] См. В. А. Веников. Некоторые методологические вопросы моделирования. «Вопросы философии», 1964, № 11. — Прим. авт.

абстрактные логико-математические модели. Чаще всего, однако, мысленные модели создаются из элементов того и другого рода и реализуются с помощью различных систем знаков (слов, предложений, математических и логических символов, графиков, схем и т. п.). Поэтому в литературе их иногда называют знаковыми моделями.

В военной науке при решении задач технического характера применяются все известные виды технического моделирования от действующих физических моделей образцов техники и оружия до моделирования на аналоговых и цифровых вычислительных машинах. При решении задач оперативно-тактического характера основными типами моделей, применяемыми для исследования боевых действий, являются естественные (натурные) модели, искусственные, «нетехнические» модели-игры, технические («математические») модели, осуществляемые на электронных вычислительных машинах, и мысленные (знаковые, логико-математические) модели. Рассмотрим кратко каждый из этих типов.

Естественные (натурные) модели. Наиболее типичным случаем моделирования боевых действий является искусственное построение моделей. Но, как уже отмечалось, в качестве модели могут выступать и реальные боевые действия. Для того чтобы вскрыть закономерности, типичные процессы, тенденции и создать в теории правильную картину того или иного вида боевых действий, военный исследователь выбирает из множества боев, операций, сражений наиболее характерные и подвергает их детальному исследованию. При этом он абстрагируется от случайных, несущественных моментов и концентрирует внимание на определяющих, существенных. В результате делаются выводы и обобщения, характеризующие данный вид боевых действий в целом.

Исследование таких операций третьего периода Великой Отечественной войны, как Белорусская, Ясско-Кишиневская, Берлинская, позволяет создать обобщенную картину фронтовой операции и сделать ряд выводов о характере операций на окружение как наиболее типичной формы боевых действий того периода. В данном случае реальные операции Великой Отечественной войны выступают в роли моделей соответствующего вида боевых действий в целом.

Однако выводы, получаемые в результате исследования процессов реальной вооруженной борьбы, постепенно устаревают. Их корректирование и дальнейшее развитие в условиях мирного времени — задача столь же необходимая, сколь и трудная. В известной мере выходом из положения является построение искусственных моделей, не отражающих боевых действий во всей их полноте, но позволяющих получать данные об их отдельных сторонах и процессах в условиях ракетно-ядерной войны.

Модели-игры. Этим понятием объединяются те модели, обязательным составным элементом которых выступают действия людей в конфликтных ситуациях. Хотя под игрой понимают самые различные, часто совсем не похожие друг на друга явления (игра на сцене, игра на бирже и т. д.), многие игры действительно отражают ситуацию конфликта, противоборства сторон. Таковы большинство спортивных игр, некоторые настольные игры[1], военные игры.

Обычно под военной игрой понимают особую форму оперативно-тактической подготовки офицеров, генералов, адмиралов, когда обучаемые разыгрывают боевые действия на картах, без участия войск. Но в широком смысле военной игрой являются всякие военные учения. Поэтому термином «игра» («игровая модель») будут именоваться в дальнейшем и войсковые учения, и маневры, и командно-штабные учения на местности, и собственно военные игры на картах.

Модели-игры представляют собой наиболее известную форму моделей боевых действий. Их можно охарактеризовать как разновидность вещественных, социальных по своей природе моделей, создаваемых специально для решения определенных учебных и научно-исследовательских задач. Игровые модели имеют ряд объективно сходных черт с воспроизводимыми боевыми действиями, и это позволяет некоторые выводы, полученные в ходе игр, переносить на сами боевые действия. Но игры никогда не отражают вооруженную борьбу во всей ее сложности.

---

[1] Можно предположить, что игра в шахматы первоначально возникла как вид военной игры для обучения искусству управления войсками. В литературном памятнике X века «Шахнамэ» А. Фирдоуси говорится: «Здесь все образы и пути от войны. Ты увидишь, когда раскроешь путь этой игры, и ход, и мысли, и снаряжение боя». — Прим. авт.

Многие факторы, включая и сам конфликт, имеют условный характер, ибо отсутствует реальное воздействие противника. Всякие игры, в том числе и военные, ведутся по определенным правилам, которые, как известно, не соблюдаются в ходе войны. Поэтому, видимо, не все результаты, полученные на учениях, можно переносить на реальные боевые действия.

Наибольшую ценность имеют результаты, которые относятся к определенным и четко очерченным задачам, например к уточнению норм по рассредоточению подразделений в условиях применения ядерного оружия, возможных скоростей передвижения войск в конкретных условиях боевой обстановки, к определению эффективности данного вида маневра, данного образца оружия, вида огня, системы управления и т. д. Иными словами, ценность получаемых результатов тем выше, чем больше проводимые учения приближаются к научному эксперименту.

От чего зависит степень достоверности выводов, получаемых на игровых моделях? Во-первых, от того, насколько богатая информация воплощена в модели, то есть насколько полно учтены известные данные о соответствующих боевых действиях, об эффективности оружия, техники и т. д., насколько соблюдаются условия, приближающие обстановку к боевой. Во-вторых, от того, насколько полученные результаты связаны с известными данными и могут быть логически выведены из них путем варьирования условий игры, то есть насколько переносимый признак обусловлен общими признаками модели и оригинала и вытекает из них. В-третьих, достоверность выводов возрастает, если они имеют достаточно общий характер, то есть не связаны со спецификой данной игры и вообще не зависят существенно от признаков, отличающих игры от реальных боевых действий.

Выводы, полученные на игровых моделях, выражают усредненные условия ведения боевых действий, но именно благодаря этому они становятся отправными данными, нормативами, на которые может опираться командир.

Превращение игровых моделей в подлинный инструмент военно-научного исследования тесно связано с процессом математизации военной науки. Военная наука давно использует математику для вспомогательных расчетов, но только в последнее время математика начинает

применяться для описания и анализа самого боя. Применение математических методов к исследованию боевых действий и более широко — к исследованию действий всяких организованных коллективов людей получило название «исследование операций» [1].

Применение математики к исследованию боевых действий и их игровых моделей невозможно без осуществления еще одного вида моделирования — мысленного, с построением **знаковых, логико-математических моделей.** Применить средства математики для описания и анализа какой-либо операции [2] невозможно, если брать эту операцию во всем многообразии ее связей. Для этого пришлось бы учитывать и включать в уравнения бесконечное количество показателей. Не говоря уже о том, что многие параметры, характеризующие явления вооруженной борьбы, не поддаются пока точной оценке, огромное количество и вероятностный характер большинства показателей привели бы к результату, противоположному ожидаемому. Вместо четких формул появились бы громоздкие, нерешаемые уравнения.

Чтобы избежать этого, нужно абстрагироваться от всех второстепенных условий и факторов, отобрать типичные и самые необходимые для характеристики хода изучаемой операции. Иначе говоря, реальную операцию необходимо заменить ее упрощенной, мысленно сконструированной моделью. Такая модель представляет собой совокупность суждений, определяющих задачу операции, и критерии, по которым можно судить о ее успехе или неуспехе (критерии эффективности), тактическую обстановку и принятые допущения, условия, обеспечивающие выполнение операции. Полученное таким образом описание представляет собой образно-логическую схему-модель изучаемого явления. Затем можно осуществить дальнейшую формализацию изучаемых процессов, выразить от-

---

[1] Теоретические основы и некоторые примеры исследования операций изложены в книгах: Ф. М. Морз и Д. Е. Кимбелл. Методы исследования операций. Изд-во «Советское радио», 1956; Т. Саати. Математические методы исследования операций. Воениздат, 1963; Е. С. Вентцель. Введение в исследование операций. Изд-во «Советское радио», 1964. — Прим. авт.

[2] В математике под «операцией» понимаются любые действия, объединенные единым замыслом. В этом смысле операциями являются и боевые действия объединений, и пуск одной ракеты, и инженерное оборудование района боевых действий. — Прим. авт.

ношения между элементами с помощью символов, применить количественные показатели и превратить образно-логическую модель в модель логико-математическую.

Схематизация, упрощение действительности, кажущиеся на первый взгляд отрицательными моментами моделирования, на самом деле являются единственно возможным путем познать сущность сложных процессов. Некоторая временная потеря всесторонности охвата явления окупается более глубоким и точным познанием его отдельных сторон. Это подтверждается ведением рабочей карты командира — наиболее распространенной формы знаковой модели боевых действий. Рабочая карта не отражает всех деталей боевой обстановки, но зато иллюстрирует наглядно наиболее важные ее черты, позволяет охватить ее в целостном виде, пространственно и извлечь о ней информацию, превышающую ту, которая имелась в исходных данных.

Характерные примеры применения математики к анализу конфликтных ситуаций и построения их логико-математических моделей дает теория игр. Это совсем молодая математическая дисциплина, и результаты, к которым она приводит в военном деле, пока имеют больше теоретическое, чем практическое, значение. Тем не менее заслуги этой теории бесспорны. Формулируя такие понятия, как «игра», «партия игры», «стратегия игры», «цена игры» и т. п., она позволяет осуществить количественный подход к конфликтным ситуациям, к действиям, которые зависят не только от объективных условий, но и от субъективных решений сторон. Несмотря на ряд возникающих при этом трудностей, теория игр находит все более широкое применение в решении военно-научных задач[1].

Существуют два подхода к описанию и исследованию динамики боя средствами математики: аналитический и статистический.

При аналитическом подходе осуществляется описание процессов боя («поведения системы») в форме функцио-

---

[1] Подробнее о теории игр см. книги: Дж. Мак-Кинси. Введение в теорию игр. Физматгиз, 1960; Дж. Вильямс. Совершенный стратег. Изд-во «Советское радио», 1960; Е. С. Вентцель. Элементы теории игр. Физматгиз, 1961; Применение теории игр в военном деле. Перевод с английского. Изд-во «Советское радио», 1961. — Прим. авт.

нальных уравнений. Созданные таким путем логико-математические модели называют обычно аналитическими, однозначно-детерминированными моделями. На основе аналитического подхода можно исследовать лишь самые простейшие модели боевых действий. В случае усложнения модели возникают громоздкие, нерешаемые уравнения. Но этот недостаток компенсируется тем, что аналитический подход помогает выявить наиболее существенное и типичное в явлениях, сделать обобщения.

В литературе имеется описание некоторых аналитических моделей, воспроизводящих отдельные явления вооруженной борьбы. Наибольшей известностью пользуется модель боя Ф. Ланчестера [1].

При статистическом подходе осуществляется описание процессов боя в форме логических условий их розыгрыша методом Монте-Карло [2]. Зная вероятность одного события, от которого зависит другое, можно, используя механизм случайного выбора, определить наступление или ненаступление каждого из этих событий. Многочисленность взаимовлияющих процессов и их случайный характер не являются препятствием для их исследования методом статистических испытаний. Таким образом, можно проиграть довольно сложные процессы, более точно оценить ожидаемую эффективность боевых действий. Модели, исследуемые таким путем, носят название стохастических моделей.

Построение логико-математических, знаковых моделей позволяет перейти к моделированию боевых действий в их динамике **на электронных вычислительных машинах.** Вычислительная машина, решая уравнения, описывающие ход боя, или производя логические операции по розыгрышу случайных событий, тем самым воспроизводит (моделирует в информационном плане) ход боевых действий. Различают машины непрерывного действия, или аналоговые вычислительные машины (АВМ), и машины дис-

---

[1] Более подробно с описанием модели Ф. Ланчестера можно познакомиться в книге: Ф. М. Морз и Д. Е. Кимбелл. Методы исследования операций. Изд-во «Советское радио», 1956.

[2] Термин «Монте-Карло» обязан своим происхождением играм в рулетку, широко распространенным в игорных домах Монте-Карло. Содержание метода изложено в книге: Бусленко Н. и др. Метод статистических испытаний (метод Монте-Карло). Изд-во «Советское радио», 1962. — Прим. авт.

кретного действия, или цифровые вычислительные машины (ЦВМ).

Моделирование на АВМ возможно благодаря тому, что между физическими процессами, протекающими в машине, и внешними изучаемыми процессами существует аналогия: они описываются одинаковыми уравнениями. АВМ оперируют величинами, представленными в виде непрерывно меняющихся напряжений и других электрических и механических переменных, и выдают результат, представляющий собой решение соответствующих уравнений.

В английской печати приводился пример успешного применения моделирования на АВМ при испытаниях зенитного управляемого ракетного снаряда «Бладхаунд». На аналоговой вычислительной машине были смоделированы различные условия полета снаряда и проведены 200 «запусков», во время которых варьировались высоты, траектории, скорости, дальности полета мишеней и прослеживалось поведение снаряда от старта до перехвата. В результате эксперимента были вскрыты неизвестные ранее характеристики ЗУРСа и на этой основе усовершенствован снаряд. Об экономическом эффекте модельного эксперимента говорит тот факт, что общая стоимость испытаний на модели составила около 5 процентов стоимости огневых испытаний.

В цифровых машинах моделирование также осуществляется путем решения уравнений или реализации алгоритмов розыгрыша методом Монте-Карло, но, протекающие в машине процессы уже не имеют физической аналогии с изучаемыми. Машина фиксирует в цифровой форме информацию о внешних явлениях и воспроизводит операции человека-вычислителя. Модели информации реализуются кодом в структурах внешнего и оперативного запоминающихся устройств. Логические операции моделируются самой конструкцией машины и с помощью тех программ, по которым обрабатывается информация.

В иностранных военных источниках дается описание ряда моделей, воспроизводящих танковые и артиллерийские дуэли, борьбу танков и противотанковых средств, бой общевойсковых подразделений. Пока эксперименты такого рода носят лабораторный характер, но, по мнению специалистов, после усовершенствования методов описания и программирования, увеличения емкости па-

мяти и быстроты действия вычислительных машин они могут быть перенесены из лабораторий в штабы и использованы для планирования боя.

Возникает вопрос о ценности результатов, получаемых с помощью такого рода моделей. Поскольку при построении модели допускаются упрощения, а исходные характеристики часто определяются лишь приблизительно, модель может давать как верные, так и далекие от действительности результаты. Критерием оценки качества модели является практика. Применяются следующие основные способы практической проверки качества моделей, осуществляемых на электронных вычислительных машинах:

а) создание моделей тех боевых действий, которые происходили в прошлом. Если результаты, полученные на модели, совпадают с теми, которые были в действительности, то можно сделать вывод, что принципы, положенные в основу модели, и способ ее осуществления правильны;

б) организация моделей-игр (экспериментальных учений), воспроизводящих ситуацию, разыгрываемую на ЭВМ, когда модели одного рода выступают средством контроля и корректирования моделей другого рода;

в) частная проверка модели, разыгрываемой на ЭВМ, по блокам. Если вычислительная машина дает решение частных задач (обнаружение цели, стрельба, передвижение) с результатами, близкими к тем, которые наблюдаются в действительности, можно считать, что решение задачи в целом будет также близко к действительному положению вещей.

Рассмотренные выше основные типы моделей применяются в определенной последовательности и взаимосвязи на каждом этапе познания явлений вооруженной борьбы.

При переходе от внешней характеристики явления к его качественному и количественному анализу обычно первым шагом будет создание упрощенной схемы (мысленного аналога), или, другими словами, качественной, образно-логической модели этого явления.

Построение такой модели представляет собой необходимый момент творческой мыслительной деятельности человека. Поэтому этап построения качественной образно-логической модели предшествует не только

математическому анализу изучаемого явления, но и созданию любой другой мысленной или вещественной модели.

Построение вещественных моделей (учений, игр на картах, моделей, реализуемых на электронных вычислительных машинах) выступает как следующий важный шаг на пути исследования сложных явлений вооруженной борьбы, как источник необходимых статистических данных. Анализ и обобщение этих данных позволяют формулировать новые положения военной теории.

Но, как известно, этим не заканчивается процесс познания. Полученные выводы и обобщения нуждаются в дальнейшем уточнении и практической проверке. Высшей формой практики в военном деле выступает вооруженная борьба, а также другие формы практики (стрельбы, пуски ракет и т. п.). Однако и на этом этапе познания важная роль принадлежит моделям (модельной форме практики). Новые теоретические положения и выводы формулируются в виде мысленных моделей-гипотез, затем реализуются в вещественных моделях и получают таким образом практическую проверку.

Все сказанное еще раз подтверждает мысль о том, что модели всех видов выступают как связующее звено между действительностью вооруженной борьбы и военной теорией. Они представляют действительность в форме, удобной для логико-математического анализа, и являются своеобразным средством экспериментальной проверки теоретических положений.

Каковы области и границы эффективного применения моделирования в военном деле? Возможность и успешность моделирования в значительной мере зависят от возможностей количественного подхода к изучаемым процессам, их абстрагирования от других процессов и воздействий. По нашему мнению, можно выделить несколько уровней рассмотрения процессов вооруженной борьбы, допускающих разную степень их абстрагирования от влияющих факторов.

На первом уровне рассматриваются процессы, которые, не будучи специфически военными, органически включаются в вооруженную борьбу, выражают ее «физический» облик. Примерами таких процессов являются перемещение в пространстве и времени отдельных объектов (пуль, снарядов, бомб, ракет); динамическое, химическое, ра-

диационное воздействие поражающих средств на объекты; передача, прием, переработка информации и другие. Это процессы, протекающие в соответствии с теми или иными законами природы. При их исследовании правомерно абстрагироваться от многих факторов, в том числе и от собственно военных (например, от характера противодействия противника). Они легко поддаются математической обработке. Их моделирование, как физическое, так и математическое, дает высокий эффект.

На втором уровне рассматриваются более сложные процессы, составляющие частные моменты собственно вооруженной борьбы. Это различные этапы боевых действий: разведка, марш, развертывание войск, их группировка для боя (операции), маневр силами и огнем в ходе боевых действий, процесс изменения соотношения сил, закономерности их наращивания и убывания на различных этапах боевых действий. Здесь действуют специфические законы вооруженной борьбы, существенную роль играют многочисленные объективные и субъективные факторы. Однако частный характер этих процессов допускает известные упрощения и абстрагирование от некоторых влияющих факторов. Указанные процессы являются объектом приложения математических методов исследования операций. Разработка соответствующего математического аппарата и теории моделирования делает все более эффективным использование в этой области метода моделей. Практическая ценность получаемых при этом результатов тем выше, чем более элементарны, массовы и однородны изучаемые процессы.

Высший уровень составляет рассмотрение вооруженной борьбы как целостного явления, как противоборства сторон, развивающегося под воздействием всей совокупности факторов. Целью познания в этом случае выступают основные закономерности вооруженной борьбы, предвидение ее хода и исхода. Если на первых двух уровнях преобладает аналитический подход к явлениям, то здесь решающая роль принадлежит синтезу полученных ранее результатов. Если на первых двух уровнях познание движется от целого к его частям, то на высшем уровне—от части к целому. Любая частная модель окажется недостаточной для отображения вооруженной борьбы как целостного явления, и лишь совокупность всех возможных моделей в принципе может выполнить эту

задачу. Если же вести речь не о принципиальных, а о практически реальных возможностях, то познание вооруженной борьбы как целостного явления требует прежде всего непосредственного обращения к опыту самой вооруженной борьбы, учета всей совокупности действующих факторов, использования всех познавательных приемов и методов, среди которых моделированию (и в частности, математическому) может быть отведена лишь вспомогательная роль.

Таковы в общих чертах возможности моделирования процессов, составляющих содержание вооруженной борьбы. Выяснение этих возможностей — лишь одна сторона вопроса об областях и границах эффективного моделирования в военном деле. Другая его сторона — проблема моделирования самой управляющей деятельности командира, его мыслительных операций, о чем подробнее говорится в следующей главе.

Моделирование как один из эффективных методов познания имеет огромное значение в военной теории и практике. Наши офицерские кадры призваны развивать и совершенствовать этот метод, использовать его во всех областях военного дела в интересах укрепления боевой мощи и боевой готовности Советских Вооруженных Сил.

★

Глава XIII

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ АВТОМАТИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ВОЙСКАМИ

1. Пути совершенствования существующих систем управления войсками

Автоматизация управления боевыми действиями войск, являющаяся логическим продолжением современной революции в военном деле, выдвигает ряд методологических проблем. К ним относятся: анализ противоречий в сфере управления войсками и выяснение роли автоматизации как средства разрешения этих противоречий; исследование принципиальных возможностей и тенденций развития автоматизации управления; особенности воспитания морально-волевых и психических качеств у командиров и операторов, работающих в автоматизированных системах, и другие.

Вооруженная борьба крайне сложна и противоречива. Это сказывается и на характере управления войсками. В сфере управления существуют противоречия между недостатком информации о противнике и необходимостью предвидеть его действия, между сложностью оценки обстановки и необходимостью быстро принимать решение, между централизацией управления и необходимостью предоставлять инициативу подчиненным и т. п.

Эти противоречия вызвали к жизни особую науку — военную кибернетику, объектом исследования которой являются системы и процессы управления войсками. Задача кибернетики состоит в том, чтобы найти наилучшие

формы организации этих систем, разработать оптимальные методы их функционирования, а также выработать рекомендации по применению электронных вычислительных, информационно-логических и моделирующих машин и других устройств, повышающих эффективность управления войсками.

В послевоенный период кибернетика получила широкое распространение в военном деле, поскольку точность и надежность управления оказались обязательным условием эффективного использования ракетно-ядерного оружия, ибо неуправляемое разбрасывание атомных зарядов может не только не обеспечить решение поставленной задачи, но и привести к поражению своих войск, к бессмысленным разрушениям и радиоактивному заражению территории, не оправданному военными соображениями.

Известно, что оперативность, точность и надежность управления в некотором смысле являются эквивалентом мощности оружия. Абстрактно рассуждая, для уничтожения миллионной армии достаточно миллиона винтовочных патронов при условии, что каждая пуля попадет в цель. В реальных же войнах патроны тратятся миллиардами. Так происходит потому, что управление оружием еще весьма примитивно. Недостаточную точность огня приходится компенсировать либо количеством оружия, либо повышением его мощности. Если же такая компенсация не удается, то оружие оказывается неэффективным. Немецкие управляемые снаряды Фау-1 и Фау-2, применявшиеся во второй мировой войне, оказались малоэффективными именно потому, что мощность их зарядов не компенсировала неточность наведения.

Одна из характерных особенностей современной революции в военном деле состоит в том, что очень усложнились оружие и боевая техника, чрезвычайно увеличилось количество оперативно-тактической информации, циркулирующей в системах управления войсками. Чтобы принять решение на применение ракетно-ядерного оружия, необходимо переработать огромный объем информации и выполнить сложные трудоемкие расчеты. Образно говоря, войсковые штабы ныне стали своеобразными научно-исследовательскими и вычислительными центрами.

Новые средства и способы вооруженной борьбы резко изменили пространственные и временные масштабы боевых операций, превратив последние в быстротечные и динамичные. Это в свою очередь в несколько раз увеличило абсолютный объем оперативно-тактической информации и сократило время на ее обработку.

Попытки разрешить противоречия в сфере управления войсками предпринимались и в прошлом. Например, численность сотрудников аппарата британского Адмиралтейства (министерство военно-морского флота) в период с 1914 по 1928 год удвоилась, несмотря на то, что после окончания первой мировой войны флот был резко сокращен. И все же проблема управления не была решена. Ныне в Центральном разведывательном управлении США, которое работает главным образом на Пентагон, только обработкой стратегической информации занимается более 15 тысяч человек. И тем не менее, как отмечает американский генерал В. Плэтт, все заняты сверх меры, поскольку идет огромный поток документов, а время для чтения и обработки их ограничено.

В последнее десятилетие выяснилось, что увеличение численности персонала штабов имеет пределы, превышение которых не улучшает положения, а лишь увеличивает инерционность системы, ведет к сутолоке в работе. Дело в том, что обычно офицеры штабов обрабатывают информацию не параллельно один другому, как, скажем, сортировщики корреспонденции на почтамте, а последовательно, один за другим. И пока первый не выполнил возложенные на него обязанности, следующий не может приступить к работе. Кроме того, нередко информационная пропускная способность штаба или отдела определяется работоспособностью и квалификацией его начальника. Таким образом, практика показала, что за счет увеличения аппарата штабов нельзя решить проблему управления войсками.

Каковы же пути совершенствования ныне существующих систем и процессов управления?

По мнению военных специалистов ряда стран, такими путями являются:

— специальная методика отбора и подготовки командиров и штабных офицеров;

— научное определение объема необходимой и доста-

точной оперативно-тактической информации, циркулирующей в системах управления войсками;

— изыскание оптимальной организации подразделений, частей, соединений, объединений и их штабов;

— поиск наиболее эффективных способов обработки информации «вручную» и с помощью вычислительных машин;

— определение наилучшего «распределения обязанностей» между людьми и электронной техникой.

Рассмотрим некоторые из этих путей.

Одним из средств улучшения систем управления войсками может быть **научно обоснованная методика отбора и подготовки** командиров и офицеров штабов.

Как свидетельствуют данные инженерной психологии, люди различаются по типу, характеру и быстроте реакций на раздражители, по способности выполнять те или иные операции, по утомляемости внимания и т. д. Немецкий психолог З. Гератеволь пришел к выводу, что нередко авиационные аварии и катастрофы происходят только потому, что за штурвалом оказываются люди, которые по структуре своей нервной системы и психическому складу не должны допускаться к управлению самолетом.

По своей интенсивности и психической нагрузке работа командиров и офицеров штабов в условиях ракетно-ядерной войны будет исключительно тяжелой. Они будут обязаны в ограниченное время перерабатывать большое количество оперативно-тактической информации и на основе чаще всего недостаточно полных данных принимать ответственные решения. Командиры и офицеры штабов нередко будут вынуждены выполнять функции, сходные с функциями операторов автоматизированных систем. А операторов, как известно, отбирают по определенной методике.

Разумеется, принципы отбора персонала штабов и пунктов управления должны быть иными, нежели летчиков или операторов радиолокационных станций. Однако необходимо научно обосновать критерии такого отбора, представляющего начальный этап работы по подготовке командиров и офицеров штабов, способных выполнять сложные обязанности, обладающих высокой штабной культурой.

Ясно, что при прочих равных условиях система, где

работают лица с более высокой скоростью реакций, натренированные в быстрой переработке информации, будет управлять подчиненными подразделениями и боевыми комплексами, несомненно, эффективнее, нежели система, личный состав которой подобран без учета таких требований.

Другим средством повышения эффективности систем и процессов управления войсками является **научно обоснованный отбор необходимой и достаточной оперативно-тактической информации.**

Объективно количество информации зависит от состава войск, их вооружения, характера и интенсивности боевых действий. Этим определяется действительно необходимый минимальный объем информации, без которого нельзя обойтись. Однако в системах управления войсками практически передается, принимается и перерабатывается информации в несколько раз больше, чем необходимо.

Исследования показали, что некоторые необходимые и трудоемкие документы могут быть заменены простыми стандартизованными сообщениями. Как считают специалисты, стандартизация оперативно-тактических документов, строго определяющая их форму, содержание, сроки и способы доставки, может резко сократить поток информации и позволит высвободить рабочее время офицеров штабов для творческой работы. Однако практически осуществить такую стандартизацию не просто. Кроме того, при некоторых условиях она может привести к шаблону в управлении войсками. Чтобы избежать его, эту работу следует поручать хорошо подготовленным, высококвалифицированным офицерам.

Следующим направлением совершенствования существующих систем управления является изыскание **оптимальной** (в смысле удобоуправляемости) **организационной структуры** подразделений, частей, соединений, объединений и их штабов.

Для обеспечения наилучших условий передачи оперативно-тактической информации наиболее приемлемой организацией войск была бы такая, при которой, например, все батальоны, действующие на определенном фронте, без каких бы то ни было промежуточных инстанций непосредственно подчинялись командующему. При этом на передачу информации из батальона в штаб фронта затрачивалось бы минимальное время, что очень важно в ус-

ловиях боевых действий, в особенности в ракетно-ядерной войне.

Однако для переработки информации такая система просто пагубна: ни один современный штаб не в состоянии в течение короткого времени переработать информацию, поступающую непосредственно от двухсот подразделений.

Для быстрой переработки информации наилучшей была бы такая организация, при которой у каждого начальника имелось бы всего лишь два непосредственно подчиненных. В таком случае ему пришлось бы перерабатывать минимальное количество информации, и время для этого свелось бы к минимуму. Но такая система абсолютно неприемлема с точки зрения требований к передаче информации, ибо на это затрачивалось бы слишком много времени.

Таким образом, очевидно, что ни одно из этих крайних решений не может быть принято. Остается искать систему с оптимальным количеством промежуточных инстанций, которые отбирали бы основную массу информации, поступающей «снизу», обобщали и экономно перекодировали ту ее часть, которая должна быть передана «вверх». Эти же промежуточные звенья конкретизируют и дополняют подробностями информацию управления, идущую «сверху»: без этого она была бы слишком обща и при самом блестящем замысле командующего фронтом оказалась бы непонятной для командиров подразделений. Попытки найти наиболее удачную организационную структуру войск, отвечающую эффективному управлению, предпринимались давно. За последние три-четыре столетия совершился переход от десятичной системы римских легионов и татаро-монгольских орд (организованных по принципу: десяток, сотня, тысяча, тьма) к такой организации, при которой командир имеет три — пять непосредственно подчиненных ему подразделений или частей. В ходе второй мировой войны продолжались поиски наиболее приемлемой организационной структуры войск. Они выразились, в частности, в том, что неоднократно вводились, а затем упразднялись бригадное и корпусное звенья. Отказывались также от батальонов и подчиняли роты прямо командирам полков. Но эти меры не дали должных результатов. А в армии США уже в послевоенный период были введены так называемые «пентомические» дивизии, которые, однако, не оправдали

себя. Серьезные трудности встречаются и при попытке реорганизовать войсковые штабы.

При всей важности отмеченных выше мер совершенствования существующих систем и процессов управления войсками они могут лишь несколько улучшить дело, но не являются средством кардинального решения проблемы. Например, самый тщательный отбор и подготовка командиров и штабных офицеров не могут преодолеть объективно существующий естественный психофизиологический предел человеческого организма.

Нервная система человека сложилась сотни тысяч лет назад в среде относительно малых скоростей, что и обусловило сравнительно небольшую (не более 120 м/сек) скорость распространения нервных импульсов и сравнительно ограниченную информационную пропускную способность мозга (порядка 100 двоичных единиц в секунду по внешним каналам). Поэтому попытки расширить возможности организма путем тренировки наталкиваются на его биологическую ограниченность.

Современная революция в военном деле, в частности создание ракетно-ядерного оружия, до предела обострили противоречия в сфере управления. Каждая боевая операция становится крайне ответственной как в стратегическом, так и тактическом плане. Боевые действия стали в высшей степени динамичными, а всякая задержка в передаче информации, ее обработке и принятии решения исключительно опасной. В этих условиях эффективность и надежность систем управления войсками и оружием превратились в фактор, от которого в немалой степени зависит не только исход той или иной операции, но, возможно, и исход войны в целом.

Исследование закономерностей развития современной науки и техники, военного дела и в особенности средств и методов управления во всех областях человеческой деятельности убеждает в том, что принципиально новым средством совершенствования систем управления войсками может быть только автоматизация.

2. Принципиальные возможности автоматизации управления войсками

Эти возможности могут быть практическими и принципиальными. Первые определяются достигнутым уров-

нем развития теории военного искусства, кибернетики и технологии электронного машиностроения (надежностью аппаратуры, ее весом, габаритами и т. д.). Вопрос о таких возможностях достаточно полно освещен в нашей литературе[1].

Методологическая же сторона проблемы автоматизации состоит в выяснении принципиальных возможностей автоматизации, в особенности таких, как возможности моделирования мышления человека, математического описания закономерностей вооруженной борьбы и другие.

Прежде всего необходимо рассмотреть вопрос о возможности создания абсолютного аналога мыслящего мозга, а затем и о возможности создания системы, получившей в зарубежной литературе название «абсолютного» электронного стратега — мыслящей машины, способной полностью заменить людей в сфере управления войсками в оперативно-тактическом и даже стратегическом масштабах.

Мышление есть свойство высокоорганизованной материи. Чтобы иметь хотя бы абстрактную возможность появления такого свойства у машины, необходимо приблизить ее организацию к степени организации человеческого мозга. Элементарные расчеты показывают, что эта проблема даже с чисто технической стороны является одной из наиболее сложных, которые когда-либо приходилось решать науке и технике.

Тем не менее возможность создания искусственного аналога человеческого мозга не противоречит законам физики, химии и теории информации, а наука и техника идут вперед столь быстро, что практические ограничения, несколько лет назад казавшиеся непреодолимыми, на наших глазах исчезают одно за другим. И чем более кибернетические устройства будут приближаться по своей структуре и принципам работы к человеческому мозгу, тем более сложные операции они смогут выполнять. Такие машины, обладая быстродействием и неутомимостью электронных вычислительных машин и приобретя хотя бы десятую долю гибкости и многосторонности мышления человека, стали бы поистине сказочными.

---

[1] См. М. Н. Гончаренко. Кибернетика в военном деле. Изд-во ДОСААФ, 1963; А. Л. Лифшиц. Кибернетика в военно-морском флоте. Воениздат, 1964; В. С. Синяк. Военное применение электронных вычислительных машин. Воениздат, 1963.

В то же время всесторонний анализ проблемы убеждает в том, что даже самые совершенные машины, скорее всего, не приобретут свойства сознания, не смогут мыслить. И дело здесь вовсе не в том, что существует какой-то предел изучения человеческого мозга и создания искусственных систем, приближающихся к нему по структуре. Дело в специфическом качестве тех условий и факторов, в связи и под воздействием которых сформировался «кусок материи», каким является мозг человека, обладающий свойством сознания. Речь идет об общественных условиях жизни людей, роли труда в развитии человека, в формировании его специфически человеческих качеств.

Сознание не только свойство высокоорганизованной материи, но и, что особенно важно, продукт общественно-исторического развития. Оно не появляется в любом месте и в любое время, как только степень организации материи достигнет определенного уровня. Высокая организация материи — необходимое, но не исчерпывающее условие возникновения сознания. Сознание возникает только под влиянием и в процессе общественного труда, являющегося необходимым условием самого существования человека. Это положение блестяще обосновано Ф. Энгельсом в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека».

Биологическому виду высших приматов предстояло либо погибнуть, либо обрести сознание и стать человеческим обществом. Кибернетические же машины создаются человеком и не имеют собственной внутренней необходимости существования и саморазвития. Машины, которые сейчас именуются самоорганизующимися, самонастраивающимися и самовоспроизводящимися, соответствуют этим названиям весьма условно: с точки зрения действительного саморазвития, совершающегося в силу внутренней необходимости, они абсолютно статичны. Машины самоорганизуются, самонастраиваются и т. д. лишь постольку, поскольку им извне, человеком, задана программа самоорганизации или самонастройки. Кибернетическое устройство есть орудие, а не субъект труда.

Таким образом, с точки зрения биологических, нейрофизиологических и кибернетических закономерностей для создания модели мыслящего мозга нет принципиальных препятствий. Но с точки зрения социальных зако-

померностей возникновения и формирования психики такое моделирование на современном уровне знаний представляется неосуществимым. Война же явление социальное. Поэтому следует признать невозможным и создание «абсолютного» электронного полководца, способного полностью взять на себя руководство вооруженной борьбой, а тем более войной в целом.

Если электронная машина не может во всех отношениях заменить человека в сфере боевых действий, то, следовательно, человек из этой сферы принципиально неустраним. А это в свою очередь означает, что основная задача автоматизации управления состоит не в замене людей машинами, а в наилучшем согласовании человека и машины с тем, чтобы взаимно компенсировать их недостатки и максимально использовать достоинства.

Возможности совершенствования автоматизированных систем управления зависят в первую очередь от степени внедрения в теорию военного искусства математических и формально-логических методов описания процессов и явлений вооруженной борьбы. Дело в том, что возможности электронных машин зависят не столько от их конструкции, сколько от совершенства программы. Именно программа определяет горизонты, в пределах которых машина может находить новые пути решения и показывать такие стороны явлений, о которых мы и не подозреваем. Но для создания программы необходима формализация, то есть выражение в виде конечного числа конечных формул или строгих правил тех сведений, которые нам хотелось бы ввести в машину в качестве ее программы. Возможности же формализации зависят от того, как широко применяются математические методы в науке, изучающей данную область явлений.

Особенность военной науки, как известно, состоит в том, что она изучает явления, относящиеся как к общественной области, так и к естественно-технической. Вопрос об использовании математических методов исследования в технических науках давно решен. Что же касается общественных наук, то здесь еще много предстоит сделать.

В последние годы математические методы исследования все чаще и шире применяются во многих общественных науках. Все больше экономистов, философов, историков, психологов и языковедов осваивают математику и

все чаще профессиональные математики привлекаются к исследованиям общественных проблем. Это указывает на то, что применение математических методов в общественных науках не случайно, а вполне закономерно. При этом важно подчеркнуть, что математизация необходима не только для развития каждой отдельной науки, но и для создания единого языка науки, унификации ее понятийного фонда, взаимного обогащения наук приемами и методами исследования и «перекрестного оплодотворения» идей. Все это относится и к военной науке, поскольку она соединяет в себе элементы общественных и естественно-технических знаний и взаимодействует со многими другими науками.

Достижения современной науки и техники, на наш взгляд, позволяют широко использовать математические методы в теории военного искусства.

Известно, что все явления и процессы материального мира по характеру связей и отношений в первом приближении могут быть подразделены на такие, в которых ограниченное число устойчивых связей доминирует над всеми остальными, и такие, в которых теоретически бесконечное количество независимых (или слабо зависимых) связей, не обнаруживая заметного господства одних над другими, определяет исход процесса всей своей совокупностью. Классическим примером явлений первого типа может служить движение планет Солнечной системы. Здесь доминирующее значение имеют массы планет, их орбитальные скорости и взаимные расстояния. К явлениям второго типа относится тепловое движение молекул газа. Вектор скорости каждой из молекул определяется потенциально бесконечным количеством примерно равных и слабо взаимосвязанных между собой причин.

При описании процессов первого типа эффективным оказывается дифференциальное и интегральное исчисление, дающее возможность установить такие точные однозначно предопределяющие исход событий законы, как, например, законы Ньютона и Кеплера. При описании процессов второго типа с успехом применяется аппарат теории вероятностей и математической статистики, позволяющий получить законы, предопределяющие не каждое отдельное событие, а всю их совокупность.

Однако основная масса реальных процессов не обладает столь ярко выраженными признаками двух классических типов. Даже при описании простейшей механической формы движения материи нередко приходится учитывать слишком большое количество переменных.

Чем сложнее явление, тем реже случаи, когда одна из причинно-следственных связей оказывается много весомее суммы всех остальных. С усложнением форм движения материи связи и отношения все более приобретают характер многосторонних взаимозависимостей, что, естественно, затрудняет их количественное сравнение. Именно с такого рода трудностями приходится сталкиваться, например, при попытках математического описания войн.

По данным швейцарского ученого Жан Жака Бабеля, за 5559 лет человечество пережило 14 513 войн. На первый взгляд кажется, будто это такие массовые явления, которые допускают обработку методами математической статистики. На самом деле это не совсем так. Ведь войны совершались в различные периоды человеческой истории, при различных общественно-экономических формациях, при различных уровнях развития экономики, науки, техники, военного искусства, в них применялось различное оружие. Кроме того, каждая война имеет различное политическое содержание и масштаб. Поэтому попытка прямого сравнения войн, с тем чтобы выявить количественное выражение основных, наиболее общих закономерностей, определяющих ход и исход любой войны, скорее всего, окончится неудачей: такая попытка оказалась бы бессмысленной операцией с разнокачественными величинами.

Иное дело закономерности вооруженной борьбы оперативно-тактического масштаба. Бои и операции обладают достаточной массовостью в пределах одного и того же уровня развития вооружения, боевой техники и военного искусства. Применение методов математической статистики здесь оказывается плодотворным. Математические методы широко применимы при описании боевых действий войск ПВО, авиации, флота и ракетных войск. Однако использование их для исследования общевойскового боя пока что наталкивается на серьезные трудности. Это объясняется тем, что общевойсковой бой гораздо сложнее и многообразнее, чем боевые действия отдельных родов войск.

В материальном мире нет такой «запретной зоны», где бы в силу самой природы вещей оказались не применимы количественные методы исследования. Но принципиальную возможность их применения нельзя абсолютизировать. Например, нельзя непосредственно математически выразить понятие «моральный дух войск». Оценить его количественное проявление можно не непосредственно, а опосредствованно, так как моральный дух войск проявляется в свойстве — повышать боевые возможности войск. А это свойство имеет свою довольно ясно выраженную количественную определенность: его можно сравнить, оценить, измерить. Действительно, бóльшему количеству морально менее стойких войск соответствует меньшее количество более стойких в моральном отношении войск. Это и позволяет исследовать количественное выражение закономерной связи морального духа войск с другими факторами, определяющими ход и исход боя, сражения, войны в целом.

Таким образом, в диалектическом единстве количества и качества заложена принципиальная возможность количественного описания свойств, связей и отношений предметов и явлений.

Для качественного анализа процессов вооруженной борьбы теория военного искусства пользуется не только формальной, но и диалектической логикой. Математика же базируется на математической логике, которая является не чем иным, как современным этапом развития формальной логики. Не приведет ли применение математики в военном деле к утрате диалектической гибкости мышления, к метафизике? Такие опасения несостоятельны.

Ф. Энгельс указывал, что благодаря открытию бесконечно малых величин в математику вошло движение и тем самым диалектика. Математика обладает потенциальной возможностью достаточно полно отразить диалектику не только природы, но и наиболее сложных общественных явлений.

Вполне вероятно предположить, что, получив возможность учитывать «тонкую структуру» связей и отношений в военном деле, математика послужит дальнейшему обогащению диалектико-материалистического метода познания явлений вооруженной борьбы.

Сегодняшний математический аппарат, к сожалению, еще далек от совершенства. Но необходимость создания аппарата, отвечающего нуждам общественных наук, движет математическую мысль вперед. Именно поэтому в последние десятилетия появились такие разделы математики (или математические дисциплины), как теория исследования операций, теория игр, теория массового обслуживания, линейное и динамическое программирование.

Особый интерес представляет теория стратегических игр. Ее создал крупнейший математик нашего столетия Джон фон Нейман специально для исследования конфликтных ситуаций в капиталистической экономике и вооруженной борьбе. В этой теории постулируется, что оба противника умны и хитры и каждый из них стремится найти наилучшую линию поведения в любых, в том числе и в наихудших, условиях, причем промах одного ведет к увеличению возможностей выигрыша другого. Хотя эту теорию еще преждевременно считать окончательно разработанной, она все же весьма глубоко отражает диалектику вооруженной борьбы и нашла широкое применение в военно-научных исследованиях.

Методы линейного и динамического программирования были разработаны также и для решения военных, экономических и транспортных задач, а теория массового обслуживания — для решения задач организации производства и ремонта техники, снабжения войск и т. д.

При обсуждении проблем применимости математики к исследованию общественных явлений, в частности вооруженной борьбы, нередко указывают на то, что существуют алгоритмически неразрешимые задачи. Действительно, проблема алгоритмической разрешимости одна из фундаментальных в современной математике. Практическое значение теории алгоритмов особенно возросло с тех пор, когда на ее основе стали создаваться программы электронных вычислительных, информационно-логических и управляющих машин.

Алгоритм — это строгая последовательность элементарных операций, выполнение которых приводит к решению задачи или всех задач данного класса. Трудами математиков К. Гёделя, А. Тьюринга и П. Новикова доказано, что существуют определенные классы задач, для которых невозможно получить общий алгоритм ре-

шения. Однако это ограничение в равной степени относится как к задачам общественных наук, так и естественных, а в применении математических методов естественники добились замечательных результатов. Кроме того, невозможность получения общего алгоритма для всего класса задач вовсе не исключает возможности получения частных алгоритмов для каждой из них. Главное же состоит в том, что работы Гёделя, Тьюринга и Новикова построены в сегодняшнем математическом аппарате и дают решение для него. Между тем известно, что задачи, не разрешимые в одном аппарате, оказываются разрешимыми в другом, более мощном. Не исключено, что в будущем наука создаст более мощный математический и логический аппарат, в котором найдут решение и задачи вооруженной борьбы, которые ныне считаются неразрешимыми.

Для успешного применения математического метода в исследованиях военной науки огромное значение имеет развитие вычислительной математики и быстродействующих электронных вычислительных машин. Это позволяет превращать многие абстрактные возможности военной науки в реально осуществимые. В ходе военно-научных исследований или при решении военно-экономических проблем, например оптимального распределения людских ресурсов страны, довольно часто оказывается, что в принципе задача разрешима, но вычисления крайне громоздки и не могут быть выполнены ни за какое разумно планируемое время. В таких случаях исследователи вынуждены ограничиваться грубо приближенными результатами. Применение же вычислительной техники позволяет решать сложные задачи без упрощений или сводить их к минимуму. Особенно большие перспективы открываются в связи с развитием методов математического моделирования и ряда других новых методов количественного исследования.

Пока трудно сказать, каковы будут конкретные пути развития математических методов исследования в военной науке. Важно подчеркнуть, что возможности математизации здесь далеко не исчерпаны. И поскольку ни природа объекта исследования, ни природа самой математики не препятствуют этому процессу (математизации), математическое описание явлений вооруженной борьбы может приближаться к адекватному отображе-

нию ее реальных процессов. Еще К. Маркс подчеркивал, что «наука только тогда достигает совершенства, когда ей удается пользоваться математикой» [1]. Это положение крайне важно для понимания путей дальнейшего развития теории военного искусства и автоматизации управления боевыми действиями войск.

Но если в принципе неформализуемых связей и отношений не существует и в процессе развития математики и военной науки любая закономерность вооруженной борьбы может стать доступной для строгого логико-математического анализа, то это вовсе не означает, что математизация будет идти здесь легко и просто. На каждой ступени развития наших знаний может быть формализовано далеко не все. Существование в каждый данный момент некоторой области неформализованных, не поддающихся программированию связей и отношений указывает на то, что сфера действия машин всегда у́же, беднее сферы деятельности человека.

Если бы военная теория и практика стояли на месте, то в какой-то момент можно было исчерпать и полностью формализовать весь их объем. Но и военная теория и практика не могут не развиваться. И чем глубже познаются процессы вооруженной борьбы, в том числе и математическими методами, тем больше появляется проблем, требующих творческого решения.

3. Соотношение человека и техники в автоматизированных системах управления

В последние годы резко изменились объем и содержание понятия «автоматизация». Применительно к вооруженным силам раньше под автоматизацией понималась исключительно автоматизация оружия и боевой техники; ныне понимается также создание и внедрение автоматических или автоматизированных систем управления боевыми комплексами, включающими как технику, так и людей, автоматизацию управления боевыми действиями всех родов войск и во всех масштабах — от подразделений до высших объединений.

---

[1] Воспоминания о Марксе и Энгельсе. Госполитиздат, 1956, стр. 66.

Теперь в вооруженных силах кроме единственной ранее области автоматизации — оружия и боевой техники — появились по крайней мере еще две: во-первых, системы, включающие человека, управляющие и исполнительные автоматы и объект управления (сокращенно: системы «человек—машина»); во-вторых, системы, включающие коллективы людей, комплексы различного рода автоматов и сложные объекты управления (сокращенно: «большие системы» или системы «коллектив—машины»). В дополнение к этому произошло качественное изменение технических средств автоматизации. Цифровые и аналоговые электронные машины позволили значительно увеличить количество перерабатываемой информации и тем самым перейти к автоматизации таких процессов, которые нельзя было автоматизировать при помощи электромеханических и гидравлических устройств.

На новом этапе развития автоматизации потребовалось более внимательно исследовать ряд методологических и общетеоретических вопросов. Одним из них является вопрос о целях автоматизации и критериях ее эффективности.

До тех пор пока речь шла главным образом об автоматизации отдельных образцов оружия и боевой техники, основной целью автоматизации считалось исключение человека из непосредственного управления процессом, с тем чтобы замкнуть цепь управления помимо его мозга и таким образом повысить быстродействие системы. Для своего времени такая формулировка цели была правомерной. Более того, при решении ряда конкретных задач технической кибернетики непосредственная цель автоматизации и сейчас может быть сформулирована подобным образом. Действительно, когда мы стремимся снять ограничения боевой техники, определяемые конечными психофизиологическими возможностями управляющего ею человека, то внешне это выглядит как исключение его из тех или иных операций.

Однако главная цель автоматизации состоит не в том, чтобы «исключить» или «высвободить» людей, а в том, чтобы повысить боевые возможности войск. Это особенно важно теперь, когда наступил новый этап в развитии автоматизации и на первый план выдвинулись проблемы управления системами «человек—маши-

па» и «большими системами», которые принципиально не могут не включать людей.

Создание систем «человек—машина» выдвигает на первый план задачу оптимального согласования энергетических, информационных и других характеристик человека и машины. А для этого необходимо широко, всесторонне исследовать возможности человека методами инженерной психологии, теории автоматического регулирования и теории информации. Дело в том, что информационные и энергетические характеристики человека как звена автоматизированной системы управления пока изучены явно недостаточно. Прежняя формулировка цели автоматизации («исключить» человека) не стимулировала таких исследований. Это и понятно: зачем исследовать элемент, подлежащий исключению?

При определенных условиях действительно целесообразное с военной и экономической точек зрения сокращение численности личного состава и высвобождение людей из той или иной «большой системы» нельзя превращать в самоцель. Важно не просто сократить, а высвободить людей в одном месте для того, чтобы укрепить другой участок, являющийся «узким», и таким образом повысить боевые возможности системы.

Необходимо добиваться, чтобы ни одно звено — ни коллективы людей, ни комплексы автоматов и исполнительных машин — не тормозило друг друга, чтобы тех и других было ровно столько, сколько необходимо для наиболее эффективного действия всей системы. Поэтому целесообразно добиваться не «сокращения» или «высвобождения», а перераспределения людей внутри системы или суперсистемы, включающей данную систему.

С появлением быстродействующих электронных вычислительных, управляющих, моделирующих, информационно-логических и других машин и развитием кибернетики положение о «замене» или «исключении» человека стало чаще, чем прежде, выступать в качестве критерия, по которому оценивают эффективность автоматизации. Не только в буржуазной литературе различных направлений, где такие взгляды доминируют, но даже в работах некоторых советских авторов можно встретить высказывания, будто «машинный труд» заменяет труд людей. Но так ли это?

С развитием техники удельный вес мускульной силы человека, используемой в материальном производстве и вооруженной борьбе, действительно непрерывно сокращается, уступая первоначально тягловой силе домашних животных, а затем — созданным человеком машинам. По данным академика А. И. Берга, сейчас 99 процентов всей механической работы (в физическом смысле), выполняемой на нашей планете, производится управляемыми человеком машинами[1]. Это означает, что человечество затрачивает основную часть своего труда на создание все более совершенных машин и управление ими. Развитие техники не отменяет труд людей, а лишь изменяет его характер.

Труд, в том числе и ратный, — это не только и не столько затрата мускульной силы, сколько сознательная, целесообразная, общественно необходимая деятельность людей, и в такой форме он составляет «исключительное достояние человека»[2]. Управление машинами и контроль за их работой, в том числе за управляющими, самонастраивающимися, самообучающимися, наладка их, регулировка, расчет, разработка методов их конструирования — все это труд, и притом напряженный, творческий.

Наиболее существенную тенденцию в изменении характера трудовой деятельности людей отметил К. Маркс. Он писал, что с развитием техники «труд выступает уже не столько заключенным в процесс производства, сколько таким, при котором человек является по отношению к самому процессу производства его надзирателем и регулятором»[3].

С развитием автоматизации человек все больше выходит из последовательности «машина — человек — машина», сопрягает машины непосредственно между собой, как бы пускает процесс мимо себя, становясь над ним как руководитель. Человек заранее вносит свой труд и разум в линию машин, передает им все, что на данном этапе развития науки и техники можно пере-

---

[1] См. Кибернетику — на службу коммунизму. Сборник статей под редакцией акад. А. И. Берга. Т. 1. Госэнергоиздат, 1961, стр. 9.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 189.

[3] Из неопубликованных рукописей К. Маркса. «Большевик», 1939, № 11—12, стр. 62.

дать, и оставляет за собой лишь функцию контроля за важнейшими параметрами системы и общего управления.

Повысить боевые возможности войск нельзя, нигилистически отрицая или технику, или человека. Правильно эту проблему можно решить лишь с помощью оптимального согласования информационных, энергетических и других характеристик человека и машины в системах, в которых взаимно компенсируются недостатки и подчеркиваются достоинства как человека, так и машины. Поэтому сущность автоматизации в военном деле сводится к тому, чтобы решить следующие взаимосвязанные задачи:

1. Снять ограничения, налагаемые на оружие и боевую технику психическими и физиологическими возможностями управляющего ими человека. Например, маневренность современного реактивного истребителя ограничена возможностями летчика выдерживать перегрузки. Автоматика и телемеханика, обеспечивающие управление истребителем с земли, снимают это ограничение.

2. Снять ограничения эффективности ратного труда воина, определяющиеся техническими возможностями оружия и боевой техники. Так, оператор теряет немало оперативно-тактической информации из-за необходимости отвлекаться для регулировки яркости, контрастности, фокусировки и т. п. Автоматизация регулировки позволяет получать информацию без потерь.

3. Оптимально согласовать структуру и функции каждой системы с вышестоящей суперсистемой, взаимодействующими системами и подчиненными подсистемами.

Автоматизация вызывает серьезные изменения в воинских профессиях: одни из них исчезают, другие видоизменяются, третьи появляются. Динамика этих изменений крайне сложна и противоречива. Однако здесь можно заметить две основные тенденции.

Первая состоит в повышении воинской квалификации, усложнении профессий. Для обслуживания совершенной боевой техники необходимо, чтобы солдаты и офицеры имели более высокий профессионально-военный, общеобразовательный и культурный уровень. Даже в армиях империалистических государств, где этой

тенденции противодействует целый ряд социальных факторов, все же наблюдается повышение уровня подготовки не только офицеров, но и солдат. В армиях социалистических государств социальные условия не препятствуют, а, наоборот, способствуют этой тенденции.

Противоположная тенденция проявляется в деградации воинских профессий. Эта тенденция наиболее активно проявляется в капиталистических армиях, что обусловлено главным образом социальными причинами. Здесь солдат превращается в бездумное биологическое звено автоматической системы, в ее придаток; солдату отводятся самые рутинные, изматывающие и отупляющие операции. По мнению буржуазных военных специалистов, такой солдат, во-первых, дешевле; во-вторых (и это главное), менее опасен, ибо право принимать ответственные решения принадлежит элите, то есть офицерам и генералам — выходцам из эксплуататорских классов.

Но эта тенденция имеет кроме социальных и технические причины. Одна из них состоит в том, что старая военная техника заменяется новой не сразу. Поэтому возникает необходимость сочетать старую технику с быстродействующей новой. Это согласование и осуществляется за счет самого универсального «элемента» вооруженных сил — человека.

Следует подчеркнуть, что в социалистических армиях нет и не может быть социальных причин, обусловливающих деградацию воинских профессий, а временное существование рутинных операций определяется только техническими причинами.

Кроме своего основного назначения — повышения боевых возможностей войск — автоматизация является также средством повышения интеллектуального уровня военнослужащих. Предъявляя более высокие требования к их квалификации, она помогает ликвидировать существенные различия между воинскими профессиями умственного и физического труда. Однако нельзя представлять дело так, будто при этом происходит простая замена физического труда умственным. Нет, речь идет о гармоническом сочетании того и другого. Опыт автоматизации наиболее совершенных технических устройств, например советских космических кораблей, показывает,

что управление ими требует от человека не только умственного, но и всестороннего физического развития. При этом задача состоит не только в том, чтобы сочетать умственный и физический труд в определенных пропорциях, но и в том, чтобы превратить и тот и другой в труд творческий. Кибернетические устройства, не обладая способностью к творчеству, позволяют целесообразно использовать исключительное качество человека — способность к творчеству.

В современной войне преимущества получает та из противоборствующих сторон, которая посредством автоматизации управления в большей мере освободит своих офицеров от выполнения второстепенных обязанностей и полнее использует их творческие способности.

Управление боевыми действиями войск, в особенности процесс принятия решения командиром, пока что недостаточно полно и глубоко исследовано с формально-логической точки зрения. Между тем в деятельности командиров есть такие операции, которые по своей природе могут быть выражены в виде алгоритма и переданы машине.

Совершенно очевидно, что, например, принятие решения на перехват воздушной цели носит алгоритмический характер. С логической и технической точек зрения такое решение полностью, от начала и до конца, может быть выполнено машиной. Более того, существует необходимость в автоматизации процесса принятия таких решений: при интенсивных боевых действиях незачем кустарно, «вручную», изобретать решение на каждый перехват в отдельности. Это должна делать машина.

В зарубежной печати встречаются высказывания о том, что необходимость считаться с «рекомендациями», выработанными электронной машиной, якобы порабощает человека, принижает значение его воли, лишает свободы, унижает достоинство. В таких высказываниях все поставлено с ног на голову, игнорируется тот факт, что, во-первых, сами машины являются порождением человеческого гения и означают его торжество; во-вторых, автоматизация управления позволяет обеспечить командира максимально возможным количеством обработанной оперативно-тактической информации, дать ему возможность принимать решение с большим знанием дела. А свобода в научном понимании и есть не что иное,

как осознанная необходимость и способность принимать решения со знанием дела. Таким образом, автоматизация не только не порабощает командира, не принижает значение его воли, не унижает достоинство, а, напротив, подчеркивает и усиливает их, расширяет свободу действий.

В заключение следует отметить, что эффективность работы автоматизированных систем во многом зависит от морально-политических качеств офицеров и солдат, работающих в этих системах. Идейной закалкой воинов, их волей к победе во многом определяется надежность и живучесть систем. Техника определяет лишь возможность достижения победы в вооруженной борьбе. Человек же превращает эту возможность в действительность.

Таковы некоторые методологические вопросы, которые необходимо учитывать при определении тенденций и путей автоматизации управления войсками.

17 Зак. 266

★

Глава XIV

ОСНОВЫ И ПРИНЦИПЫ СТРОИТЕЛЬСТВА СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

1. Основы советского военного строительства

В. И. Ленин, Коммунистическая партия внесли неоценимый вклад в теорию и практику советского военного строительства. Ленинское теоретическое наследие, документы КПСС позволяют глубоко понять природу Советских Вооруженных Сил как особой организации в системе социалистического государства, раскрыть основы и принципы их строительства.

Еще на заре создания Советских Вооруженных Сил В. И. Ленин говорил: «Строительство нашей армии только потому могло привести к успешным результатам, что оно создавалось в духе общего советского строительства...»[1] Это положение имеет важное методологическое значение. Оно указывает, во-первых, на то, что военное строительство нельзя обособлять от других областей советского строительства, так как принципы общегосударственного строительства распространяются и на Вооруженные Силы СССР; во-вторых, на то, что процессы, совершающиеся в нашем обществе, в той или иной форме отражаются в армии и на флоте.

Советские Вооруженные Силы созданы на основах и принципах, коренным образом отличных от тех, на ко-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч.,т. 40, стр. 76—77.

торых строятся вооруженные силы империалистических государств.

Что же следует понимать под основами и принципами советского военного строительства?

Понятия «основы» и «принципы» широко используются в нашей военно-теоретической литературе. Правда, иногда они отождествляются с другими понятиями. Так, например, нередко смешиваются понятия «принцип» и «закон», что нельзя признать правомерным.

В реальной действительности существуют реальные связи и отношения, объективные законы, но нет принципов. Принципы формируются в человеческом сознании и представляют одну из наиболее общих форм отражения действительности. Например, в природе и обществе объективно, то есть независимо от сознания людей, происходит непрерывное развитие. Отражением в мышлении этого процесса является принцип развития. Так обстоит дело со всеми принципами, в том числе и с принципами советского военного строительства.

Как наиболее общая форма отражения действительности, принципы могут быть поставлены в один ряд с идеями. Идея и принцип очень близкие, но не тождественные категории. Понятия «принцип» и «идея» могут относиться к одному и тому же явлению или процессу, но при этом они выражают разное отношение человека к такому явлению или процессу.

Идея есть отражение действительности, включающая и стремления людей. «Идея,— писал В. И. Ленин,— есть *познание* и стремление (хотение) [человека]» [1]. Так, идея защиты социалистического Отечества отражает не только необходимость защиты, но и стремление к ней.

Принцип также отражает реальную действительность, но он в отличие от идеи содержит и нормативные требования, то есть определенные правила, обязательные для исполнения в той или иной области теоретической или практической деятельности. Так, ленинский принцип мирного сосуществования, важность которого подчеркнул в своих решениях XXIII съезд КПСС, выражает необходимость сосуществования государств с различным социально-политическим строем и одновременно предполагает требование к политике и

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 177.

практике этих государств — решать спорные вопросы путем переговоров, не допускать применения вооруженной силы.

Следует также видеть связь и различие между понятиями «принцип» и «основа». Понятие «основа» употребляется в том случае, когда хотят подчеркнуть, что одно явление выступает базой, фундаментом другого. Иными словами, основа — это то, на чем зиждется, строится что-либо. Так, социалистическая собственность на средства производства составляет экономическую основу советского строя.

Каковы же основы советского военного строительства?

Глубокая **экономическая основа** советского военного строительства — социалистический способ производства, характеризующийся непрерывным, планомерным, пропорциональным развитием производительных сил, ускоренным созданием материально-технической базы коммунизма. Выполнение нового пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы ускорит продвижение нашего общества по пути коммунистического строительства, обеспечит дальнейшее укрепление экономической и оборонной мощи страны.

Социально-политическую основу советского военного строительства составляет социалистический общественный и государственный строй, союз рабочего класса и крестьянства, дружба народов, морально-политическое единство нашего общества. По мере нашего продвижения к коммунизму происходит укрепление и расширение социально-политической базы Советских Вооруженных Сил, еще большее сплочение армии и народа.

Без руководства Коммунистической партии социалистическое общество не может возникнуть и существовать, развиваться и устоять в борьбе против внутренних и внешних врагов. Руководство КПСС — закономерность развития советского социалистического общества, действующая и в Вооруженных Силах СССР. Вот почему **основой основ советского военного строительства является руководство Коммунистической партии** Вооруженными Силами, повышение роли партийных организаций в армии и на флоте.

Положение о руководстве партии советским военным строительством сформулировано В. И. Лениным. По его предложению ЦК партии в декабре 1918 года принял спе-

циальное постановление, в котором указывалось, что «политика военного ведомства, как и всех других ведомств и учреждений, ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Центрального Комитета и под его непосредственным контролем»[1].

Центральный Комитет Коммунистической партии определяет военную политику нашего государства, при решении проблем экономического и культурного строительства учитывает потребности обороны страны. Неукоснительное проведение в жизнь военной политики партии составляет главное содержание деятельности военных советов, командиров, политработников, партийных и комсомольских организаций Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Руководство Коммунистической партии Вооруженными Силами представляет собой основу основ военного строительства также потому, что партия дает основополагающие указания в области развития военной науки и военного искусства, руководит разработкой военной доктрины, определяет содержание и формы обучения и воспитания воинов. КПСС проявляет постоянную заботу об оснащении Вооруженных Сил всеми видами современной боевой техники и оружия, о поддержании боевой готовности на уровне, обеспечивающем разгром любого агрессора. Одним из важных показателей руководящей деятельности КПСС в Вооруженных Силах является определение ею наиболее эффективной и целесообразной организационной структуры армии и флота.

КПСС заботится о подготовке беззаветно преданных делу коммунизма, в совершенстве знающих военное дело командных, политических и технических кадров. Она является руководителем и воспитателем Советских Вооруженных Сил, организатором их славных побед над многочисленными врагами социалистической Родины. Руководство партии — главный источник силы и непобедимости нашей армии и флота.

Одна из важнейших закономерностей строительства коммунизма — возрастание руководящей роли КПСС во всех областях жизни нашей страны, в том числе и в военном строительстве. Обусловлено это в первую очередь глубокими процессами, происходящими в советском

[1] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Сборник документов (1917—1958). Госполитиздат, 1958, стр. 47.

обществе на современном этапе, а также революцией в военном деле.

Повысилась ответственность партии за обеспечение надежной защиты нашей страны и всего социалистического лагеря от империалистической агрессии, усложнились задачи, стоящие перед Советским государством в области военного строительства.

За последние годы КПСС осуществила важные меры, направленные на усиление партийного руководства всеми сторонами жизни войск, на строгое соблюдение ленинских партийных принципов руководства армией и флотом. В результате этих мер роль и влияние партийных организаций в Вооруженных Силах значительно повысились. В партию вступило большое число военнослужащих. Возросла партийная прослойка среди офицерского состава: сейчас около 93 процентов офицеров, генералов и адмиралов — коммунисты и комсомольцы. Более 80 процентов всего личного состава Советских Вооруженных Сил являются коммунистами и комсомольцами. Возросло количество партийных организаций и групп в ротах и равных им подразделениях. Партийные организации не только увеличились численно, но и окрепли идейно, организационно, заметно повысились их активность, влияние на все стороны армейской и флотской жизни.

Повышение роли партийных организаций, развитие критики и самокритики в армии и на флоте способствуют укреплению твердого воинского порядка и авторитета командиров-единоначальников. Наши командиры-коммунисты научились твердо и последовательно проводить в жизнь политику партии, опираться в своей работе на партийные организации, на армейскую и флотскую общественность.

Единство армии и народа — одна из основ строительства Советских Вооруженных Сил. В нашей стране народ и Вооруженные Силы составляют одну семью. Советская Армия и Военно-Морской Флот — плоть от плоти своего народа, его родное детище. В отличие от буржуазных стран, где трудящиеся боятся армий, являющихся чуждой и враждебной им силой, советские люди любят свои Вооруженные Силы, заботятся о них, оснащают их всем необходимым. В 1919 году В. И. Ленин писал в проекте второй Программы партии: «Советская организация позволила создать такую вооруженную силу рабочих и

крестьян, которая гораздо теснее, чем прежде, связана с трудящимися и эксплуатируемыми массами»[1].

С полной и окончательной победой социализма в нашей стране еще более укрепилось единство армии и народа. Защита социалистического Отечества, укрепление обороноспособности страны, мощи Советских Вооруженных Сил является священным долгом всех советских людей. Наш народ обеспечивает армию и флот всем необходимым, а наши воины самоотверженно выполняют свой долг перед Родиной.

Идейно-теоретическую основу строительства коммунизма и его вооруженной защиты составляет марксизм-ленинизм. Творчески применяя марксистско-ленинскую теорию, КПСС раскрывает сущность такого сложного общественного явления, как война, определяет назначение Советских Вооруженных Сил, пути и принципы их строительства.

На базе марксизма-ленинизма у советского народа и наших воинов формируется коммунистическое мировоззрение. На основе марксизма-ленинизма крепнет боевое содружество армий социалистических государств.

Коммунистическая сознательность — одна из основ советского военного строительства. Она отражает духовное превосходство армии нового типа над всеми прежде существовавшими и ныне существующими армиями эксплуататорских классов.

Повышение сознательности народа и воинов В. И. Ленин считал главной задачей воспитательной работы. Великий вождь трудящихся указывал на необходимость вселять бодрость в сердца, призывать к твердости духа, умножать сознательность[2]. В. И. Ленин подчеркивал, что, каким бы ни было само по себе техническое оснащение войск, без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне.

Первостепенной ролью сознательности определяется огромное значение партийно-политической работы в армии и на флоте, призванной повышать идейный уровень воинов, воспитывать их в духе беспредельной преданности Коммунистической партии и Советскому прави-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 92.
[2] См. там же, стр. 266—267.

тельству, в духе высокой революционной бдительности, ненависти к врагам коммунизма, готовности в любой момент выступить в защиту социалистической Родины.

Неотъемлемой составной частью марксистско-ленинской идеологии выступает **пролетарский интернационализм**; он является также одной из основ советского военного строительства.

На различных этапах строительства наших Вооруженных Сил пролетарский интернационализм проявлялся в различных формах. В годы гражданской войны он нашел свое воплощение в военно-политическом союзе всех советских республик; рабочие и крестьяне всех наций и национальностей вступали в Красную Армию для борьбы с многочисленными врагами молодой Советской республики. Интернационализм проявился также в солидарности пролетариата других стран с трудящимися нашей страны в борьбе против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции. В тот период на территории Советской России формировались интернациональные части и соединения, которые бок о бок с Красной Армией сражались против врагов.

С упрочением социализма в нашей стране еще более прочными стали братство и дружба всех советских народов. Это явилось одним из важнейших источников могущества многонациональных Вооруженных Сил, источником их всемирно-исторической победы в Великой Отечественной войне.

Еще большее значение интернационализм приобрел с образованием мировой системы социализма. В Программе КПСС, в материалах и решениях XXIII съезда партии подчеркивается необходимость укрепления единства и братского сотрудничества между народами мирового социалистического содружества как выражения высших национальных и интернациональных интересов трудящихся. Эта общая закономерность действует и в вооруженных силах стран социалистического лагеря. Интернационализм стал общей основой строительства военной организации каждой социалистической страны и всех стран социалистического лагеря.

Основу содружества и братской взаимопомощи социалистических государств составляет общность социально-экономических, политических и идеологических целей. Отсюда вытекает необходимость объединения усилий со-

циалистических государств для вооруженной защиты лагеря социализма. В содружестве армий стран социализма воплощены ленинские идеи пролетарского интернационализма, идеи дружбы и братства между народами.

Укрепление обороноспособности социалистического лагеря является важнейшим патриотическим и интернациональным долгом входящих в него государств, решающим фактором обуздания империалистических агрессоров. Для осуществления этой всемирно-исторической миссии страны социализма располагают всем необходимым. Варшавский Договор и двусторонние договоры о дружбе и взаимопомощи социалистических государств выражают их единодушное стремление защищать объединенными усилиями каждую страну и весь лагерь социализма.

Воспитание личного состава Советской Армии и Военно-Морского Флота в духе боевого содружества с армиями других социалистических стран — важнейшая задача идеологической работы в войсках, которая способствует повышению их боеспособности и боеготовности, укреплению политико-морального состояния всего личного состава.

2. Принципы военного строительства, определяющиеся спецификой Вооруженных Сил

При анализе принципов советского военного строительства важно соблюдать правила классификации. Принципы следует классифицировать по одному основанию, не забывая при этом, что любая классификация относительна и определяется тем, что берется за ее основу.

В военно-теоретической литературе встречается деление принципов советского военного строительства на три группы: социально-политические принципы, организационные принципы и принципы обучения и воспитания. Такое деление допустимо, но, строго говоря, не обеспечивает подлинно научной классификации.

Современный этап развития Советских Вооруженных Сил и практика военного строительства позволяют выделить:

— принципы, определяющиеся особенностями Советских Вооруженных Сил как военной организации;

— принципы, обусловленные особенностями современной войны и боевой техники.

Советские Вооруженные Силы — особый орган государства, призванный выполнять функции защиты социалистического Отечества от империалистических агрессоров. Это обусловливает ряд принципов советского военного строительства, своеобразие которых состоит в том, что по форме они сходны с соответствующими принципами строительства буржуазных армий, но по своему содержанию в корне противоположны.

Крепкая сознательная воинская дисциплина —принцип строительства и деятельности Советских Вооруженных Сил. Воинская дисциплина есть в любой армии. Без дисциплины нет и не может быть военной организации. Однако советская воинская дисциплина по существу своему в корне противоположна дисциплине буржуазных армий; там дисциплина палочная, в наших Вооруженных Силах — сознательная. В отличие от дисциплины в буржуазных армиях, порожденной эксплуататорским строем и соответствующими ему порядками, глубокой основой сознательной советской воинской дисциплины являются социалистический способ производства, социалистические общественные отношения, марксистско-ленинская идеология.

Принцип сознательности воинской дисциплины обоснован В. И. Лениным. «Красная Армия,— говорил Владимир Ильич, — создала невиданно твердую дисциплину не из-под палки, а на основе сознательности, преданности, самоотвержения самих рабочих и крестьян» [1]. В. И. Ленин требовал, чтобы каждый военнослужащий изо всех сил поддерживал порядок и дисциплину, не за страх, а за совесть исполнял все законы о Красной Армии, все приказы, всячески поддерживал дисциплину [2].

Претворяя в жизнь ленинские положения, Коммунистическая партия неустанно ведет борьбу за строгую сознательную дисциплину в Советской Армии и Военно-Морском Флоте. Вся история наших Вооруженных Сил убедительно показывает, что сознательная воинская дисциплина — одно из решающих условий победы над врагами Советской Родины.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 240.

[2] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 152.

В современных условиях роль крепкой сознательной дисциплины еще более повысилась. Ракетно-ядерная война, если ее развяжут империалисты, будет отличаться исключительной ожесточенностью, быстрым изменением боевой обстановки и потребует огромного напряжения моральных и физических сил каждого воина. Малейшая неорганизованность, а тем более недисциплинированность даже отдельных военнослужащих может привести к самым тяжелым последствиям.

Высокий уровень советской воинской дисциплины складывается не сам по себе, а достигается систематическим трудом командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций, их воспитательной работой, борьбой за исполнительность и точное выполнение приказов. Центральный Комитет КПСС постоянно направляет работу военных советов, командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций на укрепление воинской дисциплины.

Главным методом воспитания личного состава в духе сознательного выполнения требований советской воинской дисциплины, строгого соблюдения социалистической законности и уставного порядка является метод убеждения. В современных условиях значение этого метода в воспитательной работе еще более возрастает. Вся жизнь и деятельность Вооруженных Сил строится на глубоком понимании личным составом своего воинского долга, на преданности делу коммунизма, на сознательности. Вместе с тем за нарушение воинской дисциплины наши законы и уставы предусматривают дисциплинарные меры воздействия, а за преступления — уголовную ответственность.

Нельзя добиться высокой дисциплины без строгого соблюдения уставного порядка. Поэтому необходимо, чтобы вся жизнь и учеба в части, на корабле проходила в точном соответствии с требованиями законов, уставов, приказов и директив, чтобы осуществлялся строгий контроль за их выполнением всеми военнослужащими.

Железная воинская дисциплина предполагает беспрекословное повиновение подчиненных командирам и начальникам и проявляется в единстве воли и действий личного состава, что наилучшим образом достигается при единоначалии.

Единоначалие — важнейший принцип строительства

Советских Вооруженных Сил. В. И. Ленин учил, что в военном деле, более чем где-либо, необходимо строжайшее единство действий больших масс людей, подчинение воли сотен и тысяч воле одного. Владимир Ильич считал единоначалие единственно правильной постановкой работы, поскольку оно «больше всего обеспечивает наилучшее использование человеческих способностей и реальную, а не словесную проверку работы» [1].

Необходимость единоначалия в Советской Армии и Военно-Морском Флоте подтверждена историческим опытом их строительства и всей деятельностью как в военное, так и в мирное время.

Ныне значение единоначалия еще более возросло. Мощь современного оружия и боевой техники колоссальна; огромно их воздействие на моральное состояние войск. От командиров на поле боя потребуются железная воля, мужество и решительность, самостоятельность и высокие организаторские способности. Победа может быть обеспечена только твердым руководством командиров, облеченных полнотой власти и ответственностью.

Единоначалие в Советских Вооруженных Силах означает, что во главе каждого воинского организма стоит командир или военачальник, облеченный Советским государством единоличной распорядительной властью, соответствующими правами по отношению к подчиненным; он несет личную ответственность перед Коммунистической партией и Советским правительством за постоянную боевую и мобилизационную готовность вверенных войск, за боевую и политическую подготовку личного состава, политико-моральное состояние и воинскую дисциплину, за выполнение всех задач на поле боя.

В отличие от буржуазных армий в Советских Вооруженных Силах единоначалие основывается на новых, социалистических общественных отношениях, выражает единство интересов и целей начальников и подчиненных, осуществляется на ленинской, партийной основе.

Каждый командир должен неуклонно проводить в жизнь политику партии, в своей повседневной деятельности опираться на партийную и комсомольскую организации, быть тесно связанным с подчиненными, воспитывать их в духе коммунистической сознательности, постоянной

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 76.

готовности к защите Родины. Единоначалие в Вооруженных Силах СССР обязывает командиров и начальников всех степеней в совершенстве владеть ленинским стилем работы, умело осуществлять единство организаторской и идеологической работы, претворять в жизнь принцип единства теории и практики.

Укрепление авторитета командиров-единоначальников является важнейшей обязанностью партийных, комсомольских организаций и политорганов. Но многое зависит и от самих командиров. «...Самое сильное средство командира для укрепления авторитета у подчиненных, — говорил М. И. Калинин, — это отличное знание своего дела и стремление сделать свою часть лучшей. А чтобы вместе с авторитетом командир пользовался и любовью, для этого ему надо быть в курсе всей жизни красноармейцев и уметь своевременно исправить то место, где каждому из них жмет ногу. И при всем том необходимы простота, скромность. Средний человек не терпит высокомерия, демонстрирования своего превосходства. Хотя и говорят, что иногда скромность бывает паче гордости, все же народ ее любит больше» [1].

Командир-единоначальник должен быть не только знатоком своего дела, но и хорошим воспитателем, уметь найти дорогу к сердцам подчиненных. Его обязанность и долг — вселять в воинов веру в торжество идей коммунизма. Только при этом условии он сможет добиться доверия к себе. И разумеется, если командир груб и недобросовестно относится к своим служебным обязанностям, пренебрегает мнением своих подчиненных, он не сможет завоевать авторитет.

Подбор и расстановка военных кадров по деловым и политическим качествам — принцип строительства Советских Вооруженных Сил. Советские военные кадры — неотъемлемая составная часть партийных и государственных кадров страны. От правильного подбора и расстановки их в решающей степени зависят успехи в боевой и политической подготовке войск, все дело воспитания и обучения личного состава. Вот почему в работе с военными кадрами партия неуклонно руководствуется ленинскими принципами их подбора и расстановки. КПСС проявляет постоянную заботу о подготовке и укреплении

[1] М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании и воинском долге. Воениздат, 1958, стр. 340.

военных кадров. «Партия будет неустанно заботиться о подготовке беззаветно преданных делу коммунизма командных, политических и технических кадров армии и флота...» [1] — говорится в Программе КПСС.

Правильно подбирать и расставлять военные кадры — значит учитывать их политическую зрелость, идейную закалку, способность с партийных позиций, по-государственному решать стоящие задачи. Но одного политического подхода недостаточно: необходимо также всесторонне учитывать и деловые качества военных работников, их профессиональную подготовленность, знание конкретной области военного дела, умение, организационные навыки, опыт. Деловые и политические качества взаимообусловлены и взаимосвязаны. Поэтому и рассматривать их необходимо в единстве. Только при таком подходе возможны правильный подбор и расстановка кадров.

Наиболее целесообразное использование командных, политических и технических кадров армии и флота способствует повышению боевой готовности войск, успешному выполнению задач, стоящих перед Вооруженными Силами. Вот почему Коммунистическая партия придает огромное значение совершенствованию деловых и политических качеств военных кадров. Партия «считает необходимым, — сказано в Программе КПСС, — чтобы командный состав настойчиво овладевал марксистско-ленинской теорией, имел высокую военно-техническую подготовку, отвечал всем требованиям современной военной теории и практики, укреплял воинскую дисциплину» [2].

Важным средством совершенствования деловых и политических качеств военных кадров, их подбора и расстановки является выдвижение командиров на должности политработников и политработников на должности командиров. Необходимо также правильно сочетать старые, опытные кадры с молодыми, энергичными. Это позволяет наилучшим образом использовать военные кадры в соответствии с их деловыми и политическими качествами, обеспечивает своевременное выдвижение инициативных работников.

Централизм в организационном строении и управлении войсками — принцип строительства Советских Воору-

---

[1] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 404.
[2] Там же.

женных Сил. Строжайшая централизация представляет собой применение к специфическим условиям Вооруженных Сил принципа демократического централизма, лежащего в основе партийного и советского строительства.

Централизм в организационном строении Вооруженных Сил и в системе управления войсками выражается в том, что все формирования армии и флота строго подчиняются единому центру. Нижестоящие органы управления обязаны беспрекословно исполнять приказы, директивы и распоряжения вышестоящих и отчитываться перед ними за свою деятельность, за политико-моральное состояние, воинскую дисциплину и боеготовность войск. Централизм в Вооруженных Силах обеспечивается экстерриториальным построением, назначением на должности начальствующего состава верховными органами власти и вышестоящим командованием, контролем исполнения сверху донизу.

Необходимость строгой централизации в Вооруженных Силах диктуется характером тех задач, которые они выполняют. Руководство и управление войсками должны быть построены так, чтобы обеспечивалась максимальная организованность и дисциплинированность, гибкость и быстрота действий. Четкое централизованное руководство и управление войсками особенно необходимы в современных условиях, когда значительно возросла маневренность и подвижность войск, имеющих оружие огромной разрушительной силы. В Программе партии записано: «КПСС делает все для того, чтобы Советские Вооруженные Силы были четким и слаженным организмом, имели высокую организованность и дисциплину, образцово выполняли задачи, поставленные перед ними партией, правительством, народом, и были готовы в любой момент дать сокрушительный отпор империалистическим агрессорам»[1].

Отличительная особенность централизма в Советских Вооруженных Силах состоит в том, что он осуществляется в соответствии с принципами социалистического демократизма, при широкой активности военнослужащих. В Советской Армии и Военно-Морском Флоте всемерно развивается и поощряется творческая инициатива воинов, проводится социалистическое соревнование, все шире развиваются общественные начала в партийно-поли-

---

[1] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 404.

тической работе и во всей жизни войск, критика и самокритика как средство искоренения недостатков и улучшения работы. Коммунисты и комсомольцы на своих собраниях обсуждают вопросы учебы, жизни и быта войск, помогают командирам мобилизовать личный состав на лучшее выполнение задач боевой и политической подготовки.

3. Принципы военного строительства, обусловленные особенностями современной войны и боевой техники

К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что социалистическая революция должна заменить буржуазную армию всеобщим вооружением народа, социалистической милицией. Этим положением руководствовались и русские марксисты во главе с В. И. Лениным вплоть до победы пролетарской революции в России. Однако вооруженная интервенция международного империализма, огромный размах гражданской войны в стране заставили Коммунистическую партию пересмотреть это положение.

В. И. Ленин теоретически обосновал необходимость создания регулярной кадровой армии социалистического государства. Владимир Ильич доказал, что, пока существует империализм, располагающий постоянными армиями, социалистическое государство должно иметь мощные кадровые вооруженные силы.

Современная революция в военном деле и характер возможной ракетно-ядерной войны предъявляют особые требования к строительству Советских Вооруженных Сил. Они подтверждают ленинское положение о необходимости для нашего государства иметь кадровую армию и флот. Вот почему одним из принципов советского военного строительства является кадровая система.

Между регулярной (кадровой) армией и милиционной организацией вооруженных сил имеются существенные различия. Они проявляются в способе комплектования и организации частей и соединений, в порядке прохождения военной службы, в формах и степени централизации управления.

Соединения и части кадровой армии комплектуются и дислоцируются независимо от места жительства и работы военнообязанных. Главной обязанностью граждан,

призванных в ряды армии, становится военная служба. Это позволяет организовать длительное систематическое обучение военнослужащих, добиться высокой оперативно-тактической подготовки войск, наилучшим образом овладеть современной сложной боевой техникой. Кадровая армия способна без предварительной мобилизации немедленно вступить в бой, отразить нападение противника.

Важным принципом советского военного строительства является **гармоническое развитие и непрерывное совершенствование всех видов Вооруженных Сил и родов войск.** КПСС исходит из того, что для обеспечения надежной обороноспособности нашей страны и всех государств социалистического содружества необходимы все виды Вооруженных Сил и рода войск. При этом всесторонне учитываются расстановка международных политических сил, требования современной войны, характер оружия и боевой техники. В. И. Ленин подчеркивал, что, «владея всеми средствами борьбы, мы побеждаем наверняка, раз мы представляем интересы действительно передового, действительно революционного класса, даже если обстоятельства не позволят нам пустить в ход оружие, наиболее для неприятеля опасное, оружие, всего быстрее наносящее смертельные удары»[1].

Новая мировая война, если ее развяжут империалисты, неизбежно охватит все континенты, развернется на суше, в воздухе, на воде и под водой. Агрессивные империалистические круги стремятся превратить и космос в арену боевых действий. Как известно, США запускают в космос спутники-шпионы, мечтают иметь на Луне свои военные базы.

Любая сфера боевых действий требует применения специфической военной техники, особых способов вооруженной борьбы, а следовательно, и своих приемов управления войсками. Слабость обороноспособности в любой из сфер боевых действий неизбежно обусловила бы значительное ослабление военного могущества страны, чего не может допустить Советское государство.

Исторический опыт доказал полную несостоятельность военных доктрин, которые ориентировали на использование только того или иного вида вооруженных сил, того

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 81.

или иного оружия. Советская военная доктрина отвергает концепции, абсолютизирующие один из видов вооруженных сил, родов войск или оружия.

Главный вид вооруженных сил только тогда успешно решит поставленные перед ним задачи, если его будут поддерживать и усиливать другие виды. «Несмотря на то, что в будущей войне решающее место будет принадлежать ракетно-ядерному оружию, все же мы приходим к выводу, — говорил Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский,— что окончательная победа над агрессором может быть достигнута только в результате совместных действий всех видов вооруженных сил. Вот почему мы уделяем должное внимание совершенствованию всех видов оружия, учим войска умело владеть им и достигать решительной победы над агрессором» [1].

Агрессивные происки империалистов, их стремление уничтожить Советский Союз и другие социалистические страны, реальная угроза применения атомного и водородного оружия обязывают Коммунистическую партию, Советское государство, наши Вооруженные Силы, весь советский народ проявлять неослабную бдительность, всемерно укреплять обороноспособность страны.

Высокая постоянная боевая готовность — один из принципов строительства и деятельности Советских Вооруженных Сил. Этот принцип подтверждает зависимость военного строительства от особенностей современной войны; он во многом обусловлен невиданной ранее разрушительной силой термоядерного оружия и значительно возросшей ролью внезапности нападения, особым значением начального периода возможной мировой войны.

Высокая боевая готовность войск — это такая степень их подготовки, такой порядок повседневной жизни и деятельности, которые позволяют, в случае необходимости, в любой момент выступить против врага и разгромить его. Современные средства вооруженной борьбы дают возможность осуществить нападение на объекты, находящиеся в глубоком тылу, нанести массированные удары, способные причинить огромные разрушения и потери. Отразить такой удар можно только при условии мак-

---

[1] XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. II. Госполитиздат, 1962, стр. 112.

симальной готовности всех видов Вооруженных Сил, в первую очередь Ракетных войск стратегического назначения.

Важнейший элемент боевой готовности войск — боеспособность. Она определяется степенью укомплектованности частей и соединений, уровнем боевой выучки, морально-боевыми качествами личного состава, а также обеспеченностью необходимыми материальными средствами. Поэтому задача командиров и штабов так организовать учебу и всю жизнь войск, чтобы они всегда находились в наивысшей готовности. Внутренний распорядок каждой части, начиная от организации боевой подготовки, размещения личного состава, вооружения и боевой техники и кончая увольнением из расположения части, призван обеспечивать постоянную боевую готовность. Каждый военнослужащий должен глубоко осознать возросшую роль постоянной высокой боевой готовности войск в современных условиях.

Можно иметь вооружение и боевую технику, образцовый порядок в части, но если у личного состава не будет достаточно знаний и умений, то боеспособность и боевая готовность не смогут отвечать предъявляемым требованиям. Следовательно, высокое боевое мастерство воинов является непременным условием постоянной боевой готовности.

Постоянная боевая готовность во многом зависит от умелой организации и бдительности несения войсками службы по охране и обороне военных объектов, а также от системы противовоздушной обороны и других видов боевого обеспечения.

В повышении постоянной боевой готовности большую роль играет морально-политическое состояние личного состава: чем оно выше, чем более развито чувство долга у воинов, тем выше их ответственность за боевую готовность подразделения, части, соединения. Поэтому непрерывная партийно-политическая работа, воспитание личного состава в духе беспредельной преданности советскому народу, социалистической Родине, Коммунистической партии и Советскому государству, в духе высокой политической сознательности, бдительности, принципиальной требовательности к себе и подчиненным являются важнейшим условием совершенствования боевой готовности Советских Вооруженных Сил.

Жизнь подтвердила прочность и незыблемость основ и принципов строительства Советских Вооруженных Сил. Эти основы и принципы обеспечивают могущество нашей армии и флота, цементируют их, превращают в гибкий стройный организм, способный решать сложные задачи вооруженной защиты Советской Родины и всего социалистического содружества.

★

Глава XV

СОВЕТСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ — ОРУДИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

Вступлением советского общества в период развернутого строительства коммунизма, а также коренными изменениями в военном деле, происшедшими за последние годы, обусловлен новый этап в развитии Советских Вооруженных Сил. Применяя марксистско-ленинскую методологию к анализу этого этапа, представляется возможным выделить следующие его основные признаки:

— появление новых черт в классовой сущности, историческом назначении и основных особенностях Вооруженных Сил, которые в совокупности характеризуют их природу;

— существенные изменения в личном составе, обусловленные экономическими, социально-политическими и духовными переменами в жизни советского общества;

— оснащение Советской Армии и Военно-Морского Флота качественно новым оружием и боевой техникой;

— новая организация Вооруженных Сил, родов войск, подразделений, частей, соединений;

— создание современной военной доктрины, разработка новых военно-теоретических взглядов и представлений, способов вооруженной борьбы с применением ракетно-ядерного оружия и новейшей военной техники.

Для характеристики современного этапа развития наших Вооруженных Сил большое значение имеет учет социально-политических изменений, происшедших в нашей стране. Советское общество вступило в новую полосу

своего развития, произошли важные сдвиги в его политической организации и классовой структуре, во взаимоотношениях социальных групп. Все это не могло не повлечь за собой глубоких изменений в характере, назначении и особенностях Советских Вооруженных Сил.

1. Советские Вооруженные Силы на современном этапе

Армия — особый орган государства, который создается и направляется государством, проводит его политику средствами вооруженного насилия. Поэтому, каков тип государства, таков и тип армии.

Новому типу государства — социалистическому — соответствует и армия нового типа, которая по своей социальной природе, назначению и роли в жизни общества коренным образом отличается от армий эксплуататорских государств.

Необходимость вооруженных сил для социалистического государства обусловлена не характером нового строя, а военной угрозой со стороны его многочисленных врагов. Против возникшего и утверждающегося социализма ополчаются внутренние и внешние силы контрреволюции. Они стремятся уничтожить социалистические порядки, восстановить капитализм и с этой целью прибегают к вооруженной борьбе. Ясно, что социалистическое государство должно уметь защитить себя от внутренних и внешних врагов. В. И. Ленин подчеркивал, что всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться. «Военное сопротивление нельзя сломить иначе, как военными средствами...» [1] — учил В. И. Ленин.

Армия является точным сколком, точным слепком с государства. Это значит, что глубокие перемены в общественной жизни и политической организации общества отражаются и в армии.

Советская Армия и Военно-Морской Флот возникли как вооруженная организация государства диктатуры пролетариата. С полной и окончательной победой социализма в нашей стране Советское социалистическое государство вступило в новый этап своего развития. «Обе-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 177.

спечив полную и окончательную победу социализма — первой фазы коммунизма — и переход общества к развернутому строительству коммунизма,— говорится в Программе КПСС,— диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию и с точки зрения задач внутреннего развития перестала быть необходимой в СССР. Государство, которое возникло как государство диктатуры пролетариата, превратилось на новом, современном этапе в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа» [1].

Изменения в жизни нашего общества отразились и на Советских Вооруженных Силах. Из органа диктатуры пролетариата они превратились в орган общенародного социалистического государства.

Следует подчеркнуть, что советская общенародность не означает нейтральности в классовой борьбе на международной арене. В условиях существования двух противоположных мировых систем все советские политические организации выступают оплотом и надеждой международного пролетариата в его революционной классовой борьбе против капитализма. В этом смысле они есть и будут великой классовой силой до тех пор, пока повсюду не будут ликвидированы эксплуататорские классы и не утвердится социализм.

Глубокие социально-политические перемены в советском обществе обусловили важные изменения не только в социальной природе Советских Вооруженных Сил, но и в их назначении и особенностях.

Анализ назначения нашей армии важен в двояком отношении: во-первых, позволяет определить ее роль в современных условиях и осуществлять военное строительство в соответствии с теми задачами, которые должна выполнять армия; во-вторых, помогает разоблачать домыслы буржуазной, догматической и ревизионистской пропаганды о Вооруженных Силах Советского государства.

Назначение любой армии определяется теми политическими задачами, которые решает государство, используя военную силу. В свою очередь эти задачи обусловлены, с одной стороны, характером государства, с другой — внешнеполитической обстановкой.

---

[1] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 396.

С полной и окончательной победой социализма в нашей стране армия уже не выступает в роли одного из регуляторов общественных отношений. Наше социалистическое государство не использует ее, чтобы обеспечивать проведение своей внутренней политики. В этом смысле Советские Вооруженные Силы утратили свою внутреннюю функцию, которая была присуща им в прошлом.

Ныне вся мощь Советских Вооруженных Сил направлена вовне, против империалистических агрессоров. «С точки зрения внутренних условий, — говорится в Программе КПСС,— Советский Союз не нуждается в армии. Но поскольку остается военная опасность, исходящая от империалистического лагеря, не достигнуто полное и всеобщее разоружение, КПСС считает необходимым поддерживать оборонную мощь Советского государства, боевую готовность его Вооруженных Сил на уровне, обеспечивающем решительный и полный разгром любого врага, который осмелится посягнуть на Советскую Родину»[1].

Отсутствие внутренней функции у Вооруженных Сил современного Советского социалистического государства не означает, что они безучастны к внутренним задачам коммунистического строительства. Наша армия и флот, когда это необходимо, используются социалистическим государством для решения различных созидательных задач. Так, в 1960 году несколько тысяч воинов участвовали в уборке урожая. Только автомобилисты Военно-Морского Флота в 1963 году во время уборки перевезли миллионы пудов груза, оказали большую помощь труженикам сельского хозяйства в заготовке кормов и ремонте сельскохозяйственной техники.

Военные строители не только воздвигают оборонные объекты, но и строят мосты, дороги, жилые и культурно-бытовые здания. За послевоенные годы в порядке выполнения учебно-практических задач железнодорожные войска капитально отремонтировали и вновь проложили около 20 тысяч километров главных, станционных и подъездных железнодорожных путей и веток, возвели 9 тысяч сооружений, в том числе более тысячи больших и средних мостов, выполнили около 200 миллионов кубометров земляных работ. Строители Ленинградского военного округа в 1964 году только сверх пла-

---

[1] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 404.

на сдали несколько тысяч квадратных метров жилой площади.

Вооруженные Силы Советской страны оказывают большую помощь народному хозяйству и тем, что осуществляют массовую подготовку кадров. Для своих нужд армия и флот готовят радиоспециалистов, программистов, слесарей, механиков, химиков, операторов, шоферов, трактористов, строителей и других специалистов. После военной службы они идут в народное хозяйство.

Советская Армия и Военно-Морской Флот — прекрасная школа воспитания. Уволенные из армии и флота в запас возвращаются в народное хозяйство политически более зрелыми, физически и духовно закаленными, способными выполнять большие общественные задачи. Только в 1959—1964 годах около 700 тысяч солдат, матросов, сержантов, старшин и офицеров, уволенных в запас, выехали на новостройки и целинные земли.

Однако основное назначение Советских Вооруженных Сил — обеспечивать благоприятные внешнеполитические условия для строительства коммунизма.

С возникновением мировой социалистической системы встала огромной важности задача защиты всех стран этой системы от империалистической агрессии. И поскольку Советский Союз является самым мощным социалистическим государством, то Советская Армия и Военно-Морской Флот, естественно, представляют главную силу военного могущества всего социалистического лагеря. Защита всех стран социалистического содружества от империалистической агрессии — великий интернациональный долг нашей Родины и ее Вооруженных Сил.

Современная международная обстановка очень сложная и напряженная. Империалисты провоцируют вооруженные конфликты, развязывают и ведут локальные войны в разных частях земного шара, готовят новую мировую войну. В этих условиях несокрушимое могущество Советских Вооруженных Сил является главным препятствием на пути развязывания агрессорами новой мировой войны. Советская Армия и Военно-Морской Флот в содружестве с армиями всех социалистических стран непоколебимо стоят на страже мира и международной безопасности. Они готовы разгромить любого агрессора в случае нападения на нашу страну и другие государства социалистического содружества.

Таково назначение Советских Вооруженных Сил в современных условиях, таковы их функции. И нет более благородных и ответственных задач, чем те, которые выполняют наша армия и флот. Они достойны своей всемирно-исторической миссии.

2. Основные особенности Советских Вооруженных Сил

Философская категория особенности отражает связь между родственными и в то же время существенно отличными явлениями. В диалектике общего и единичного необходимо возникает особенное, специфическое. При характеристике Советских Вооруженных Сил прежде всего необходимо выделить все специфичное для них.

Армии отличаются социальной природой, историческим назначением, качеством и численностью личного состава, технической базой и вооружением, принципами строительства, обучения и воспитания личного состава, способами комплектования, формами организации, методами управления войсками, характером воинской дисциплины, боеспособностью и боеготовностью и т. д. Таким образом, отличительных черт у армий много. Каждая из этих черт важна, но не все они равнозначны: одни характеризуют самые существенные стороны, другие — менее существенные. Это надо иметь в виду при характеристике особенностей Советских Вооруженных Сил.

В нашей военно-политической литературе немало пишется об особенностях армии Советского государства, причем нередко они характеризуются по-разному. Происходит это потому, что нет одинакового подхода к определению основных особенностей армии.

Не ставя целью дать исчерпывающую характеристику особенностей Советской Армии, рассмотрим кратко лишь те из них, которые определяются социальной природой нашего государства.

Выше уже говорилось, что Советская Армия является армией **общенародного социалистического государства.** Это ее первая и основная особенность. Она подчеркивает не только коренную противоположность Советских Вооруженных Сил армиям старого типа, но и существенные отличия от армий тех социалистических государств, где они еще являются орудием диктатуры рабочего класса. Вооруженные силы стран народной демократии строятся

по классовому принципу, имеют внутреннюю функцию, готовы не только к отражению агрессоров, но и к подавлению, в случае необходимости, враждебных сил внутри своих стран.

Вторая важнейшая особенность Советских Вооруженных Сил — их **подлинно народный характер.**

С самого возникновения наша армия верой и правдой служила народу, трудящимся массам, защищала их коренные интересы. В. И. Ленин подчеркивал, что наша армия рабоче-крестьянская, что она защищает интересы народа от эксплуататоров. Приводя слова старой финской крестьянки: «...Теперь не надо бояться человека с ружьем, потому что он защищает трудящихся» — В. И. Ленин отмечал, что это лучшая характеристика нашей армии[1]. Армия пролетарской диктатуры, строящаяся по классовому принципу, выполняющая волю рабочего класса, народна постольку, поскольку интересы непролетарских трудящихся масс в главном совпадают с интересами рабочего класса, поскольку трудящиеся массы понимают и поддерживают политику рабочего класса.

С полной и окончательной победой социализма в СССР Советская Армия, унаследовав черты народности, присущие ей с первых дней существования, стала еще ближе к народу, еще роднее ему. Она приобрела новые черты народности. Это обогащенная, качественно новая общенародность: теперь она выступает не через призму интересов одного класса, а как непосредственное волеизъявление всех трудящихся, всего народа. Окруженная беспредельной любовью советских людей, их поддержкой, направляемая и руководимая Коммунистической партией, армия Советской страны успешно выполняет свою историческую миссию, надежно защищая интересы нашей Родины и всего социалистического лагеря.

КПСС проявляет постоянную заботу об укреплении связи армии и народа, о патриотическом воспитании советских людей.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии подчеркивается, что в современных условиях необходимо «усиливать шефские связи коллективов предприятий,

---

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 269.

учебных заведений, колхозов и совхозов с воинскими частями и подразделениями, больше заботиться о солдатах, офицерах Советской Армии и их семьях. Этим делом обязаны постоянно заниматься вся партия, вся советская общественность»[1].

С точки зрения социально-классовых отношений в нашей стране **Советские Вооруженные Силы воплощают социально-политическое единство советского общества**, что является их важной особенностью.

Наша армия родилась как **армия союза рабочих и трудящихся крестьян**. В. И. Ленин учил, что союз рабочего класса и крестьянства — источник непобедимости армии социалистического государства, и завещал постоянно укреплять этот союз.

Как политическая основа Советского государства и как социально-политическая основа армии нового типа, союз рабочего класса и крестьянства сохраняет свое значение и в современных условиях. По мере продвижения советского общества к коммунизму и изменения его социальной структуры развивается и союз рабочих и крестьян. Значительные изменения претерпела социальная основа этого союза. В первые годы Советской власти рабочие и служащие составляли менее одной пятой всего населения, а крестьяне — три четверти. Рабочий класс представлял социалистический сектор хозяйства, крестьянство — мелкотоварный. Теперь основную массу населения страны (три четверти) составляют рабочие и служащие; колхозное крестьянство, как и рабочий класс, представляет социалистическую систему хозяйства. Все это говорит о том, что союз рабочего класса и крестьянства, сохраняя и в современных условиях свое значение в жизни нашей страны, выступает как основа социально-политического единства советского общества.

Другая сторона рассматриваемой особенности состоит в том, что Советские Вооруженные Силы являются воплощением **дружбы народов нашей страны**.

В армиях буржуазных государств всегда стоит неразрешимая для них проблема национальных отношений. Капитализму свойствен не только антагонизм классов, но и антагонизм наций. Буржуазные общественные отношения в своеобразной форме воспроизводятся в капитали-

[1] Материалы XXIII съезда КПСС, стр. 78.

стических армиях; классовая, национальная вражда — источник слабости этих армий.

Ликвидируя эксплуататоров, социализм устраняет не только антагонизм классов, но и антагонизм наций. Советское государство возникло как многонациональное. Наша армия строилась на основе добровольного союза свободных наций и постоянно крепнущей дружбы между ними. Нерушимая дружба народов цементирует ряды Советской Армии и Военно-Морского Флота, укрепляет их моральные силы. Это особенно наглядно проявилось в годы Великой Отечественной войны. В условиях полной и окончательной победы социализма Советские Вооруженные Силы еще глубже и полнее воплощают в себе великую дружбу народов нашей страны. Это обусловлено закономерным развитием социалистических наций.

Одна из основных особенностей Советских Вооруженных Сил — их **освободительный характер.**

Буржуазные армии используются для подавления трудящихся внутри страны, для порабощения и колонизации других народов. Куда бы ни вступали армии империалистов, всюду они чинили произвол, грабили местное население. Такова политика империалистов, орудием которой выступают их армии.

Вооруженные силы социалистических государств являются орудием проведения принципиально иной политики. Они уважают и отстаивают суверенные права народов. В пределы какой бы страны ни вступала Советская Армия, повсюду она несет на своих знаменах национальное и социальное освобождение трудящимся. Всемирно-историческая победа советского народа и его Вооруженных Сил над германским фашизмом и японским милитаризмом обеспечила народам многих стран Европы и Азии возможность независимого и свободного развития.

И в современных условиях наша страна и ее Вооруженные Силы защищают свободолюбивые народы от агрессивных происков врагов мира и демократии. Советский Союз сыграл решающую роль в прекращении англо-франко-израильской агрессии против Египта (1956 г.), отвел нависшую угрозу вторжения империалистов в Сирию (1957 г.) и Ирак (1958 г.). Решительная позиция Советской страны заставила американских империалистов убрать свои войска из Ливана и Иордании. Неодно-

кратно только благодаря мощи Страны Советов предотвращался экспорт контрреволюции. Многие народы Азии, Африки, Латинской Америки бесконечно благодарны Советскому Союзу за бескорыстную помощь в их справедливой борьбе за национальную свободу и независимость.

Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил наиболее ярко выступает в благородном деле защиты мировой социалистической системы.

Важнейшей особенностью Советских Вооруженных Сил является **руководство Коммунистической партии их строительством и всей деятельностью.** Руководство КПСС — главный источник могущества и непобедимости Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Партийное руководство военной организацией является общей закономерностью, присущей всем армиям социалистических государств. Оно представляет характерную, отличительную особенность, свойственную всем армиям нового типа.

Являясь направляющей силой советского общества, Коммунистическая партия руководит и Вооруженными Силами, обороной страны. Без партийного руководства Вооруженными Силами нельзя успешно решать задачи защиты социалистического отечества. «КПСС рассматривает защиту социалистического отечества, — говорится в Программе партии, — укрепление обороны СССР, мощи Советских Вооруженных Сил как священный долг партии, всего советского народа, как важнейшую функцию социалистического государства» [1].

3. Возрастание боевой мощи Советских Вооруженных Сил

Боевая мощь армии, на наш взгляд, включает в себя следующие основные элементы:

— вооружение и боевую технику;

— личный состав (его количественная и качественная характеристика);

— организационную структуру;

— уровень развития военно-теоретической мысли.

Боевая мощь вооруженных сил зависит от состояния производительных сил, науки и техники, от характера

[1] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 404.

государственного и общественного строя страны, от политики государства.

Оружие и боевая техника — самый подвижный элемент боевой мощи, непосредственно связанный с состоянием производительных сил страны. Изменением оружия и боевой техники в значительной мере определяются изменения боевой мощи вооруженных сил в целом.

Советские Вооруженные Силы оснащены ядерным оружием и для доставки его к целям располагают различными средствами (ракетами, атомными подводными лодками, ракетоносной авиацией). В последние годы, как отмечалось на XXIII съезде КПСС, были проведены мероприятия, позволившие увеличить запас ядерных боеприпасов различного назначения, а также резко усилить оснащенность Вооруженных Сил средствами их доставки. Все это коренным образом изменило, усилило боевую мощь нашей армии и флота. Кроме того, за последние годы много сделано для усовершенствования и наращивания обычных средств борьбы, что также способствовало росту боевой мощи Вооруженных Сил. «Успехи в развитии экономики, науки и техники,— говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии,—позволили оснастить армию и флот самым совершенным ракетно-ядерным оружием и другими новейшими образцами боевой техники. Вооружение советских войск находится на уровне современных требований, а их возросшая ударная сила и огневая мощь вполне достаточны, чтобы сокрушить любого агрессора» [1].

Среди всех элементов боевой мощи исключительно важное значение принадлежит **личному составу**. «Советские люди, наши прекрасные кадры начальствующего состава и наш замечательный рядовой, матросский и сержантский состав всегда были и останутся,— говорил Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский,— решающим фактором мощи Армии, Авиации и Флота» [2].

Исторический опыт говорит о том, что превосходство в численности войск всегда выступало одной из важнейших предпосылок победы над противником. И в современ-

---

[1] Материалы XXIII съезда КПСС, стр. 78.

[2] Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, Стенографический отчет, т. II. Госполитиздат, 1959, стр. 127.

ных условиях численность войск продолжает играть важную роль.

Наиболее агрессивные империалистические государства, в особенности США, ныне содержат огромные армии. Гонка вооружений и агрессивная политика империалистов вынуждают страны социализма иметь такой численности вооруженные силы и в такой боевой готовности, чтобы в полной мере обеспечить свою безопасность.

Строительство массовых вооруженных сил — закономерное явление, которое учитывается советской военной доктриной и военной наукой. «Мы считаем также,— говорил Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский,— что в современных условиях будущая мировая война будет вестись, несмотря на огромные потери, массовыми, многомиллионными вооруженными силами» [1].

Большое значение имеет качество личного состава Вооруженных Сил. Под качественной стороной личного состава понимается совокупность присущих ему черт, характеризующих состояние морального духа, воинского мастерства и физической подготовленности. Основу основ всех качеств нашего воина, как и любого советского человека, составляет политическая сознательность, коммунистическая убежденность.

Политическая сознательность советских воинов выражается в активной поддержке политики Коммунистической партии и Советского правительства, в преданности делу коммунизма, в самоотверженном ратном труде и крепкой воинской дисциплине, в развертывании широкой инициативы и творческой активности, в образцовом выполнении воинского долга.

В армии и на флоте широко развернулось социалистическое соревнование. Растет число отличников, классных специалистов, спортсменов-разрядников, отличных подразделений, частей, кораблей. Воины стремятся овладеть смежными специальностями.

Высокая политическая сознательность советских воинов составляет огромное моральное преимущество Советских Вооруженных Сил перед армиями империалистических государств.

Выдающийся советский полководец М. В. Фрунзе писал: «Без значительной степени умственного развития

[1] XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. II, стр. 112.

солдата ведение современного сложного и в то же время крайне дифференцированного боя — дело безнадежное»[1]. Знание основ физики, химии, математики и других наук в объеме средней школы необходимо ныне каждому солдату и сержанту. Овладеть новым оружием, сложной боевой техникой могут только хорошо подготовленные, образованные воины.

Общеобразовательная подготовка личного состава Советских Вооруженных Сил повышается из года в год. Так, в 1940 году наша армия получила 35,5 процента призывников с высшим, средним и незаконченным средним образованием. Теперь свыше 90 процентов солдат и сержантов — с высшим, средним и неполным средним образованием, многие из них имеют производственные навыки. Немало призывников еще до военной службы получили некоторые военные знания в организациях ДОСААФ.

Бывшие ударники производства и члены бригад коммунистического труда ныне в ряде подразделений составляют 15—20 процентов всех воинов. Это передовая и самая активная часть советской молодежи. Именно ей принадлежит инициатива в развертывании славного патриотического начинания в армии и на флоте: «На первом году службы — в ряды отличников боевой и политической подготовки».

Следует особенно подчеркнуть большие изменения в общеобразовательном и культурном уровне воинов нерусских национальностей. За годы Советской власти во всех национальных республиках резко поднялась культура. Сейчас все нации и национальности дают для Советских Вооруженных Сил высокообразованное и культурное пополнение.

Рост образования и культуры поступающего в армию и на флот пополнения, оснащение Вооруженных Сил новой техникой и оружием предъявляют высокие требования к офицерским кадрам, к их общей подготовке и культуре.

Благодаря неустанным заботам Коммунистической партии и Советского правительства в настоящее время Советские Вооруженные Силы располагают высококвалифицированными, хорошо образованными, до конца пре-

---

[1] М. В. Фрунзе. Собр. соч., т. 1. Госиздат, 1929, стр. 434.

данными партии и правительству офицерскими кадрами, способными со знанием дела руководить войсками как в мирных условиях, так и в условиях войны.

В послевоенные годы число офицеров из командного состава, имеющих высшее военное и специальное образование, выросло более чем в 3,5 раза. Если в 1929 году из каждых двадцати двух человек начальствующего состава Советских Вооруженных Сил высшее образование имел только один, то в настоящее время — уже каждый четвертый.

За последние годы проведены важные меры по повышению образования и культуры наших командных, политических и технических кадров. В частности, расширена система заочного обучения, многие средние училища преобразованы в высшие и стали готовить офицеров (в том числе командиров взводов) с высшим военным и специальным образованием.

Высокий общеобразовательный уровень личного состава Вооруженных Сил способствует повышению его военно-технической культуры, под которой понимается совокупность военно-технических знаний, а также знаний смежных областей науки и техники, умение использовать их для решения боевых задач.

Повышение военно-технического уровня личного состава Советских Вооруженных Сил в современных условиях находит свое выражение прежде всего в увеличении числа технических специалистов среди рядового и сержантского состава. Так, за последние годы намного вырос удельный вес автомобилистов, трактористов, связистов, а также технических специалистов обслуживающего профиля (ремонт и хранение боевой техники, служба горюче-смазочных материалов и т. д.). Появились и совершенно новые специальности: вычислители, операторы и другие.

Постоянно увеличивается удельный вес инженерно-технических кадров. Например, к концу Великой Отечественной войны одна штатная единица инженерно-технического состава приходилась на 4,2 единицы командного состава наших Вооруженных Сил, а в 1959 году — на 1,5 единицы. В 1962 году удельный вес инженерно-технических кадров вырос в 3 раза по сравнению с 1945 годом. Все больше командиров и политработников

овладевает техническими знаниями как в учебных заведениях, так и путем самообразования.

В последнее время многие офицеры с инженерно-техническим образованием назначаются на должности командиров подразделений и частей. Командир-инженер становится сейчас центральной фигурой в наших Вооруженных Силах, особенно в Ракетных войсках стратегического назначения, Военно-Морском Флоте и Военно-воздушных силах.

Таким образом, глубокие изменения в идейно-политическом облике личного состава Советских Вооруженных Сил, в общеобразовательном и военно-техническом уровне свидетельствуют о его неуклонном качественном совершенствовании.

Оснащение Советской Армии и Военно-Морского Флота новой боевой техникой и другие причины обусловили существенные сдвиги в **организационной структуре** Вооруженных Сил. Сравнительно недавно у нас было четыре вида Вооруженных Сил: Сухопутные войска, Военно-воздушные силы, Военно-Морской Флот и Войска противовоздушной обороны. Теперь же есть еще и Ракетные войска стратегического назначения. Это новый и, что важно подчеркнуть, решающий вид Советских Вооруженных Сил. Ракетные войска обладают исключительными боевыми возможностями, они способны в кратчайший срок нанести сокрушительный удар по агрессору.

Благодаря большому вниманию Центрального Комитета Коммунистической партии и Советского правительства, героическому труду наших рабочих, инженеров, конструкторов и ученых у нас создан ряд принципиально новых видов ракетного вооружения. В короткое время введен в строй целый комплекс разнообразных стратегических средств борьбы. В Ракетных войсках стратегического назначения построено большое количество новых и, что особенно важно, подвижных пусковых установок.

Наряду с созданием Ракетных войск стратегического назначения проведена коренная реорганизация и других видов Вооруженных Сил. Например, Сухопутные войска численно значительно сокращены, но их боевые возможности от этого не уменьшились, а, наоборот, увеличились прежде всего за счет создания ракетных соединений и частей оперативно-тактического назначения. Именно такие части и соединения стали основой огневой

мощи Сухопутных войск. Вместе с тем совершенствуются все остальные рода Сухопутных войск: артиллерия, танковые, мотострелковые и специальные войска. Так, численность личного состава современной мотострелковой дивизии значительно уменьшена, а вес одного залпа (без учета ракетного оружия) увеличился более чем в 4 раза по сравнению с залпом дивизии конца Великой Отечественной войны. Танков же современная мотострелковая дивизия имеет больше, чем имел механизированный корпус периода войны.

Технически полностью перевооружены Войска противовоздушной обороны; повысилась их огневая мощь, намного возросла точность обнаружения и поражения воздушных целей. Разработаны и приняты на вооружение новые высокоэффективные зенитно-ракетные системы и авиационные комплексы самолетов-перехватчиков.

Военно-воздушные силы имеют сейчас реактивные самолеты, в том числе дальние сверхзвуковые бомбардировщики. Основу их боевой мощи составляет ракетное оружие. Самолеты-истребители оснащаются управляемыми ракетами класса «воздух—воздух». Самолеты-бомбардировщики вооружены ракетами класса «воздух—земля», имеющими специальный двигатель и способными наносить ядерные удары по противнику с дальних дистанций, не заходя в зону его противовоздушной обороны.

Коренным образом изменился Военно-Морской Флот, значительно возросла его мощь. Главной силой флота ныне являются подводные лодки различного назначения, прежде всего атомные лодки-ракетоносцы, оснащенные баллистическими ракетами с подводным стартом и большой дальностью пуска ракет.

Наряду с Ракетными войсками стратегического назначения атомный ракетоносный флот способен выполнять стратегические задачи по поражению объектов противника как на море, так и на суше.

На оснащение Военно-Морского Флота поступили также новые ракетные корабли, силы и средства противолодочной обороны, особенно для борьбы с ракетными подводными лодками агрессоров.

Новая организационная структура Советских Вооруженных Сил — свидетельство усиления их боевой мощи.

Дальнейшее развитие и совершенствование получила советская **военно-теоретическая мысль**, что нашло наибо-

лее яркое выражение в современной военной доктрине, в совершенствовании воинских уставов. На основе изучения опыта минувшей войны, опыта учений, а также критического усвоения всего ценного, что есть в буржуазной военно-теоретической мысли и практике, советская военная наука обогатилась новыми выводами.

В строгом соответствии с требованиями советской военной науки и военной доктрины переработаны уставы Советских Вооруженных Сил. В 1960 году были введены в действие новые Дисциплинарный устав и Устав внутренней службы. Эти уставы одобрены Президиумом ЦК КПСС и утверждены Указом Президиума Верховного Совета СССР.

Итак, в результате полной и окончательной победы социализма в нашей стране, коренных сдвигов в расстановке мировых сил, а также научно-технической революции произошли глубокие изменения в социально-политической природе, историческом назначении, функциях и боевой мощи Советских Вооруженных Сил. Наши Вооруженные Силы ныне могучи, как никогда. Они зорко стоят на страже безопасности Родины и всего лагеря социализма.

★

Глава XVI

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ СОВЕТСКИХ ВОИНОВ

1. Общество и личность. Противоречия процесса формирования личности и пути их разрешения

Успешное решение нашими военными кадрами задач воспитания и обучения возможно только на основе научной, марксистско-ленинской методологии. Педагогические исследования А. С. Макаренко, например, потому и приобрели огромную жизненную силу, что опирались на марксистскую методологию. «Я имею для руководства,— писал А. С. Макаренко,— общие принципы философии марксизма...» [1]

Одним из принципов марксистско-ленинской методологии является **конкретно-исторический подход** ко всем явлениям жизни общества.

В противоположность идеализму и метафизике, считающим, что человек обладает неизменной биологической и психической природой, марксизм-ленинизм рассматривает личность и возможности ее формирования в тесной связи с конкретными общественно-историческими условиями. Вне общества человек не может жить и развиваться. Условия материальной жизни общества, прежде всего производственные отношения, определяют образ мыслей и уровень духовной жизни человека.

---

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. IV, 1957, стр. 436.

Подчеркивая решающую роль общества в формировании личности, К. Маркс писал: «...Действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений...»[1] Иными словами, взгляды и мнения, мысли и чувства, воля и действия личности в конечном счете определяются конкретно-историческими общественными отношениями. В этом смысле сущность человека есть совокупность общественных отношений.

Социализм создает благоприятные условия для всестороннего развития личности. В Советском Союзе налицо все экономические, политические и культурные предпосылки для формирования нового человека. XXIII съезд КПСС подчеркнул, что величайшим результатом усилий партии в области идеологической работы является воспитание советского человека, который стал синонимом мужества и стойкости, трудового и воинского героизма, высокого сознания общественного долга.

Конкретно-исторические условия строительства коммунизма в нашей стране, новый этап развития Советских Вооруженных Сил, коренные преобразования в военном деле, вызванные появлением ракетно-ядерного оружия, предъявляют более высокие требования к теории и практике воспитания советских воинов.

Современная революция в военном деле с новой силой подчеркнула зависимость оборонной мощи государства, хода и исхода войны от политико-морального состояния населения и личного состава вооруженных сил. Ракетно-ядерное оружие еще выше подняло значение духовных сил воина в завоевании победы над врагом.

Угроза внезапного нападения империалистов, обладающих ракетно-ядерным оружием, требует от Советских Вооруженных Сил постоянной боевой готовности. А это в свою очередь обязывает всю воспитательную работу в войсках проводить так, чтобы воин был всегда готов выполнить боевую задачу, чтобы у него ни на минуту не ослаблялось чувство высокой ответственности за защиту Родины.

В современном бою победу могут одержать лишь воины, обладающие высокой идейной закалкой, у которых убеждение неразрывно слито с чувствами и волей, а все духовные и физические силы направлены на разгром врага. Такие

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 36.

специфические черты современных боевых действий, как невиданная ранее ожесточенность, динамичность, исключительно высокая маневренность, коллективное использование оружия и т. д., требуют от каждого воина высочайшей исполнительности и дисциплины.

В ракетно-ядерной войне на организм и психику человека будут воздействовать такие новые факторы, как громадной силы ударная волна, световое излучение, проникающая радиация, радиоактивное заражение местности, пожары, завалы. В этих условиях успешно действовать смогут только воины, обладающие моральной стойкостью, твердой волей, способные преодолеть атомобоязнь, инстинкт самосохранения и направить все силы на выполнение поставленных задач.

Разумеется, для победы в современном бою одной моральной стойкости недостаточно, необходимы еще высокое боевое мастерство, прочные военно-технические знания, умение эффективно использовать грозную боевую технику.

В условиях применения нового оружия чрезвычайно повышается ответственность каждого военнослужащего за успех боя, операции, сражения. Если раньше деятельность военачальников преимущественно крупного масштаба оказывала существенное влияние на ход вооруженной борьбы, то теперь даже отдельные специалисты, в особенности ракетных войск, авиации и флота, имеющие дело с радиолокацией, управляемыми снарядами, электронно-вычислительной техникой, непосредственно причастны к решению оперативных и стратегических задач.

Методологический принцип историзма, таким образом, направлен своим острием против догматизма в воспитании. Он ориентирует на упрочение связи теории с практикой, обязывает учитывать особенности современного этапа развития Советских Вооруженных Сил.

Чтобы успешно решать усложнившиеся задачи воспитания воинов, необходимо в свете принципов марксистской методологии глубоко осмыслить закономерности развития личности, пути и средства воздействия на нее, проявлять подлинное новаторство в воспитательной работе.

Формирование моральных качеств человека совершается через преодоление ряда противоречий в духовном развитии личности. Без глубокого изучения этих противоречий нельзя эффективно развивать теорию и практику

воспитания. Именно на это указывал выдающийся советский педагог А. С. Макаренко, когда писал, что «нет более диалектической науки, чем педагогика» [1].

Противоречия личности определяются в конечном счете характером общественных противоречий. При социализме нет антагонистических противоречий, поэтому коренные общественные интересы и интересы личности совпадают. Это является исходной посылкой, которая дает возможность правильно решать задачи, связанные с формированием нового человека. Но и при социализме развитие личности подчас совершается через преодоление конфликтных ситуаций, которые в отличие от капитализма возникают не в масштабе всего общества, а лишь в отношениях между обществом и личностью, а также между отдельными людьми.

В нашем обществе существуют противоречия, связанные с наличием пережитков прошлого. Они будут в конце концов совершенно устранены. Однако преодоление пережитков прошлого не отменяет вообще противоречий в развитии личности, ибо возникают и постоянно будут возникать противоречия, свойственные самой природе развития отдельных сторон или свойств личности.

Противоречия этого рода многогранны. Одним из них является противоречие между новыми знаниями и устаревшими представлениями. В области воспитания это чаще всего проявляется в недооценке новых средств борьбы. История знает немало примеров, когда даже талантливые военачальники не могли правильно оценить новое оружие. Так, генерал Драгомиров считал, что применение пулемета бессмысленно. Французский маршал Фош первые шаги авиации назвал «прекрасным видом спорта». В духе этой недооценки новых средств вооруженной борьбы воспитывался личный состав армий.

Фетишизация прошлого опыта особенно вредна сейчас, в условиях коренных революционных преобразований в военном деле. Возросшие задачи воспитания воинов требуют от наших кадров постоянного совершенствования форм и методов воспитательной работы, подлинно научного подхода к ней. Нормой деятельности каждого офицера должны стать неудовлетворенность достигнутым, постоянный поиск нового, смелый почин.

---

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. 7, 1952, стр. 424.

С другой стороны, нельзя пренебрегать тем опытом прошлого, который не потерял своего значения. Особенно важную роль в воспитании воинов играют славные боевые традиции Советских Вооруженных Сил.

Противоречие между существующими знаниями и новыми требованиями военного дела можно считать преодоленным только в том случае, если оно разрешается в пользу нового.

Диалектика развития знаний через разрешение противоречий движет вперед теорию и практику воспитания. Вот почему важно не обходить эти противоречия, а выявлять и разрешать их.

В процессе воспитания следует учитывать противоречия между логической и психологической сторонами сознания человека. Сознание способно и опережать события и отставать от них; оно может стоять на почве действительности и отрываться от нее. Обе эти черты присущи и логической и психологической сторонам сознания, хотя консерватизм в деятельности человека чаще всего связан с чувствами, привычками.

Противоречия между логической и психологической сторонами сознания находят свое выражение в различиях между законами логики и законами психологии. Логическое — аналог теоретического, а психологическое как непосредственное отражение конкретных условий жизни ближе к чувственному, эмпирическому, хотя и не сводится только к нему. Поэтому логическое и психологическое различаются содержанием познавательного образа, его устойчивостью и глубиной проникновения в сущность предметов.

Противоречивость свойственна и собственно психологическим компонентам сознания. Для них характерны, с одной стороны, устойчивость, неподвижность, «неповоротливость», приверженность к сложившимся нормам и формам, с другой — текучесть, подвижность, быстрая изменчивость. Каждая из этих тенденций потенциально содержит в себе и положительное и отрицательное.

Тенденция устойчивости проявляется в том, что старые привычки, манеры поведения устраняются медленнее, чем усваиваются и закрепляются новые. Этим создаются благоприятные условия для утверждения и развития положительных традиций. В то же время тенденция устойчивости психологических компонентов сознания

служит своеобразной почвой, поддерживающей отрицательные традиции, на нее может опираться чуждое нам влияние. Не случайно нынешние организаторы «психологической войны» против социалистического лагеря стремятся прежде всего опереться на нравы, обычаи и привычки, унаследованные от старого общества.

Тенденция текучести, подвижности, изменчивости психологических компонентов сознания создает предпосылки для смелых поисков, дерзаний, полета фантазии. Но она вместе с тем таит и опасность выхода рассудка из-под контроля. Именно поэтому положительное способно перерасти в отрицательное. Например, умение мечтать, заглядывать вперед, романтическая увлеченность могут перейти в беспочвенное фантазерство, уверенность — в самонадеянность, а доверие — в потерю бдительности.

Нашей молодежи присущи романтика, горячее стремление к героическим свершениям. Однако романтический склад характера может иметь и теневую сторону, поскольку стремление к неизведанному способно оторвать человека от реальной действительности. Некоторые воины из самых лучших побуждений жаждут экзотического, необычного, но тяготятся будничным ратным трудом. Черты незрелой романтики характерны для молодых людей, и это необходимо иметь в виду в воспитательной работе.

Особенно важно учитывать противоречия в психологии молодых воинов, связанные с ломкой ранее сложившихся привычек и нравов. Наши Вооруженные Силы получают замечательное пополнение. В армию и на флот приходят юноши, как правило, с хорошей общеобразовательной подготовкой. Однако некоторые из них долго не могут освоиться с новыми для них условиями военной службы, так как морально и физически недостаточно подготовлены к ней. Многие молодые солдаты сожалеют о том, что в школе они не получили полного представления об армии и флоте, о современной военной технике, о характере ратного труда. Избалованные же сердобольными родителями при первом столкновении с трудностями воинской жизни испытывают серьезные переживания.

Какой период службы наиболее труден для молодого солдата? Многие считают таким периодом первые дни и недели службы. Действительно, в это время у новобранца происходит ломка прежних представлений и привычек.

Иными словами, в этот период происходит ломка динамического стереотипа, которая иногда протекает болезненно. Но особенно резко проявляются противоречия, связанные с ломкой прежнего ритма жизни и деятельности воинов, спустя 4—6 месяцев после начала службы. Объясняется это тем, что именно в это время резко возрастают морально-психологические и физические нагрузки, вызванные участием в первых походах и учениях. Естественно, что воспитателю все это надо учитывать.

Противоречия свойственны и самой воспитательной практике. Возросшие задачи боевой и политической подготовки можно успешно решать, лишь применяя более совершенные формы и методы воспитания. А они вырабатываются в результате критического осмысления содержания и методики воспитания, устранения всего устаревшего и несоответствующего современным требованиям, внедрения нового, прогрессивного.

Необходимо **умело сочетать новые и старые формы и методы воспитания.** Наряду с традиционными формами и методами идейно-политического воспитания солдат и сержантов (политические занятия, лекции, доклады, семинары, беседы, политинформации) в последние годы в войсках широко применяются и новые, такие, как технические конференции, школы передового опыта, комсомольские диспуты, лекции-концерты, клубы веселых и находчивых и т. п.

До недавнего времени теоретические конференции и собеседования проводились только с офицерами. Теперь во многих частях они используются в работе со всеми категориями военнослужащих. Все более широкое распространение получает лекционно-семинарский метод проведения политзанятий. В качестве лекторов, докладчиков, преподавателей университетов культуры, технических университетов все чаще выступают сержанты и солдаты, имеющие высшее образование.

Подчеркивая важную роль новых форм и методов воспитания, необходимо отличать подлинно новое от того, что лишь по форме не похоже на старое. В творческих поисках новых форм воспитательного воздействия особенно вреден субъективизм. Такие поиски должны опираться не на досужий вымысел, а на всю совокупность предшествующего опыта и трезвый учет тенденций развития теории воспитания.

В Советских Вооруженных Силах существуют благоприятные условия для правильного разрешения противоречий развития личности воина. Особенно большую роль в этом играет **ратный труд**. Труд — надежное противоядие не только против эгоизма, бесхарактерности, индивидуализма, но и против небрежности, неряшливости, неаккуратности, склонности подменять дело разговорами, за все браться и ничего не доводить до конца.

В процессе активной воинской деятельности, как правило, успешно разрешается противоречие между сознанием долга и чувством страха. Закаленный в ратном труде воин способен сохранить самообладание и уверенность в своих силах в самых опасных ситуациях, проявить инициативу в самой сложной обстановке.

Труду принадлежит большая роль в формировании новых привычек, облегчающих выполнение воинских обязанностей. Выполнение требований морального кодекса строителя коммунизма, присяги, воинских уставов становится привычным лишь через практические действия.

Труд, практика — решающее средство развития мышления. Как отмечал Д. И. Писарев, труд приучает «сближать дело с мыслью, акт воли с актом ума» [1].

В процессе практической деятельности воспитывается трудолюбие. А это — одно из необходимых условий достижения успеха в учебе и в бою. «Во время войны мне не раз приходилось убеждаться в том, — отмечал в своих мемуарах генерал Н. П. Пухов, — что только трудолюбивые командиры, хорошо знающие свое дело, по-настоящему руководили войсками. Если у способного офицера или генерала не хватало любви к труду, он обязательно на чем-нибудь срывался» [2].

Труд не без основания называют отцом всех добродетелей. Его воспитательное воздействие огромно. Но как фактор воспитания труд нельзя абсолютизировать. Было бы неправильным полагать, что сознание долга является автоматическим следствием участия человека в трудовом процессе. Труд выступает хотя и важным, но далеко не единственным средством воспитательной системы, основу которой составляет идейно-политическое воспитание.

---

[1] Д. И. Писарев. Соч., т. 2. Гослитиздат, 1955, стр. 14.
[2] Н. П. Пухов. Годы испытаний. Воениздат, 1958, стр. 32.

Коммунистическая идейность есть высший регулятор деятельности человека — таково важнейшее положение марксистско-ленинской методологии в области обучения и воспитания советских воинов. Идейно-политическому воспитанию принадлежит решающая роль во всем процессе воспитания потому, что коммунистическая идеология является концентрированным выражением общественных отношений, коренных интересов советского народа, строящего коммунизм. Она соединяет в единый монолит волю и действия миллионов, служит верным ориентиром в политическом, общественном и личном поведении, составляет основу всех нравственных понятий, представлений, чувств, привычек, навыков.

Военные теоретики империализма утверждают, что в пылу сражения «уходит сознание», а в момент залпа или атаки идеал «перестает быть осязательным». Конечно, в разгар сражения человек может не запомнить многое из того, что запоминает посторонний наблюдатель. Но это свидетельствует не о потере идейной силы сознания, а, наоборот, о подчинении всех духовных и физических сил воина побудительной идее, решению боевой задачи.

Для командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций нет более ответственной задачи, чем идейно воспитывать воинов, формировать у них высокие морально-политические и боевые качества.

2. Соответствие средств целям воспитания

Формирование коммунистической сознательности предполагает использование целого арсенала различных методов и средств. Их выбор не может быть произвольным. В каждой области общественной деятельности, в том числе и в воспитательной практике, цели находятся в диалектическом единстве с методами и средствами их достижения.

Марксизм-ленинизм отвергает как субстанциональность цели, независимой от применения средств, так и использование аморальных средств под предлогом достижения высокой цели. Для достижения великой и благородной цели применимы только такие средства, которые соответствуют коммунистическим идеалам. Наша мораль требует последовательного проведения в жизнь

принципа гуманизма при определении нравственных целей и средств их осуществления. Моральные нормы включают в себя оценку мотивов и путей их осуществления, так как «личность характеризуется не только тем, *что* она делает, но и тем, *как* она это делает...» [1].

Последовательное осуществление принципа соответствия методов и средств целям особенно важно в воспитательной практике. Применять средства и методы воспитательного воздействия необходимо тонко и умело. Опыт убеждает в том, что если допускается ошибка в использовании их, то это отрицательно отражается на морально-политическом состоянии личного состава, а следовательно, и на уровне боевой готовности подразделения, части, корабля.

В советском воинском воспитании применяются два взаимосвязанных метода — **убеждение и принуждение.**

Наша система воспитания не исключает принуждения. Однако этот метод не является доминирующим и применяется лишь тогда, когда все другие пути воздействия исчерпаны, и не иначе как на базе убеждения. Будучи вспомогательным методом, принуждение связано с убеждением и подчинено ему. Указывая на решающую роль метода убеждения, В. И. Ленин говорил: «...Мы правильно и успешно применяли принуждение тогда, когда умели сначала подвести под него базу убеждения» [2]. Это ленинское положение воплощено в Дисциплинарном уставе Вооруженных Сил Союза ССР, в котором подчеркивается, что воинская дисциплина основана не на принуждении, а на высокой политической сознательности воинов, на глубоком понимании патриотического долга и интернациональных задач советского народа.

Не только метод убеждения, но и метод принуждения в наших условиях осуществляется гуманными средствами и имеет своей целью формирование положительных качеств. Обличая буржуазный цинизм в выборе средств, В. И. Ленин писал: «Пролетариат будет действовать не клеветами, а словом истины» [3]. Советский офицер говорит с подчиненными языком правды и учит подчиненных смотреть правде в лицо.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. Изд-во «Искусство», т. I, 1957, стр. 29.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 216—217.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 20.

Успешное воспитание невозможно без уважения командиром, начальником личных достоинств подчиненных, без доброжелательного отношения к ним. Основанная на уважении требовательность воспринимается подчиненными с ясным пониманием долга. Стремление установить порядок средствами, унижающими достоинство воинов, таит в себе большую опасность. Черствость и грубость глубоко ранят сознание воина, подтачивают его нравственные силы, отрицательно сказываются на самовоспитании, подрывают доверие к воспитателю.

Некоторые командиры и начальники рассуждают так: поскольку армия — суровая школа, то здесь нужна только высокая требовательность, а о теплоте отношений старших и младших и речи-де быть не может. Это заблуждение. В армии действительно необходима высокая требовательность. Как особый организм, армия строится на основе строгой централизации, дисциплины, единоначалия. Приказы командиров должны выполняться беспрекословно как в мирное время, так и в условиях боевых действий. Было бы преступным ставить выполнение боевой задачи в зависимость лишь от желаний человека. Но это отнюдь не означает, будто дружеских отношений между начальниками и подчиненными не может быть. Более того, именно в воинской среде особенно необходимы задушевность, теплота начальников по отношению к подчиненным.

Нередко считают, что грубость является антиподом мягкотелости. Это неверно. Мягкотелость, уговаривание также унижают достоинство личности. Советский человек по натуре своей борец. Он находит радость в выполненном долге, а не в сентиментальной жалости.

Моральный урон от ошибок в воспитании чрезвычайно велик. Вот почему к выбору воспитательных средств следует подходить вдумчиво. Воспитание настолько сложное дело, что ни одно средство нельзя считать абсолютным, универсальным. Выдающийся советский воспитатель А. С. Макаренко резко критиковал метод «единственного средства» как выражение догматизма и шаблона в воспитательной практике. Но этот метод в той или иной мере, к сожалению, еще применяется. В военной печати, например, довольно часто можно встретить рассуждения, что достаточно найти «ключик» к сердцу солдата, поговорить с ним по душам, дать ответственное поручение, и он

якобы сразу преображается, становится дисциплинированным и даже отличником боевой и политической подготовки. В жизни так не бывает.

Формирование личности — следствие не какого-то одного быстродействующего приема, а результат воздействия всех средств воспитания в их диалектической взаимосвязи. Любое средство, употребленное без меры и вне связи с другими, может превратиться в свою противоположность. Дисциплинарный устав предусматривает в качестве средств воспитания и наказание и поощрение. Но применение мер наказания в отрыве от идейного влияния может развить лицемерие, а чрезмерное применение поощрений — породить зазнайство.

В современных условиях происходит сужение сферы административного регулирования поведения людей и возрастание роли нравственных начал в жизни нашей страны и ее Вооруженных Сил. Это придает еще большее значение принципу единства целей и средств воспитания. Теперь все больший вес приобретают такие средства морального стимулирования, как личный пример и общественное мнение.

В. И. Ленин указывал, что никакое воздействие не может идти в сравнение с личным примером. Он писал: «Больше, чем всякие прокламации и конференции, действует живой пример, приступ к делу...» [1] Руководствуясь ленинскими положениями, XXIII съезд КПСС подчеркнул, что идейное влияние на массы, высокая действенность всей идеологической работы находятся в прямой зависимости от силы личного примера членов партии, руководителей [2].

Личный пример как один из наиболее действенных средств воспитания воплощает в себе единство теории и практики, слова и дела, дает возможность оказывать на воспитуемых одновременно идеологическое и психологическое воздействие. В психологическом отношении это воспитательное средство обладает достоинством непосредственного, наглядного, образного, конкретно-чувственного влияния. Личный пример зовет, увлекает. Влияние примера сказывается весьма быстро. Особенно сильно воздействуют мужество и выдержка, которые способны увлечь, во-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 278.
[2] См. Материалы XXIII съезда КПСС, стр. 91.

одушевить даже тех, кто усомнился в своих силах. Однако не следует забывать, что «заразительностью» обладают не только положительные, но и отрицательные примеры.

В армии особенно велика роль личного примера командира, начальника. К офицеру, который образцово выполняет свои обязанности, воины проникаются доверием, любовью и даже перенимают его привычки, манеры поведения.

Влияние личного примера нельзя объяснить только психологическими причинами. Зрелый человек считает для себя образцом лишь тот поступок, который соответствует его целям и призванию. Если психологические факторы лежат в основе быстроты действия личного примера, то прочность, устойчивость, длительность его влияния достигаются органической взаимосвязью идейного и психологического элементов.

Сила личного примера командира находится в прямой зависимости от его авторитета. Как проводник политики Коммунистической партии и Советского правительства, наш офицер пользуется авторитетом в силу своего служебного положения. Однако личный пример офицера окажет глубокое воздействие на подчиненных только при условии, если авторитет служебного положения дополняется авторитетом его личности. Офицер не может полагаться только на предоставленные ему права. Известный советский военачальник генерал армии И. Федюнинский справедливо писал: «Храбрость молодых солдат и офицеров в бою была прямо пропорциональна авторитету и мастерству их старших командиров. Если воин чувствовал, что им руководит умный, опытный военачальник, на которого можно положиться, то он смело шел в бой и зачастую совершал героические подвиги. Та же закономерность лежит и в основе подвигов мирного времени» [1].

Опыт показывает, что в подразделениях, частях, на кораблях, где командиры и политработники обладают высокими партийными качествами, подают личный пример, как правило, крепче дисциплина, лучше идут дела в боевой учебе.

Личный авторитет завоевывается принципиальностью, справедливостью офицера, каждый шаг которого на виду у подчиненных. На воинов оказывают большое влияние

---

[1] «Красная звезда», 4 марта 1964 г.

искренность офицера, душевная теплота, его забота о подчиненных, уважительное отношение к ним. Офицер, обладающий личным обаянием, подобно магниту, притягивает к себе сердца подчиненных. За таким офицером воины идут, как говорят, в огонь и в воду. Солдаты уважают и любят тех командиров, которые вместе с ними стойко преодолевают трудности воинской службы, показывают пример бодрости духа.

Нередко можно слышать рассуждения о том, что в условиях военной службы любовь к командиру, старшему товарищу, чуть ли не мещанская сентиментальность. Это по меньшей мере заблуждение. Любовь к командиру, начальнику — выражение духовного родства военнослужащих армии социалистического государства, самая высокая ступень их дружбы во имя общего дела.

В современных условиях роль личного примера офицера еще более возрастает. Это обусловлено существенными изменениями в политическом, нравственном, культурном облике призываемой в армию молодежи, революцией в военном деле. В ракетно-ядерной войне особенно необходима моральная готовность пойти на преодоление величайших трудностей.

Действенное средство морального стимулирования — умелое использование общественного мнения. Марксизм-ленинизм исходит из того, что, как бы влиятельна ни была личность, авторитет и сила коллектива выше, чем отдельной личности. Только в коллективе человек проходит подлинную, ничем не заменимую школу воспитания. Только здесь он проникается сознанием ответственности за свои поступки и поступки товарищей.

Особенно велика сила общественного мнения воинского коллектива, где каждый солдат, матрос, сержант, офицер находится под непрерывным нравственным контролем сослуживцев. Одобряя и поощряя действия и поступки, соответствующие требованиям воинской службы, и осуждая противоречащие интересам защиты социалистической Родины, общественное мнение тем самым побуждает к безусловному исполнению положений присяги, требований уставов, морального кодекса строителя коммунизма.

Общественное мнение идейно зрелого коллектива обладает достоинством объективности. Коллектив судит о человеке не по случайному поступку, а на основе всего

его поведения. Мнение коллектива обычно свободно от субъективистских ошибок и личных предубеждений. Сила общественного мнения состоит в том, что оно воздействует оперативно и его нельзя оспорить или опротестовать. Для него характерна широкая гласность, которая заставляет переживать даже равнодушных, побуждает каждого выразить свое отношение к происшедшему.

Общественному мнению свойственны и противоречия, что необходимо учитывать в воспитательной практике. Эти противоречия возможны как между мнением эгоистически настроенных военнослужащих и мнением коллектива, так и между правильной позицией даже одного человека и ошибочным мнением группы людей. Чаще всего носителями ошибочного мнения в коллективе являются стихийно сложившиеся в нем мелкие группы, которые используют промахи в воспитательной работе в своих корыстных целях.

Особенность воинского коллектива состоит в том, что в формировании и выражении его мнения ведущая роль принадлежит командиру. Изучая настроения, мысли и чувства подчиненных, командир сплачивает их в единую боевую семью. При этом он опирается на партийную и комсомольскую организации, которые составляют ядро воинского коллектива.

Формирование общественного мнения воинского коллектива происходит под воздействием критики сверху и снизу. В коллективе никто не может находиться вне критики. В деятельности даже самого передового воина могут быть промахи, которые коллектив способен быстро обнаружить и помочь их преодолеть. Критике в Советских Вооруженных Силах не подвергаются только приказы и распоряжения командиров.

Повышение роли общественности ни в коей мере не умаляет авторитета командира-единоначальника. Наоборот, настоящим руководителем может стать лишь тот, кто не только учит массы, но и учится у них, опирается на их опыт и поддержку. В. И. Ленин советовал командирам опираться на бойцов, подчеркивая, что «они всегда подскажут. Главное — быть среди бойцов, в массе» [1]. Каким бы талантливым ни был командир, он не справится с возложенными обязанностями, если не будет опираться-

[1] Ленин и Красная Армия. Госполитиздат, 1958, стр. 78.

ся на партийную и комсомольскую организации, не использует в полной мере силу армейской общественности.

3. Основные закономерности и принципы обучения

Революция в военном деле поставила перед нашей военно-педагогической теорией и практикой сложные и важные проблемы, решение которых невозможно без правильного методологического подхода, без учета всех факторов, влияющих на содержание, организацию и методику обучения личного состава.

Обучение советских воинов — специфический педагогический процесс. Самая характерная его особенность в настоящее время состоит в том, что оно проводится в условиях постоянной боевой готовности войск. Зимой и летом, в казарме и в поле, на земле, в воздухе и на море войска всегда должны быть готовы к ведению боевых действий. Необходимость поддержания постоянной боевой готовности войск оказывает решающее воздействие на задачи, содержание, организацию и методику обучения воинов.

Воинская служба по своей природе требует от личного состава систематической непрерывной подготовки к умелым действиям в бою. Овладение воинским мастерством, совершенствование знаний, навыков и умений — не добровольное дело, а первейшая обязанность каждого военнослужащего, которая выполняется в тесной связи с решением других задач. Обучение органически вплетается во всю многогранную жизнь подразделения, части, корабля, и повседневная служба выступает в качестве своеобразного учителя и воспитателя воинов.

Современная боевая техника и оружие обслуживаются не одним человеком, а группами воинов. Поэтому в процессе обучения командиры готовят не только одиночных бойцов, но и добиваются слаживания отделений, расчетов, экипажей, подразделений, частей, кораблей. Подготовка воинов осуществляется в условиях, максимально приближенных к боевым. В поле, на море и в воздухе личный состав учится умело вести маневренные бои, преодолевать тяготы походно-боевой жизни. Все это усложняет процесс обучения воинов, придает ему большую напряженность.

Процесс обучения слагается из деятельности обучающего (командира, начальника), которую называют пре-

подаванием, и деятельности обучаемых (подчиненных), именуемой учением. В своем диалектическом единстве преподавание и учение направлены на то, чтобы обучаемые овладели системой знаний, навыков и умений, предусмотренных программой. Одновременно у воинов в ходе обучения развивается творческое мышление, формируются морально-политические и боевые качества, закаляются воля и характер.

Как социальный процесс, обучение воинов подчинено общим закономерностям общественного развития. Вместе с тем оно имеет свои специфические законы. К таким законам можно отнести: соответствие воздействий обучающего характеру деятельности и устремлениям обучаемых к знаниям, навыкам и умениям; соответствие воздействий обучающего, с одной стороны, задачам и содержанию обучения, а с другой — познавательным возможностям обучаемых; соответствие воздействий обучающего индивидуальной и коллективной деятельности обучаемых; соответствие деятельности обучающего и обучаемых возможностям технических средств обучения и другие.

Процесс обучения находится в непрерывном развитии. Что же выступает движущей силой этого развития? Некоторые считают такой силой самого обучающего (командира). Отсюда стремление отдельных командиров так организовать деятельность обучаемых, чтобы они, по существу, лишь слушали и пассивно наблюдали. При такой организации обучаемые в лучшем случае запомнят то, что видели и слышали. Но этого далеко не достаточно. Еще Ф. Энгельс отмечал, что при сложном характере военного дела «каждый солдат должен уметь самостоятельно сделать то, что требует момент, не теряя при этом связи со всем подразделением»[1]. Это означает, что в процессе обучения необходимо добиваться не простого запоминания тех или иных положений или приемов. Обучаемые своим напряженным трудом должны приобретать знания, навыки и умения, развиваться умственно и физически.

Сам по себе обучающий не является движущей силой обучения. Обучение воинов — активный двусторонний процесс деятельности обучающего и обучаемых. Движущими силами этого процесса являются присущие ему

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 403.

противоречия. Основные из них: противоречие между воздействиями обучающего (постановка учебных и практических задач, изложение учебного материала, показ приемов выполнения разучиваемых действий, приемы организации деятельности обучаемых и контроль за ней) и возможностями обучаемых (уровень знаний, навыков и умений, степень умственного и физического развития, усвоенные способы и приемы учебной работы), а также противоречие между требованиями современного боя и степенью моделирования деятельности обучающего и обучаемых на занятиях и учениях. К неосновным противоречиям процесса обучения относятся: противоречия между индивидуальной и коллективной подготовкой; между теоретической и практической учебной работой обучаемых; между знаниями и умениями и другие.

Важнейшими условиями разрешения противоречий являются понимание обучаемыми возникших трудностей и необходимости их преодоления и устранение из поля зрения обучаемых всего, что отвлекает их от поисков решения учебной задачи. Долг обучающего — не затушевывать, а вскрывать, обнажать противоречия, возникающие в процессе обучения, мобилизовать обучаемых на разрешение этих противоречий. Обучаемые всегда должны отчетливо сознавать уровень своей подготовки, пробелы в знаниях и навыках, видеть перспективы учебной работы.

В Советской Армии и Военно-Морском Флоте обучение строится на базе принципов (руководящих положений), основными из которых являются: коммунистическая партийность и научность обучения; учить войска тому, что необходимо на войне; сознательность и активность обучаемых; наглядность обучения; систематичность и последовательность в обучении; доступность обучения; прочность овладения знаниями, навыками и умениями; коллективизм и индивидуальный подход в обучении.

Принципы обучения существуют и в капиталистических армиях. Многие буржуазные военные педагоги рассматривают их как «некие рабочие инструменты в руках обучающих». Так, в пособиях по обучению военнослужащих армии США в качестве принципов выделяются интерес, практика, легкость, основное внимание уделяется методическим правилам, позволяющим быстро «натаскать» солдата для выполнения определенных обязанностей.

Советская военная педагогика не сводит принципы обучения к сумме правил и приемов. В принципах усматривается прежде всего методологическое содержание, которое определяет идейную позицию обучающего, его мировоззрение. Вместе с тем наша педагогика рассматривает принципы обучения и как систему основных педагогических требований к политической, военной, технической и психологической подготовке советских воинов.

4. Взаимосвязь содержания, форм и методов обучения

Ракетно-ядерное оружие и другие современные технические средства вооруженной борьбы в корне изменили характер боевых действий, придав им небывалый размах, ожесточенность и стремительность. В армии, авиации и на флоте резко увеличилось число специалистов. Возросли требования к объему и качеству знаний, навыков и умений военнослужащих всех степеней. При этом особо важную роль приобрела военно-техническая подготовка. Ныне зачастую строевой офицер должен владеть знаниями на уровне инженера, а солдат и сержант — в объеме знаний техника, классного специалиста.

С учетом этих требований в наших Вооруженных Силах проведена большая работа по определению содержания обучения личного состава. Ее результаты воплощены в учебных планах и программах боевой подготовки. В них предусматривается дифференцированное изучение всеми воинами ракетной техники, радиоэлектроники, ядерной физики, химии и других новейших отраслей науки и техники. Солдаты, сержанты и офицеры должны усвоить не только устройство боевой техники и способы управления ею, но и физические процессы, происходящие в различных агрегатах и механизмах. Большое внимание уделяется общевойсковой подготовке личного состава всех видов Вооруженных Сил и родов войск, изучению смежных специальностей, средств связи и передвижения. Все планы и программы пронизаны идеей органического сочетания теоретической и практической подготовки личного состава, достижения высокой полевой выучки войск — основы их боеготовности и боеспособности.

Из сказанного отнюдь не следует, что программы не нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Коренные преобразования в военном деле продолжаются. В практи-

ке боевой подготовки возникают новые формы и способы боевых действий, развивается военная теория. Все это требует дальнейшего совершенствования содержания обучения личного состава и программ боевой подготовки.

В процессе революционных преобразований военного дела одновременно с изменением содержания обучения воинов совершенствуются методы и формы учебной работы. Следует заметить, что в нашей военно-педагогической литературе пока слабо разрабатываются вопросы дальнейшего развития методов и форм обучения. А ведь это важнейшие проблемы, от правильного решения которых во многом зависят успехи в боевой и политической подготовке войск. В процессе обучения личного состава используются такие методы, ставшие традиционными, как устное изложение учебного материала, его обсуждение, самостоятельная работа над книгой, показ (демонстрация), упражнение, практическая работа. Они не утратили своего значения и сейчас. В процессе боевой и политической подготовки методы учебной работы обогащаются новыми приемами. Одновременно возникают и новые методы обучения. Примерно так же развиваются и формы обучения (классные занятия, полевые занятия, учения и т. д.).

Качество обучения зависит не только от форм и методов самих по себе, но и от того, в какой связи и последовательности они применяются, то есть от **методической системы**, которая лежит в основе учебно-воспитательного процесса. Передовые командиры и политработники часто добиваются высоких успехов в боевой и политической подготовке благодаря тому, что применяют более совершенную методическую систему.

В современных условиях разработка и внедрение в практику новых, более совершенных методических систем приобрели особое значение. Отдельные системы обучения сложились еще до нынешних революционных изменений в военном деле и предназначались для приобретения обучаемыми сравнительно ограниченного объема знаний, навыков и умений. Такие системы, как правило, вынуждают воинов неоднократно повторять одно и то же. Поэтому обучаемые в ходе занятий нередко сильно утомляются и в то же время медленно продвигаются вперед в своем развитии. Повторение одних и тех же действий и приемов ведет к снижению тонуса коры головного мозга, тормозит высший отдел центральной нервной системы.

Новые методические системы должны полнее отражать особенности, присущие каждому виду Вооруженных Сил и роду войск. Практическая деятельность воинов-специалистов различных профилей имеет свою специфику. Одно дело, например, работа оператора станции наведения и другое — рулевого или акустика на подводной лодке. Поэтому их подготовку нельзя вести по какой-либо одной методической системе.

Одним из важнейших путей повышения эффективности военно-педагогического процесса является широкое использование технических средств обучения. Чем сложнее боевая техника и чем шире объем теоретических знаний и практических навыков, которыми необходимо овладеть личному составу, тем острее потребность в таких средствах.

В настоящее время в обучении все большую роль играют кино, радио, телевидение, звукозаписывающая и звуковоспринимающая аппаратура, различного рода тренажеры и обучающие машины. Они повышают наглядность обучения, позволяют передавать обучаемым более полную и точную информацию, развивать у них активность и самостоятельность, организовать контроль и самоконтроль за учебной работой. Технические средства обучения в практике боевой и политической подготовки используются, к сожалению, пока еще недостаточно широко, а опыт лучших офицеров-методистов слабо изучается и обобщается.

В интересах повышения качества боевой и политической подготовки советских воинов необходимо научно разрабатывать методологические, психологические и педагогические основы применения технических средств обучения в военно-педагогическом процессе.

Некоторые буржуазные военные психологи и педагоги утверждают, что современные технические средства, особенно обучающие машины, снижают роль инструкторов в учебном процессе. По их мнению, задача обучающего сводится лишь к организации учебного процесса, а обучать должны технические средства. Эти утверждения несостоятельны.

Как уже отмечалось, обучение — это двуединый процесс деятельности обучающего и обучаемых. Обучающий не только организует деятельность обучаемых, сообщает им знания и показывает целесообразные приемы, но и,

что особенно важно, воспитывает их, оказывает на них влияние своим убеждением, поведением, отношением к делу. Технические средства сами не учат, а лишь предоставляют возможность обучающему целеустремленно и систематически влиять на обучаемых. А это значит, что и при разнообразии технических средств обучающему по-прежнему принадлежит ведущая роль. Конечно, учебный процесс, в котором широко используются технические средства, изменяет некоторые функции обучающего и предъявляет повышенные требования к его подготовке, в частности к технической и педагогической.

Было бы неправильно видеть в технических средствах обучения рычаг давления на людей, их принуждения. Наоборот, технические средства — хорошие помощники обучаемых. Они выполняют роль своеобразных учебных пособий, помогающих воинам в совершенстве овладеть боевой техникой. Вот почему важно создавать наиболее эффективные технические средства для каждой учебной дисциплины и для ее отдельных тем, разрабатывать оптимальные режимы работы обучаемых с техническими средствами, создавать новые учебные пособия.

Используя новое в обучении, нельзя нигилистически относиться к тем простым и технически несовершенным средствам, которые применяются уже много лет. Подчас они не дают должного эффекта только потому, что применяют их неразумно.

Следует особо остановиться на программированном обучении, идеи которого возникли в США в середине пятидесятых годов текущего столетия. Основываясь на данных кибернетики, американские психологи создали принудительно жесткую схему обучения по формуле «стимул — реакция», которая реализуется через серию проб и ошибок. В соответствии с этой схемой обучаемые работают индивидуально, используя машину или специальное программированное пособие. Учебный материал предварительно подвергается логической обработке, освобождается от подробностей, делится на мелкие дозы, заканчивающиеся контрольными вопросами или задачами. При этом обучение проводят так: обучаемому выдается небольшая доза учебного материала, над которым он какое-то время работает, а затем отвечает на контрольный вопрос. О результатах (правильный или неправильный ответ) его сразу же информирует обучающая машина или

учебное пособие. Если ответ правильный, дается новая доза информации, если нет — обучаемый продолжает работать над первой до тех пор, пока правильно не ответит на контрольный вопрос. При необходимости на помощь могут прийти инструктор или обучающая машина. Здесь каждый обучаемый работает самостоятельно и продвигается вперед в зависимости от личных способностей.

Программированное обучение в США оценивается как дополнительное средство интенсификации труда обучаемых и замены учителя машиной. Многие американские ученые заявляют, что программированное обучение в том виде, как оно организовано в США, знаменует собой революцию в процессе обучения. На деле это далеко не так.

Американский образец программированного обучения зиждется на ложных философских, психологических и педагогических основах. Его теоретическим фундаментом является бихевиоризм — идеалистическое направление в современной буржуазной психологии, игнорирующее сознание человека, преувеличивающее роль механического реагирования на внешние раздражители и сводящее психические явления к реакциям организма. Поэтому американская система программированного обучения не развивает, а дрессирует человека. Эффект достигается не за счет совершенствования методов умственной деятельности, а благодаря механической интенсификации труда обучаемых.

Не разобравшись в теоретических основах и сущности американского программированного обучения, некоторые наши педагоги приняли его за метод, идущий якобы на смену традиционному лекционному методу. Основываясь на этом, они пытались перенести американское программированное обучение в наши условия вне связи с общими задачами совершенствования процесса обучения. Основное внимание сосредоточивалось на создании различных по конструкции, но одинаковых по принципу работы обучающих машин, которые на практике применялись эпизодически и давали незначительный эффект.

Решительно отвергая теоретические посылки американского программированного обучения, необходимо правильно оценить его положительные стороны. Речь идет прежде всего о логической, психологической и дидактической обработке учебного материала, о некоторых приемах обучения, отдельных способах использования техниче-

ских средств в учебном процессе и т. д. На основе принципов кибернетики, теории информации, математической логики в нашей стране уже разрабатываются такие технические средства, которые позволяют создать эффективную систему обучения, базирующуюся не только на опыте, данных психологии и педагогики, но и на достижениях других наук.

При совершенствовании программированного обучения необходимо, на наш взгляд, добиваться, во-первых, чтобы оно органически включало в себя лучшие приемы и способы традиционного обучения, прежде всего такие, как классно-групповые (семинарские) занятия, лекции, решение практических задач и другие. Это означает, что внедрение программированного обучения предполагает совершенствование и традиционной системы с учетом нового, что рождается в учебно-воспитательной работе.

Во-вторых, программированное обучение должно строиться на основе научно разработанных учебных программ, рационально построенных алгоритмов деятельности обучаемых и постоянно действующей внутренней и внешней обратной связи. Оно немыслимо без повышения самостоятельности и активности обучаемых, причем активности не механического реагирования, а прежде всего мышления. Строить программированное обучение следует так, чтобы обучаемые под руководством преподавателя в короткие сроки самостоятельно приобретали знания, навыки и умения и в то же время всесторонне развивались, чтобы у них формировались творческое мышление, инициатива, выдержка, настойчивость в достижении поставленной цели и другие качества.

Программированное обучение возможно как с помощью обучающих машин, так и программированных учебных пособий. В том и другом случае в нем должны найти широкое применение кино, телевидение, звукозапись и другие технические средства.

Дальнейшая научная разработка проблем воспитания и обучения требует организации комплексных исследований, привлечения к нему специалистов многих отраслей знаний, а также офицеров-практиков, систематически добивающихся высоких результатов в учебно-воспитательной работе.

★

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

М., Воениздат, 1966. 328 с.

Редактор *И. М. Романов*
Технический редактор *Р. Ф. Медведева*
Корректор *Т. В. Жильцова*

* * *

Сдано в набор 1.6.66. Г-32347 Подписано к печати 1.10.66.
Формат бумаги 84×108 1/32 10 1/4 печ. л. = 16,81 усл. печ. л. = 16,994 уч.-изд. л.
Изд. № 1/7740. Тираж 45000. Зак. 266.
Цена 1 р. 05 к.

* * *

1-я типография
Военного издательства Министерства обороны СССР
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3